

УРАЛЬСКИЙ № 7 (589), 2006
снеговик
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

ИЮНЬ:

**ЕСЛИ ВЫ
НЕ БЫВАЛИ
В ПАРИЖЕ...**

**ВЕРТОЛЕТЫ
УЧИЛИСЬ ЛЕТАТЬ
В БИЛИМБАЕ**

**«ЧТО
БЫЛО БЫ,
ЕСЛИ...»**
наше альтернативное будущее

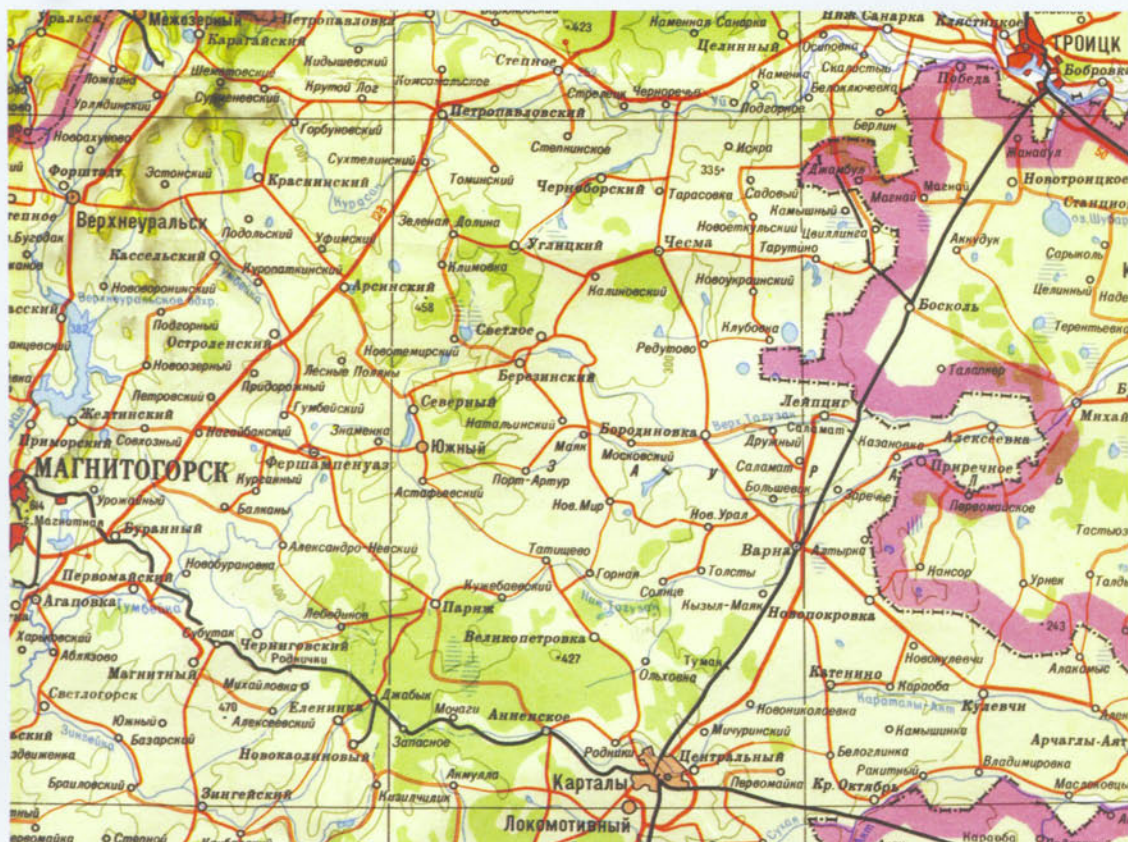
45 лет под парусами

Знаменитый детский отряд «Каравелла» собирает ветеранов

Маршруты Уральского следопыта

Статью о зауральском Париже читайте на стр. 68

Главный редактор – Максим Фирсов
Редакторы разделов – Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин
Худ. редактор, верстка – Юлия Ульянова
Художник – Ирина Овсянникова
Набор – Валентина Кадочникова
Корректор – Надежда Челнокова
Фото 1-й полосы обложки –
 Алексей Кузнецов

Интернет-версия – Андрей Ключников
Учредитель – общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»
Издатель – ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет –

Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 7, 2006
 Издается с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР.
 ООО «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логотипы и название журнала.
 Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12
 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.
 Каждая страница рукописи должна быть подписана
 автором.
 Обязательно прилагать информацию об авторе; ука-
 зывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакторскую правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-
 ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
 При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.
 Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия
 ООО «Уральский следопыт».
 Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62.
 Подписано к печати 04.06.2006 года.
 Формат бумаги: 84x108/16 Усл. печ. л. 9,66.
 Печать офсетная. Тираж 4500.
 Отпечатано в типографии
 ООО ПТЦ «ЯСА»
 г.Красноуральск, ул. Чкалова, 4

Заказ №

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
 УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

июль 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Поиски и находки

И. ГЛАДКОВА

Аэрокосмический след в Билимбае ... 14

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России 19

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН

«Соломенный талер»
 и «старый медный нос» 23

Далекое-близкое

О. ОЖГИБЕСОВА

Горькая участь памятников, или
 Один день в Тобольске 26

Версия

А. БОДРЫХ

Еще об уральских дольменах 42

Легенды и были

Э. СОКОЛОВ

Вечевой колокол 44

Проекты «Уральского следопыта»

Ю. ГОРБУНОВ

«Соломинка» для Масловой 46

Портреты

Е. МИНАКОВА

Кольчуга для рыцаря-одиночки 60

Награды субъектов УрФО

А. МАКУРИН

Награды Тюменской области 73

Страна топонимия

В. ПРИВАЛОВ

«Пермь Великая глаголемая Чюсовая». 80

Уральская кладовая

**А. ШОРИН,
 Ю. ЕРОХИН**

Камень цвета зари 88

АЭЛИТА

Дебют

С. РУДНЕВ

Картежники 20

Фантастика

А. АРТЕМОВ

Формула времени 47

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН

Приглашение к рисованию 82

Наш гость

Т. ГОГОЛЕВИЧ

Где-то под Тулой 83

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Юбилей

Б. ГРЕХОВ

Отчаянное положение 2

Человек в экстремале

Ю. ШИШКИН

Чулышманский пленник 31

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

Староуткинск 40

Невыдуманные истории

И. ЯМАНГУЛОВ

В Париж без визы 68

История уральского туризма

С. КОРОТОВСКИХ

Поход семидесяти 76

все товары и услуги, рекламируемые в журнале "Уральский следопыт", имеют необхо-
 димые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность
 информации, опубликованной в рекламных объявлениях.
 Материалы рубрики "Добрые попутчики "Уральского следопыта" публикуются на
 правах рекламы.

В июле 2006 года детскому отряду (он же – пресс-центр в свое время журналов «Пионер» и «Уральский следопыт», он же – киностудия, он же – парусная флотилия) «Каравелла» исполнилось 45 лет. «Столько не живут!» – воскликнет любой педагог, занимающийся внеклассной работой. А «Каравелла» живет, ходит под парусами на построенных своими руками яхтах, снимает художественные кинофильмы, пишет книги, издаваемые в Екатеринбурге и Москве. «Каравелла» живет и здравствует (и дай Бог ей еще многие лета!) благодаря энтузиазму ее матросов, шкиперов и капитанов, внештатных инструкторов, ветеранов, которые приводят в отряд своих детей, а скоро поведут и внуков. «Каравелла» живет все эти 45 лет благодаря ее создателю – писателю Владиславу Крапивину, которого все в отряде зовут просто Славой.

Редакция, редакционный совет журнала «Уральский следопыт» поздравляют своего давнего коллективного юнкора – отряд «Каравелла», своего давнего автора – Владислава Петровича Крапивина с днем рождения уникального во всей России детского объединения и желают им долгой творческой жизни.

Сергей Казанцев,
флагман отряда «Каравелла»,

член редакционного совета журнала «Уральский следопыт».

Борис ГРЕХОВ,
ветеран отряда «Каравелла»,
фото из архива отряда,
специальная съемка Алексея КУЗНЕЦОВА

– Отчаянное
положение, –
проговорил кот. –
Ведь кое-что помню.
А. и Б.
Стругацкие
«Понедельник
начинается в
субботу».

**«Отчаянное
положение»**

Вечер. Я пришел домой с работы. В ушах все еще горят насосы и вентиляторы, в глазах полыхает пламя газовых факелов и дергаются стрелки манометров, в мозгах щелкает арифмометр: давление газа... воздуха... температура... расход пара...

Дочка радостно вскакивает из-за стола:
– А я матищу делаю! Давай помогай!
– А... – начинаю я.
– А с бабушкой я поругалась! А одной скучно... Ну посиди!..

– Ага...
Мучительно пытаюсь развести в разные стороны показания приборов, которые не так давно записывал в журнал, и примеры из учебника.

– Так... Шестьдесят пять поделить на двести восемь... При чем тут двести восемь?! Это же температура дымовых газов! А, вот! Шестьдесят пять разделить на пять... Правильно, тринадцать. Теперь... К сорока трем тысячам прибавляем одиннадцать атмосфер... Черт, откуда атмосферы - то взялись?

Юбилей

АЭЛИТА

Когда наконец удастся расставить все на свои места, примеры кончаются.

– Ура, телевизор! – А там набившая оскомину «Няня».

– Ладно уж, смотри...

Сквозь диалог Вики и Константина прорывается телефонный звонок.

– Да, слушаю...

В трубке радостный голос Лены Орловой, как это часто бывает, в телеграфном стиле – без пауз и знаков препинания:

– Привет, ты знаешь, что летом отряду сорок пять? Я только что встретила Лешку Усова, и мы собираемся делать «Краба».

Я все еще где-то между таблицей работы котла и учебником математики за четвертый класс, но в голове раздаётся громкий щелчок. Лена продолжает:

– Я звонила Ларисе, договорились, что делаем вместе. От ветеранов требуются воспоминания. Только немного, напиши странички две... Мне еще пирожки делать. Пока! – Гудки.

Сквозь рутину домашнего вечера в голове опять щелкает. Щелкает все чаще и чаще. Щелчки сливаются в бешеную пулеметную очередь, а в глазах мелькает «рапид»: темнота – вспышка – кадр, темнота – вспышка – кадр... Лица, яхты, события, пейзажи, голоса, даже запахи...

...Огромная ободранная шляпка занимает большую часть помещения. Между корпусом и потолком зазор чуть меньше полуметра. Вокруг, в и даже под корпусом возятся мальчишки и что-то делают. В голове паническая мысль: «Зачем ее сюда затащили? И КАК ее будут выносить?!» (Вносили через окно по частям: отдельно корпус, отдельно надстройку и собирали вместе уже на улице.)

...Хмурый голос Славы: «Семиклассников мы не принимаем, ты уже староват...»...

...Рыжая сверкающая шевелюра Беси – Сереги Коробова...

...Полотняные обувные мешки, в которые мы насыпаем песок – балласт для «Дика Сэнда»...

... Рулевой «Тома Соьера» спрашивает моего брата – упитанного третьёклассника:

– Ты сколько весишь?

– ...

– Хорошо, будешь на открене.

Через несколько минут в 30 метрах от берега шквал выдувает «откреника» из яхты, как перышко...

...«Африка» мерно поднимается на встречную волну. Я на баке открениваю и между делом изображаю щит: все брызги от ударов волн мои. Между Бараном и Высоким метрах в трехстах от берега среди волн две головы. Вылавливаем любителей острых ощущений: они с пляжа Электродепо отправились на Электростанцию вплавь за «горючим». Хриплые вопли «Спасибо!» еще долго слышатся против довольно свежего ветра...

...Съемки «Робин Гуда». Эффектный кадр: ссора Робина и монаха Тука. Робин падает под ноги бе-

1964-й:—))

((—:Владислав Крапивин

1964-й:—))

гущего на него Тука: полет, падение — красота. При съемке немного не рассчитали направление, и вот к моей голове приближается симпатичный такой валун высотой сантиметров сорок (точнее, моя голова приближается — ведь это я лечу, а не валун)...

...Стрелок шерифа Макс Языков после встречи его шлема-ведра с дубиной Тука (полуметровая оглобля толщиной с руку с небрежно привязанными «бульжниками» из пенопласта) весьма реалистично «выходит» из боя. Звон в голове слышен еще с полчаса всем окружающим...

...Строим сразу целую эскадру — четырех «мушкетеров». «Муравейник» завален фанерой, досками, рейками...

...Не были на базе около месяца, а завтра последний выход. «Африка» на перископной глубине. Оказывается, шлюпку можно использовать как рыбацкую снасть: откачивая воду, вылавливаю четырех окунишек...

...Пишем материалы для «Пионера», посвященные шестидесятилетию комсомола. Почему-то печатают только мой. Но я этого не писал! Слава ехидно отвечает на мое недоумение:

— Это называется редакторской правкой. Кстати, изволь получить гонорар... — протягивает четыре рубля и мелочь...

...Прорвало, кажется, всё сразу: и канализацию, и горячую, и холодную воду. В «муравейнике» грязь и вода, взломаны полы, со стен сползает роспись. В гробовой тишине Слава хрипло и устало, но твердо говорит:

— Работать здесь просто опасно. Домоуправление ремонтировать отказывается. Нам самим этот ремонт не потянуть. Флагманская группа решила работу отряда прекратить. В «Пионер» я уже сообщил. Яхты передаем первоуральцам. Имущество разбираем по домам. Всё, ребята...

...Разносятся упорные слухи, что вместе с новообразованным Сергеем Цымбаленко пресс-центром работает и «Каравелла», точнее, ОРЭК — «Отдельные Рабочие Экипажи Каравеллы». Решаю проверить. Двухэтажный особняк на Добролюбова. В подъезде на драном дерматине двери трафаретный рисунок краба. Сразу за дверью комната с минимумом мебели: печь, стол, несколько стульев, зато вдоль стен широченные, как полаты, стеллажи-верстаки с ворохом инструментов и материалов. На стене газета. За столом симпатичная молодая женщина — Женя Гагарина.

— Да, действительно, «Каравелла» здесь работает... У них через полтора часа занятие... Да, можете подождать здесь...

Без работы в этот день, естественно, не остаюсь: вместе с Инкой Депутатовой и, кажется, Сережей Рыжковым делаем из фанеры кожану для барабанов...

...День весеннего равноденствия. Изображаю пирата и по совместительству верховую лошадь. С Никой Куцилло на плечах в окружении развеселых пиратов под хриплый вопль: «Кто тут БЕЗ НАС

обижает маленьких?!») врываюсь в зал. Недавно травмированная нога подворачивается перед самой сценой: незапланированное падение каким-то чудом удаётся превратить в парный кувырок. К счастью, заткнувший за пояс огромный топор оказывается тупее валенка, иначе остался бы на одной (той самой травмированной) ноге...

...Лагерь на Флюсе. Ясное солнечное утро. Ветра так мало, что даже листья с деревьев падают отвесно. «Трэмп» гордо и неторопливо движется в одном ему известном направлении, полностью игнорируя довольно-таки меланхоличные действия экипажа. Наконец рулевой-стажер Андрей Щербаков не выдерживает: «К повороту оверштаг приготовиться!». Экипаж несколько оживляется. «Пошел поворот!». Челюсти экипажа с грохотом ударяются о днище и банки шлюпки. Рулевой гордо встает, поворачивается лицом к корме (соответственно, к носу шлюпки и экипажу спиной), твердо берется обеими руками за румпель и... начинает размахивать им от борта к борту, вода под кормой вскипает. Не ожидавший ТАКОГО «Трэмп» рвется вперед и, виляя кормой, как собака хвостом при виде хозяина, резво мчится к базе по кратчайшему направлению — по прямой.

Вечером того же дня ветра хватило всем, а «Портосу» даже с избытком — на нем ударом волны выбило руль. Аня Мясникова, свесившись за транец, до самой базы удерживала руль в воде руками. А после ужина у костра мокрая и счастливая героиня дня вдруг хрипло сказала:

— Знаете, я, кажется, написала музыку к «Колыбельной для брата»...

...Подвал на Восточной — клуб «Восток». Дорожку для боёв пришлось разметить по диагонали, но сражаться лучше, стоя на коленях, иначе всех засыпает сбитая с потолка побелка...

...В клуб «Космос» переезжаем в начале зимы. Вот где простор! А потолок! Это уже четвертое на моей памяти помещение, которое приходится рисовать Евгению Ивановичу Пинаеву, но он довольно (еще бы, такой простор для фантазии и кисти художника!) басит: «Прекрасно! Только бы опять закрасить не пришлось. А я вам еще картин подброшу!»...

...Очередной День весеннего равенства. Премьера песни! Вася Джулай поет, а Игорь Тимофеев и я хрипло ря-

1967-й:—))

1968-й:—))

1969-й:—))

Юбилей

каем припев:

Девочка, девочка, маленькая девочка –
Синие, синие, синие глаза!..

...Горестный вопль Саши Больных: «И кой черт
занес меня на эту галерею?!». Вопрос, вообще-то,

риторический, поскольку Саша в свое время пришел сам поругаться со Славой по поводу «неправильных методов воспитания подрастающего поколения», да так и остался...

...Тренировочные бои. Антон Шитлин насаждает на Сержика Аладжикова, желая отыграть очко. Звон клинков нарушается хрустким щелчком лопнувшей стали. Идущий в атаку Антон на мой хриплый вопль «Стоп!!» отреагировать не успевает, а я в прыжке к дорожке вижу замедленное кино: обломленный клинок Антона скользнул под воротничок маски Сержика, прополз по горлу и вынырнул за ухом... Под сдавленное «Уй-йя!» (прищемило ухо) Сержика срываю с него маску и смотрю на шею. ...Уф, на горле даже не царапина, а только белая полоска – след скользнувшего клинка... Отброшенный в сторону Антон хочет ругаться, но смотрит на Сержика, тот на Антона, и оба медленно бледнеют.

Интересно, как в тот момент выглядел я? Кстати, этот обломленный кончик рапиры до сих пор лежит у меня в одной из коробок...

...Озвучиваем «Жили-были барабанчики». Рутинна: техника ломается, пленка рвется, нужных мелодий не нашли... В общем, всё – как в написанной по горячим следам Сашей Больных песне:

Сделать задумали мы кинофильм.

Быстро отсняли, озвучивать взялись.

И для начала, чтоб было смешней,

Насмерть друг с другом мы переругались...

...Снова практика, снова ВИЗ. Флотилия несколько разрослась: к «мушкетерам», «Трэмпу» и новоприобретенной моторке добавилась старенькая «шестерка», названная (неофициально) «Странником». «Странник» дефилирует от Барана в сторону базы. Меланхоличный доклад разлегшегося на баке впередсмотрящего Миши Выходца: «Прямо по курсу камень... И очень близко...» прерывается гулким ударом...

...Пляж у Электродепо. Из воды торчит здоровенный валун с крупной надписью белилами «Конец лодочной стоянки». Наглухо зарифленный «Трэмп» с каким-то мрачным упорством движется к этому валуну. Скрутить оверштаг не получается – всякий раз волна возвращает на прежний курс. Делать фордевинд опасно – на крутой волне мелководья шлюпка легко может опрокинуться. А камень все ближе. Нервы не выдерживают: горохом сыплемся за борт и руками разворачиваем шлюпку к базе. Потом так же стремительно (пока не сбежала) забираемся обратно...

...Строим новую флотилию: сразу восемь «штурманов». Визжит перегретая пила, с треском лопаются стрингера, пулеметными очередями летят вырываемые из обшивки шурупы... Но каждую неделю снимаем со стапеля очередной корпус. А дальше достройка. Ставим продольные переборки, колодцы, стелем палубу, строгаем мачты... Весело!..

Открываем навигацию 19 мая. И первый же выход кончается килианием. Пример подает Слава: он решил показать, как надо ходить на новых яхтах. При

АЭЛИТА

оверштаге стаксель-шкоты цепляются за фаловую утку, яхту стремительно уваливает, и... А лед-то сошел всего две недели назад!..

...По опыту первых плаваний поставили на яхты швертовые стопора — дабы не утопить шверт при килинии. Единственное неудобство: задать шкерт стопора можно только на плаву. Перед отходом от пирса ходим и «трясем» рулевых. Дима Пыхтеев злится: «Сколько можно?! Давно уже задал!». Через десять минут после очередного шквала «Пионер» ложится парусами на воду. Игорь со Славой подходят со стороны днища, я же на втором катере иду с другой стороны и поэтому один наблюдаю картину, от которой волосы встают дыбом: экипаж висит, цепляясь за наветренный борт, шверт выскальзывает из колодца, ударяет клыкком Юлька Баландину в живот и утаскивает ее под воду. Сердце проваливается куда-то в пятки, дыхание перехватывает. Одной рукой рву рукоять реверса на «Стоп», другой нащупываю нож, готовясь нырять и резать веревки, но в это время Юля выныривает сама. От облегчения «выпадаю в осадок» — мысленно, поскольку руки сами выдергивают «утопленников» из воды.

Пока доставляю купальщиков на берег и возвращаюсь обратно, «Пионер» благополучно втыкается мачтой в дно. Долго-долго дергаем его в два мотора, наконец, мачта не выдерживает издевательств и ломается, и яхта, разбрасывая во все стороны ил, встает на ровный киль. Ил набился даже в вантовую оковку...

...Жара, штиль, духота. По графику у нас гонки. Пока «Странник», играющий роль судейского судна, выползает к поворотному знаку, ломаем весло. Болтаемся на якоре, потеем, отбиваемся от оводов и ждем. Ждем, ждем, ждем... Наконец, растянувшаяся на полдистанции эскадра подползает к бую. Шлюпку сотрясает мощнейший удар. Дернувшийся кованный румпель бьет меня в челюсть. Лешка Кузнецов, держа в руке валец, отдирает от банки жалкие остатки овода и мрачно-удовлетворенно цедит сквозь зубы: «Отлетался, с-с-скотина...».

...Кадр из хроники: столб с табличкой «Не влезай — убьет». Переход камеры на развеселую компанию, идущую с базы. На мне висят человек пять малышей: Санька Брусницын, Вовка Шардаков, Кирилл из «Соляриса» (не помню фамилии), еще кто-то... За кадром сожалеющий голос Славы: «И все равно ведь влезают»...

...«Шестерка» с легким шелестом режет форштевнем по-осеннему свинцовую воду. Туман, хоть и не очень густой, тоже резко снизил видимость — берега растворились в этом серовато-голубоватом мареве... Компания студентов, желавшая оттянуться на пикнике и еще полчаса назад весело гомонившая на базе, как-то странно притихла. Со мной же играет шутку не в меру разгулявшееся воображение: вода кажется не по-озерному тяжелой, а в воздухе явно чувствуются запахи соли, йода и гниющих водорослей. В ушах тихонько, комариным зудом, звенит строка из песни:

1969-й:—))

Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят надолго — куда?..

Много лет спустя один из участников того похода, к тому времени преуспевающий бизнесмен средней руки, признался мне при случайной встрече: «Знаешь, а я часто вспоминаю то плавание... Я ведь в походах и на Соловки ходил, и по Обской губе, и на Байкале, но такого... завораживающего до жути

1970-й: —)))

баке наклоняюсь, готовясь поднимать якорь. Старт! Ракета, вместо того, чтобы уйти в зенит, с шипением проносится параллельно воде над моей головой, едва не сняв с меня скальп...

...Погода — блеск: на небе ни облачка, солнце, ветер северо-западный, умеренный до свежего, за Бараном кое-где пляшут «барашки». В общем, самая что ни есть шлюпочная. Моя хандра (с недосыпу) испаряется без следа. Прокопий Иванович, выдавая снаряжение, осторожно спрашивает:

— Справишься?..

Мы рассматриваем мой экипаж: два новичка, впервые увидевшие шлюпку, и «старый морской волк» с двумя разгильдайскими выходами за плечами.

— Справлюсь. Люди не пугливые, а так «шестерка» и сама может вывезти. Лихачить не будем.

— Ну, гляди. Вытаскивать вас некому.

Границу ветровой тени Барана пересекаем на гребне волны. Следующая волна, ударив в скулу, рассыпается тучей брызг. Что ж, первое приветствие вполне дружеское, не без подначки, однако.

Первый поворот делаем с небольшим зависанием и сносом под ветер. Следующий галс — к Барану с наветра от линии быков. Очередной вал подхватывает шлюпку и на гребне несет ее под ветер. Проехав так метров восемь, «шестерка» как будто вспоминает, что она не доска для серфинга, а вполне приличное судно, цепляется килем за воду, соскальзывает с гребня и рвется вперед. Вал, утробно-разочарованно ворча, уходит в сторону, неожиданно показывая метрах в четырех от борта «всплывшее» ребро быка...

...Очередные гонки (сколько их было, сколько еще будет...). Моторки мечутся между то и дело валяющимися яхтами, но... помогать нельзя: экипаж, принявший помощь со стороны, выбывает из гонки. Ничего, справляются сами. Так, вот еще один улегся. Подхожу ближе, сбавляю ход, стараясь при этом не попасть под других гонщиков. Матросы, отдуваясь от брызг, плывут к мачте, а рулевой Кирилл Ауэрбах прыгает на шверте и кричит проходящим мимо: «Возьмите часы, не хочу мочить!». Паруса отрываются от воды, мачта резко идет вверх. Кирилл зайчиком прыгает в копит, перехватывает румпель. Матросы переваливаются через борта, разбирают шкоты. Пошли. Молодцы!..

Кстати, в тот день не сошел с дистанции ни один экипаж...

...Решаем расширять флотилию: строить пару двухмачтовиков. И для пущего эффекта, и чтобы было на чем гостей прокатить. Слава предлагает увеличить «штурмана», но... почему-то не лежит душа, хочется чего-то другого. А что если... самому придумать? Дома зарываюсь в журналы в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец нахожу «Робинзона». Но немного не то. Ничего, переделаем. Заострим нос. Получилось длинно? Чуть-чуть укоротим... В итоге от оригинала остались колодец со швертом да обводы кормы. Что ж, неплохо. Теперь беремся за паруса.

очарования... никогда не испытывал...».

...На базе соревнования по морскому многоборью. Старт гребной гонки. С катера ведется отсчет времени, судья поднимает руку с ракетницей. Я на

1999-й:—))

2006-й: -))

Юбилей

АЭЛИТА

Бермудский кеч? Нет, или площадь мало-вата, или мачты слишком высокие, да и на разный ветер настраивать сложно. И не смотрится. Верчу чертежи и так, и этак. А что если... гафельную шхуну с топселями? Считаю, черчу, режу, клею, снова считаю, снова черчу, снова...

Слава показывает проект «Гека Финна». Да, увеличенный «штурман». Через несколько дней приношу свои чертежи. Сначала показываю их Ивану Тяглову. Он чешет в затылке:

– Слушай, я ведь не строитель. Не слишком сложно? Ты в этом деле после Славы самый опытный, так что действуй сам.

Слава рассматривает чертежи:

– Да, интересно. Но, вот...

Я бросаюсь в бой, защищая свои идеи. Три недели спорим со Славой каждую свободную минуту. Спорим до хрипоты. Диапазон аргументов от конструктивных и сугубо специальных до типа «Сам дурак!». Наконец Слава устало говорит:

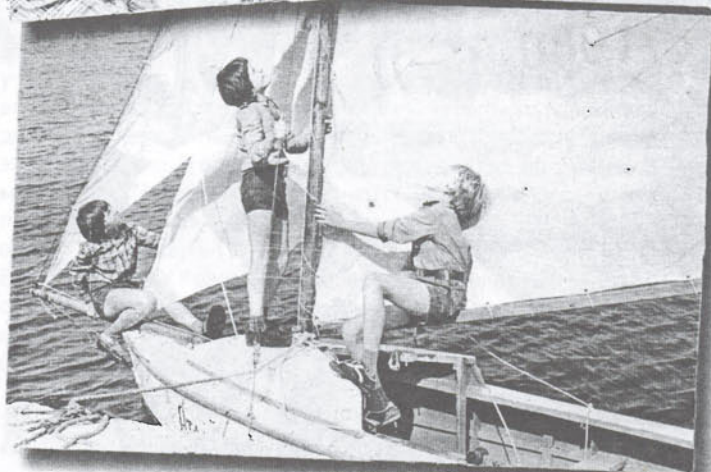
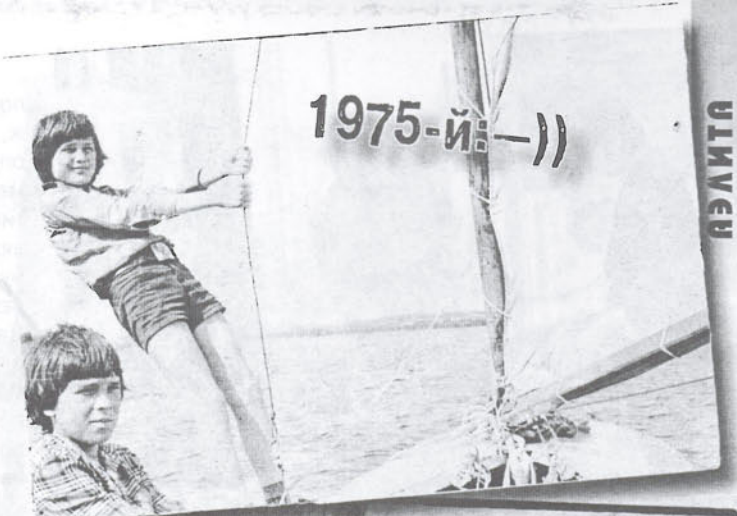
– Ладно, строим обе. На воде сравним, что у кого получилось. Как назовешь яхту?

Я растерянно «лезу у потылицу»:

– Хм-м... может, «Гаврошем»?..

...При закладке «Гавроша» после установки скуловых стрингеров лопается форштевень. Недолго думая, вырезаем штевень из куска пятнадцатисантиметрового бруса. Теперь нам никто не страшен, все равно у нас форштевень крепче!..

...Шарташ. День Кировского района. Штиль. На зеркальной глади воды замерли два «Гавроша». Прочувствовать красоту этого зрелища мешает жара. В белесом небе стрекочут пропеллерами дельталеты. Один из них чуть снижается и делает над нами широкий круг. «Прицеливается! Ну, щас я ему!..» – Андрей Ляпustin поднимает насос и посылает в небо струю заборной воды. Треск мотора резко обрывается, дельталет клюет носом и как-то неуверенно и дергано снижается к ближайшему берегу. Удивленно следим за этим полетом-снижением. Немного не долетев до берега, дельталет поворачивает вдоль уреза воды (правильно, на берег не есть – на мысу вековые сосны растут у самой воды) и плюхается, подняв тучу брызг. Сонной одури как не бывало. Во все весла мчимся к берегу. Когда с полного хода выбрасываемся на берег, мокрый пилот уже сидит под сосной и, болезненно морщась, массирует грудину – при

посадке ударило рулевой трапецией. Что ж, начинаем классическую спасательную операцию по подъему затонувшего на трехметровой глубине транспортного средства типа дельталет. Ищем, находим, ныряем, вяжем. Выбросив на берег закрепленный буксир, привлекаем к «общественно-полезной» деятельности собравшихся зевак. Дружно ухнув «Дубинушку», толпа человек в тридцать выдерживает «утопленника», как морковку из грядки. Закон подлости: пока возимся с «утопленником» — дует вполне приличный ветер, но на базу возвращаемся на веслах...

...Испытываем купленный с помощью СТК надувной катамаран. Ход у него, конечно, получше, чем у «Гавроша» и «кадета», но ощущения странные: всё какое-то мягкое, прогибающееся, колышущееся... Главная хохма впереди: в бейдевинд правого галса этот «воздушный шарик» лихо дрейфует... на ветер...

...После практики народ начинает ныть: «Давай сделаем катамаран!». В ответ на робкие возражения к моему носу приближается с десяток разновеликих кулаков. М-да, аргументы весомые. Ищу, черчу, считаю и т.д.

...Верх-Нейвинское водохранилище, регата «ЯВА-трофи». Вообще-то, была договоренность рекламировать «Насменку», но в последний момент в редакции что-то не заладилось, и мы прикатили к пансионату «Зеленый мыс» свободные, как птицы в полете. Решаем не «гнать лошадей», а спокойно обустроить лагерь и присмотреться к округе. Не торопясь, ставим палатки, таскаем дрова, чиним пробитое при перевозке днище «Гавроша». Рассматриваем окрестности, в первую очередь, конечно, воду. Водохранилище довольно длинное, но узкое, метров четыреста, зажатое между двумя грядами поросших лесом холмов, много узких заливов. Ветра, похоже, дикие, судя по акробатическим прыжкам гонщиков и местных яхтсменов (три шквала с трех разных сторон в течение двадцати секунд и ста метров движения по курсу — неслабая головная боль!)

...Выводим на «рысистые» испытания законченный только к поездке катамаран. На отходе немного задерживаемся, поправляя шверты. Наконец подбираем шкоты. Рывок яхты из-под нас очень даже ощутим. «Гаврош», судя по буруну, имеет уже больше четырех узлов, но мы просакаиваем мимо него, как мимо буйка. Поворот оверштаг: непривычно размашисто, но быстро. Возвращаемся, снова поворот, и... треск ломающейся мачты. С руганью выбираемся из-под рухнувших на нас парусины и труб — всё,

Юбилей

ЛЭЛТА

Борис Грехов:—))

участок всего - то метров сто — сто двадцать. Куда поворачивать, видим в самый последний момент. Сначала пытаюсь запомнить дорогу, но после пятнадцатого или двадцатого поворота бросаю это гнилое дело. И вообще, раз другие здесь ходили, значит и мы пройдем! Когда заросли наконец расступаются, по инерции продолжаем искать точку следующего поворота, и лишь когда в скулу мягко ударяет волна, до нас доходит, что — вырвались! Вот он — Таватуй! Красота - то какая! Ветер настолько ровный, что совершенно не воспринимается, и кажется, что яхты движутся сами по себе, а вода теплая, мягкая и шелковистая, как... собольный мех...

...Вечером на катере подходит поболтать местный спасатель. Узнав, что мы на наших «скорлупках» (у местных сплошь «крейсера») под парусами сходили на Таватуй и обратно, долго смотрит на нас со странным выражением и тихим, лишенным всякого выражения голосом произносит:

— Наши ходят туда только на моторах...

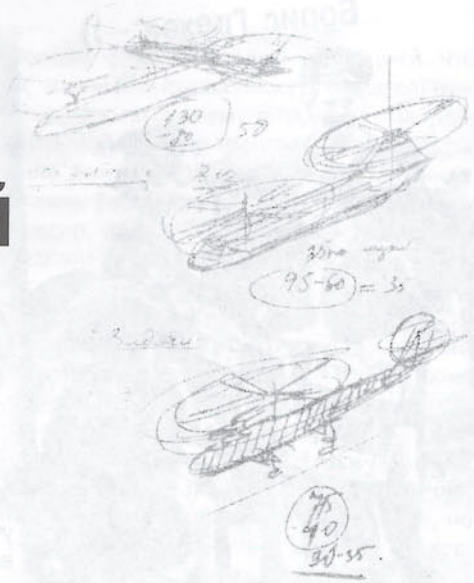
...Из лагеря смотрю, как «Гаврош» под дальним берегом подбирается к гоночной дистанции. На какой-то неуловимый миг восприятие уже немного привычного пейзажа резко меняется: берег стремительно уносится куда-то к горизонту, а «Гаврош» превращается не то в гриновский «Секрет», не то в нечто рыбацко-пиратское...

отходились. Жаль. Зато теперь знаю, что надо переделывать...

...Во время «визита вежливости» в местный яхт-клуб узнаём о связи водохранилища с озером Таватуй. Ес-сно, загораемся желанием новых открытий. По описанию находим вход в протоку, и вперед... в камыши и кустарники. Вот это слалом! Ширина протоки метров двенадцать, а вот самый длинный прямой

Аэрокосмический след в Билимбае

Сотни глаз следили за тем, как, изрыгая гром и огонь, по взлетной полосе промчался маленький истребитель. За 78 секунд полета испытатель должен был набрать максимальную высоту до двух тысяч метров. И он ее набрал, но самолет вдруг дал крен, ушел в отвесное пикирование и... упал на берегу реки у села Патруши, в шести километрах южнее аэропорта Кольцово.

Это была двойная трагедия: во-первых, погиб летчик-асс, во-вторых, погибло дело, которому были отданы почти три года изнурительной работы большого коллектива конструкторов. Конечно, было расследование, но истинную правду тех драматических дней «замуровали» в глухую стену.

Попробуем восстановить некоторые подробности. Для этого отправимся на берег небольшой чистой, с необыкновенной энергетикой речки, на которой стоит старинное уральское село Билимбай. Если сегодня смотреть со стороны плотины на пригорок — на первом плане будет чугуноплавильный завод, вернее, то, что от него осталось. Перед нами только рваный силуэт некогда чего-то огромного, мощного и, казалось, вечного. Остатки высоких стен из прочного кирпича, провалы окон и дверей, чудом уцелевшая труба от старой домны, где стонет ветер...

О заводе, работавшем в Билимбаевской лесной даче и принадлежавшем одному из богатейших в свое время промышленников России — графу А.С. Строганову, мы рассказывали в июльском номере журнала за 2002 год.

Когда грянула Великая Отечественная война, срочно понадобилось сжать страну в мощный кулак. Чей-то указующий перст остановился и на захолустном Билимбае, сразу превратив его в стратегически важный объект обороны. Из прифронтового Подмосковья сюда спешно прибыли по железной дороге эшелоны с оборудованием и специалистами секретного производства, которое именовали «Почтовый ящик № 290».

Зима первого года войны началась рано и лютовала долго. В октябре морозы были уже за

40 градусов. В сложнейших условиях в Билимбае требовалось разместить свыше тысячи приехавших. Из каменных построек оставался только старый господский дом, служивший школой и больницей, все остальное — деревянные избы. В них с трудом расселяли специалистов завода, семьи со стариками и детьми. Приходилось утеплять амбары, другие холодные пристройки, ставить печки-временки.

Но главный приказ предписывал: срочно наладить на площадях старого завода работу прибывшего «п/я 290». Мобилизовали все трудоспособное местное население, используя его и на лесоповале, и на заводе. В корпусах навешивали ворота, утепляли оконные проемы, устанавливали станки и оборудование, оснащали специальный сборочный участок.

Какую-то часть «почтового ящика» разместили в полуразрушенном, без крестов и колокольни, но некогда величественном Свято-Троицком храме, который приезжие любовно окрестили «Собор сибирской Богоматери». Алтарь — самое светлое место — отвели конструкторскому бюро, где круглые сутки топились «буржуйка»; вокруг нее люди грелись, работали, спали.

Все военные объекты обнесли колючей проволокой, поставили вооруженную охрану. А чтобы местный народ не сболтнул кому-то чего лишнего, со всех взяли подписку о неразглашении. Пожизненную, под страхом расстрела. Поэтому-то собирать факты военного времени до сих пор очень сложно. На подлинные документы (они хранятся в особом архиве в Москве) рассчитывать не приходится и сегодня. Оставались только свидетели. Но люди — человеческий век короток — уходят, унося с собой в небытие и важные тайны истории. Поэтому все, о чем пойдет далее речь, собиралось много лет,

Автор Инна Гладкова — тележурналист, краевед, автор многих публицистических рассказов и эссе об истории Урала. На Свердловском телевидении создала телепрограмму «Екатеринбургские тайны», удостоенную губернаторской премии 2001 года. 25 сюжетов телесериала составили одноименную книгу (Екатеринбург, 2003). Ныне живет в Германии.

по крупнякам энтузиастами-исследователями, уповая на счастливый случай.

Вспомним (кому довелось жить в то время), как в начале 60-х годов страна буквально бредила космосом. Но с чего эта великая эпоха начиналась, какие герои стояли у истоков, знали только очень посвященные люди. Рассекречен был сначала лишь первый космонавт Юрий Гагарин. А сказанные им слова: «Без полетов Григория Бахчиванджи не было бы 12-го апреля 1961 года» — дали уральским краеведам, среди которых были и авиаторы, важную ниточку, потянув за которую, удалось восстановить легендарные уральские события военного времени. И вычислить, что во время войны ни где-нибудь, а в нашем небе испытывали первую управляемую ракету.

Собиратель истории уральской авиации Игорь Павлович Катенёв нашел очевидцев, помнивших, как с аэродрома Кольцово в 1942—43 годах в небо поднимался очень странный, по габаритам небольшой, но необычно шумный самолет. Полеты, проводившиеся в секретном режиме, закончились трагедией. Даже хоронили летчика на сельском кладбище Малого Истока настолько тайно, что могли его много лет спустя только совершенно случайно удалось отыскать следопытам местной школы.

Звали героя — Григорий Яковлевич, фамилия с болгарскими корнями — Бахчиванджи. Летчик-асс специальным приказом, который в армии не обсуждают, был откомандирован с фронта на Урал для важных испытаний новой авиационной техники. А войну он начал в составе специального 402-го истребительного полка, охранял небо Москвы. За первый месяц боев Бахчиванджи совершил 50 боевых вылетов, сбил 8 вражеских самолетов, за что был представлен к званию Героя Советского Союза. Но... лишь спустя 31 год эта заслуженная награда нашла Героя. Посмертно.

Итак, краеведам путем долгого поиска удалось установить, что старт необычного самолета производился с аэродрома Кольцово, но где изготовили эту первую в мире пилотируемую ракету?

В воспоминаниях работников конструкторского бюро все-таки промелькнула фраза, послужившая ключом к разгадке тайны. Там, в частности, было написано, что в самое трудное время эвакуированных специалистов не покидало чувство юмора и помогало выживать. И вот однажды в столовой кто-то весело изрек: «Ешьте и запоминайте: наша великая наука держится на этой билимбаихе!» Позже старожилы объяснили: «билимбаиха» — это похлебка из крапивы с небольшим добавлением картошки и какой-нибудь крупы. На Урале этот «пароль» расшифровали без труда: секретный завод и его конструкторские бюро находились в поселке Билимбае, что в сорока километрах от Екатеринбурга (тогда Свердловска).

И уже казалось, что тайна раскрыта. Оставалось съемочной группе Свердловского телевидения отправиться в Билимбае. Но ни тут-то было! Все по-

росло быльем, не оставив никаких видимых следов. Завод давно в руинах, и только в одном корпусе осталось небольшое производство. Журналистам говорили: «Вы что-то путаете. У нас только литейное производство. Мы вроде всегда делали и сейчас делаем радиаторы для тракторов. Никаких самолетов мы делать просто не умеем». А вот в партком нам показали фотографии конструктора, летчика-испытателя и сделанного доподлинно здесь необычного самолета!

Тогда пошли мы — искали — по дворам. Война давно далеко позади, а старые люди все еще с оглядкой говорили о событиях того времени. Но несколько важных фактов все же удалось почерпнуть.

...Первой военной зимой над поселком появился странный самолет, по которому, к слову, едва не открыли пальбу: на крыше завода стоял мощный пулемет системы «Дегтярёва». И пока охрана выясняла, какие будут указания, самолет, сделав круг, ловко сел на замерзший водоем. Оказалось, что это прибыл с фронта на трофейной немецкой машине летчик-испытатель Григорий Бахчиванджи. Ему предстояло участвовать во всех стадиях производства, сборки и испытаний нового самолета с жидкостно-реактивным двигателем. Он должен был «научить» его летать. Имя машине конструктора Болховитинова дали «БИ-1».

Первый полет — а это было событие секретно-историческое — состоялся 15 мая 1942 года в нашем уральском небе. Затем еще и еще. После каждого пробного вылета норовистый истребитель спешно дорабатывали и готовили к очередным испытаниям.

Выделим еще одну дату. Стоял морозный март 1943 года. В ночь на 27-е грузовик с прицепом, на котором какой-то негабарит был тщательно прикрыт брезентом, выехал из заводских ворот в Билимбае и под усиленной вооруженной охраной проследовал на окраину Свердловска — на аэродром. А ранним утром на летном поле собралась государственная комиссия во главе с руководителями Научно-испытательного института ВВС Красной Армии. Мало кто знает, что штаб института находился в то время в Свердловске, в здании, которое по старинке называют Свердловской киностудией. На испытания приехали заводские конструкторы, а с ними и Григорий Бахчиванджи. Он был, как всегда, спокоен, улыбаясь, подошел к самолету, ловко впрыгнул в кабину, помаhal рукой и, плотно закрыв фонарь, включил зажигание. Машина, изрыгая гром и пламя, рванулась вперед и ввысь. То был седьмой и... последний полет.

События, которые за этим последовали, тоже напоминали катастрофу. Самолет в серийное производство не утвердили. Тридцать новеньких истребителей, ждавших отправки на фронт, тут же на заводе в Билимбае разобрали на части. Но мы все-таки знаем, как тот «БИ-1» выглядел в натуре. На площади перед аэропортом Кольцово сейчас стоит монумент, увековечивший подвиг испытателя первого реак-

Супруги Миль

тивного самолета. И хотя машина на первый взгляд кажется игрушечной, но такой она и была — модель воспроизведена в точном масштабе 1:1.

Среди очевидцев той трагедии 27 марта 1943 года был и человек, имя которого знает теперь весь просвещенный мир, Михаил Леонтьевич Миль. Возникает вопрос: какое отношение генеральный конструктор вертолетов имел к созданию первой управляемой ракеты? И почему его мнение, когда произошла катастрофа, стало решающим при свертывании столь уникального производства?

Алексей Шахурин, народный комиссар авиационной промышленности военного времени, в мемуарах отмечает, что Миль сразу отверг предположение, будто летчик в момент торможения ударился о прицел и потерял создание. Миль, до того времени уже несколько лет занимавшийся аэродинамикой, сделал обоснованные расчеты и взял на себя смелость утверждать, что конструкция сверхзвукового самолета еще несовершенна: «Произошло то, чего мы еще не знаем, управляемая ракета к эксплуатации (увы!) не готова». А его так ждали на фронте — первого в мире самолета с ракетным двигателем, летающим на скорости более 800 километров в час. У немцев таких машин в производстве не было. Но... самолет упал...

И здесь нам вновь необходимо возвратиться в Билимбае первых лет войны, в сельскую церковь, где как раз и квартировало КБ Николая Камова и его заместителя — Михаила Милья. У этого КБ во время войны были свои секретные стратегические задачи. Бывал ли Камов (создатель известного в мире К-50 боевого вертолета-танка «Черная акула») в Билимбае, пока установить не удалось. Но Милья, его частые командировки на фронт, старожилы поселка запомнили.

Для меня имя Милья по-особому зазвучало из уст пожилой женщины Пелагеи Федоровны Мехряковой. Она хорошо помнила, как по соседству с ними в маленькой избе за перегородкой ютилась семья Мильей. И как бы для убедительности добавила: «Здесь, в Билимбае, они схоронили двоих детей».

Эта тяжелая фраза лишила меня покоя. Пере-

смотрела в библиотеках много литературы. В одной из книг о Миле все-таки нашла сообщение, что в Билимбае у него действительно умер пятилетний Вадик. Но в областном архиве ЗАГСа запись почему-то отсутствует. Оказывается, в годы войны цифры смертности людей тоже были засекречены.

В Москве на вертолетном заводе им. М.Л. Милья мне дали адрес его дочерей — Надежды и Елены. По телефону я им сказала, что еду со съёмочной группой в Билимбае и постараюсь найти могилу их брата. А они мне в ответ: «Там две могилы — Вадика и Машеньки. Вадик умер от дифтерии, Машенька — от крупозного воспаления легких, прожив только 8 дней. Простудили в роддоме». Выходит, не ошиблась старая женщина!

Но чем Миль занимался в Билимбае, дочери не знали. Татьяна, старшая, умерла, а Надежда и Елена, родившиеся уже после Победы, сказали, что папины проблемы вообще дома не обсуждались. Это была запретная тема. Архивы вертолетного завода имени М.Л. Милья пока труднодоступны.

Остаются лишь отдельные факты, взятые из воспоминаний очевидцев и разрозненных публикаций. Например, один немецкий генерал описал любопытный эпизод первых месяцев войны, когда в небе над позициями появился странный летательный аппарат, вызвавший у немцев смех. «Что, русские на нас пустили летающие комбайны»? В него даже не стали стрелять, и шумный «комбайн» улетел. А спустя несколько минут по немецким позициям русские открыли шквальный огонь артиллерии.

Действительно, на Западный фронт, под Ельню, доставили пять необычных винтокрылых аппаратов. Было решено опробовать их на передовой. Они должны были играть роль корректировщиков огня артиллерии. Но фронтовой эксперимент первой эскадрильи автожиров, которой командовали Николай Камов и Михаил Миль, все-таки не удался. Машины производили слишком много шума, были тихоходны, а главное — легко уязвимы даже для обычного стрелкового оружия. Однако первый опыт боевого применения вертолетов позже пригодился для создания современных боевых отечественных машин, без которых нельзя представить сегодня современную армию. Самые выдающиеся из них — летающие танки МИ-24 КБ Милья и К-50 КБ Камова. А вертолет МИ-24 способен нести на борту еще и десант.

Но в Билимбае никто не знал, чем тогда занималось КБ, размещавшееся в храме. Про вертолеты никто не слышал. И автожиров в небе поселка не видели. Но припомнили случай испытания одного интересного реактивного оружия для поражения танков, которое изобрел Михаил Леонтьевич Миль. Известно, что он довел это оружие до совершенства и предложил его для производства.

Но в войну каждое новшество принималось трудно. Почему? Да потому что это было связано с дополнительными производственными сложностями. Надо было создать завод или линию, найти

Елизавета Федоровна Томилина

для этого необходимое оборудование, собрать квалифицированных рабочих. А где их было взять? У старожилов Билимбае об этом оружии или его опытных образцах сохранились воспоминания. Дело в том, что в то время на полигоне за поселком произошло два сильных взрыва. Утаить их было невозможно. Первый, когда Бахчиванджи пробовал на земле запустить жидкостный реактивный двигатель. А второй, когда Миль пытался впервые стрелять из своего реактивного ружья.

Найти на кладбище захоронения детей Миль помог случай. Надо сказать, что мы приехали в Билимбае зимой. Проваливаясь по колено в снегу, читая надписи, безуспешно ходили от одной оградки к другой. Так бы ни с чем и уехали, если бы какая-то женщина не вызвалась сопроводить нас в ту сторону погоста, где хоронили умерших в годы войны. Прежде всего, мы неожиданно нашли могилу, в которой покоится прах матери Бориса Чертока, заместителя Сергея Королёва — главного конструктора первых космических кораблей. Может, и Борис Черток в годы войны работал в Билимбае? Это еще одна тайна прямо-таки «аэрокосмического поселка» — но об этом когда-нибудь позже.

А пока вот оно — обычное сельское кладбище, два бугорка — две могилки под одной оградкой. Здесь спят малые дети Вадик и Машенька Миль. Прошло больше 60-ти лет, но заметно, что за могилкой ухаживают. Который десяток лет, если здоровье позволяет, ходит сюда Елизавета Федоровна Томилина. Нам назвали ее адрес: улица Коммуны, 60. Так дорога привела нас к покосившемуся от времени деревянному дому, где как раз и квартировала семья Милей. Передаю почти дословно то, что мне поведала эта седая женщина.

«Панна и Миша очень убивались, когда умер сынок. Хороший был мальчик, заболел еще в поезде: в войну дороги были долгие. У них еще девочка была. Сам (так по-уральски называют мужа. — Авт.) дома почти не бывал. То робил у себя в секретном заводе, то подолгу уезжал на фронт, и Панна плакала, когда почтальон долго не приносил солдатских треугольников. А еще была она на сносках. Но и этого младенца Бог прибрал, да и мать едва не сгинула: в больнице плохо топили.

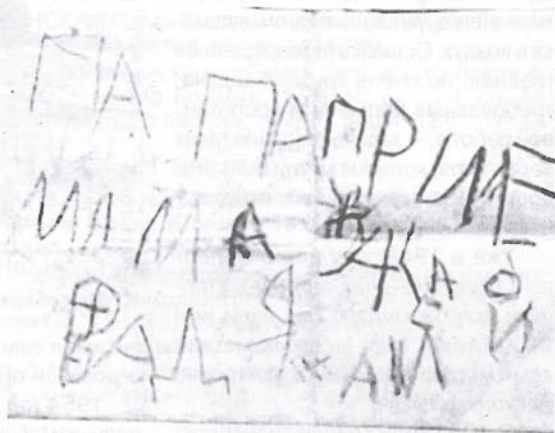
Дом, где жила семья М.Л. Миль

Старшая их девочка Таня и моя Полина вместе шили куклы. Миша, когда был дома, играл с девочками. Он любил детей. Перечитал им книжки, какие были у нас и у соседей. Однажды, когда мы всей семьей чинили крышу, Михаил помогал и на чердаке нашел «Сказки». Но не детские. Толстую, на газетной бумаге, без картинок книжку».

Здесь от себя добавлю: книжка теperь раритет. На ее страницах — печатный и рукописный текст. Это высокой пробы художественный и научный детектив, который в данной истории многое проясняет. Пространство между строчками (это были «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина) занимали сплошь математические расчеты и рисунки винтокрылых аппаратов — все исписано мелким убористым почерком.

Судя по обнаруженному теперь в широкой печати списку научных трудов генерального конструктора, семь очень серьезных работ, в том числе и докторская диссертация, были написаны в период с 1941—45 годов. И все это были «подлеты» к винтокрылым машинам.

...Осенью 1943 года номерной завод и его главных специалистов из Билимбае отозвали в Москву. В 1947 году решением правительства было создано новое конструкторское бюро, его возглавил 38-летний доктор технических наук Михаил Леонтьевич

Автограф Вадика Миль

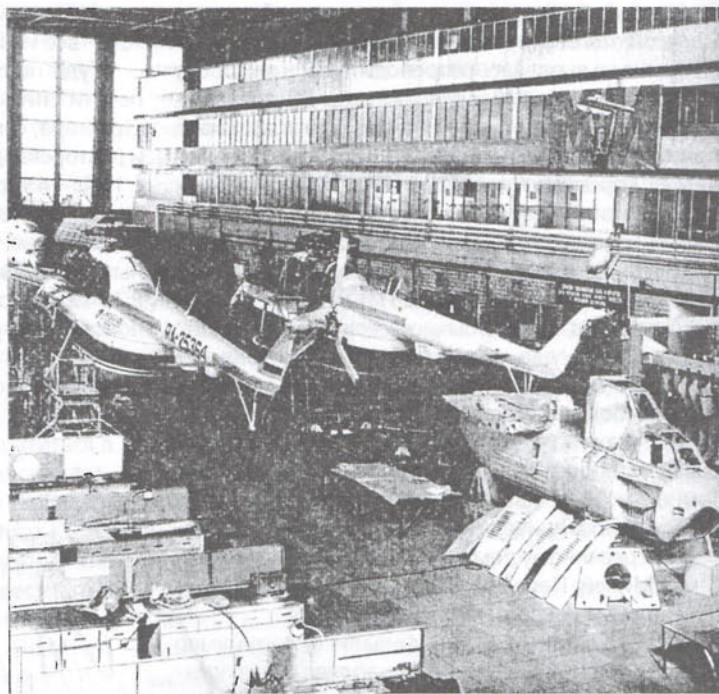
Главный конструктор М.Л. Миль (в центре) с ведущими специалистами отечественного вертолетостроения (Москва)

Миль, мечтавший создать вертолет, нужный людям. Позже он напишет:

«Двадцать лет назад, когда коллектив только приступил к работе, все в этой области казалось уже давно открытым и изобретенным. Те, кому принадлежат первые идеи и проекты создания винтокрылых аппаратов: Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, Н.Е. Жуковский, Б.Н. Юрьев и другие — уже давно предвидели почти все из существующих конструктивных схем вертолетов. Конструкторы, ученые и изобретатели в различных странах построили десятки образцов вертолетов, успешно поднимавшихся в воздух. Осталась неразрешенная главная, но очень трудная задача, требовавшая большой и кропотливой работы, — задача создания таких вертолетов, которые могли бы найти практическое применение в повседневной жизни».

Уже в 1948 году родился первый отечественный вертолет, ставший долгожителем. Ему дали имя М.Л. Милия: МИ-1. Таких машин семи модификаций было построено несколько тысяч.

В 1951 году создан транспортный вертолет МИ-4. В то время

Цех сборки вертолетов (Москва)

он имел самую большую грузоподъемность в мире и выполнил огромный объем работ в нашей стране и за рубежом.

1954 год. Начало работ над тяжелым вертолетом МИ-6, тоже долгожителем; он мог брать на борт от 6 до 12 тонн груза.

В 1958 году на базе МИ-6 создается «летающий кран» МИ-10,

затем МИ-10К — для строительно-монтажных работ. Эти вертолеты успешно эксплуатируются до настоящего времени. В марте этого года телеканал EuroNews, например, показал, как под восхищенные взгляды немцев в считанные минуты с помощью такого вертолета была заменена самая верхняя часть антенны на Мюнхенской телевизионной башне.

В 1969 году в процессе испытаний В-12 (рабочее название машины) экипаж летчика В.П. Колошенко установил мировой рекорд грузоподъемности вертолетов, подняв груз массой 40,2 тонны на высоту 2250 метров. В 1971-м вертолет успешно экспонировался на Парижском авиационном салоне, но в серию не пошел.

В 1969 году начал летать МИ-14 — базовый противолодочный вертолет-амфибия. И уже заканчивалась доработка специальной транспортно-боевой машины пехоты, вертолета, получившего обозначение МИ-24. С него, говорят летчики, и началась отечественная военно-вертолетная авиация. В горячих точках вертолет спас тысячи человеческих жизней. Он приносил надежду терпящим бедствия в горах или в других трудно доступных местах. Он и сегодня один из лучших в мире. Это было последнее детище, разработкой которого руководил М.Л. Миль.

Как в любом новом сложнейшем деле на его судьбу выпало все: анонимки «доброжелателей», зависть и неприкрытая подлость, потери машин и гибель летчиков при испытаниях. Милия пытались отстранить от руководства ОКБ. Его упрекали в том, что он требует многократно переделывать конструкции создаваемых машин и не бережет труд рабочих. Словом, генеральный конструктор всегда крайний. Любой летательный аппарат — сплав усилий многих тысяч людей. За всех своих подчиненных, за свою мечту Миль всегда мужественно держал удары. А стрессы бесследно не проходят. Умер этот талантливый инженер, конструктор, изобретатель рано, прожив всего 60 лет.

И в заключение еще несколько слов о той книжке с чердака. Острые памфлеты великого русского писателя на царское самодержавие, конечно, не детское чтение. «Сказки» эти хозяйка дома потом подарила Михаилу на день рождения. А мы, открыв этот раритет, заполненный от корки до корки разработками будущих машин, которым не нужны дороги и аэродромы, думаю, нашли прямой ответ на вопрос: чем «король вертолетов мира» М.Л. Миль в военные годы занимался в маленьком уральском поселке. И, наконец, не столько к слову, сколько, к сожалению: сегодняшнее поколение Билимбая этой замечательной страницы своей истории даже и не знает.

Реставрация снимков Э. Гильмана, Ю. Ульяновой.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

БЕЛЕНСОН *Елизавета* (псевд. *Эли Эльсон*), журналистка, переводчица.

В 1919 г. эмигрировала из России в Германию, затем во Францию. Приняла христианство. Сотрудничала в ряде немец. журналов. В журнале «Путь» по ее инициативе был создан Иудаистско-христианский центр. Пер. на франц. язык несколько статей Н.А. Бердяева, его сборник «Буржуазный дух», кн. «Самопознание», а на немецкий — «Новое средневековье» (этот перевод не был опубликован).

О ней: Бердяева Л. Профессия: жена философа. М., 2002. С.230.

БЕЛЕНЬКАЯ А., авт. воспоминаний.

Член РСДРП. «О работе Киевской организации в 1905 г. : (Воспоминания)». Пролет. революция, 1926. № 2. С.259-264.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3134.

БЕЛЕНЬКАЯ Юлия Моисеевна (1893 — 1965), авт. дневника.

Сестра С.М.Беленького, переписчика Л.Н.Толстого. «Из дневника, 7 авг. 1910 г.» \ Яснополянский сборник. 1976. Тула, 1976. С. 182-183 — в ст.: Храбровицкий А.В. Короленко в Ясной Поляне.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2753.

БЕЛЕЦКАЯ Анна Федоровна (псевд. *Федоренко-Янус*; — 1889), писательница.

Сотр. в «Сев. Кавказе» 1880-х гг. Масанов; Венгеров. Источ.

БЕЛЕЦКАЯ Елена Николаевна, авт. воспоминаний.

Сестра актера И.Н.Певцова. «Брат» (в соавт. с тремя др. сестрами). — В кн.: «Илларион Николаевич Певцов». М., 1978. С.119-121.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8207.

БЕЛЕЦКАЯ Мария (1864 — 1942), авт. воспоминаний.

Учительница, участница женского движения в Галиции. «Эпизод из жизни Ивана Франко». — В кн.: «Иван Франко в воспоминаниях современников» М., 1966. С.73-78.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 9101.

БЕЛИНСКАЯ Ольга Виссарионовна (в замуж. *Бензис*; 1845 — 1902), автор воспоминаний.

Дочь В.Г.Белинского. «Семья Белинского после его смерти». — «Мир Божий», 1898. № 6. С.24-26. Авт. ст. «Беспорядки в Корфу». — «Рус. Вед.». 1891. № 145 (О.Б.).

ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 1284 а; Масанов.

БЕЛКИНА Любовь Михайловна (урожд. *Родионова*, в первом браке *Клячко*; 1875 — 1944), поэтесса, прозаик.

Печаталась в революционных и нелегальных изданиях. Нелегально же выходили рев.-агит. стихотв. В сб. «Лесная лилия» (М., 1910) интимная лирика соседствует со стихами на общ. и антирелиг. темы. После 1917 г. опубли. ром. «Рольф Май» и поэму «Буревестник Дуарнена».

Русские писатели (портр.); Сто одна поэтесса серебряного века.

(Продолжение на стр. 25)

Картежники

— Чё там, семиты, говорите? Есть семиты. — Дед Макар сбросил на стол семёрку бубей и весело уставился на соседку справа.

— Ну чё, Марьяна, примай? Примай, примай, хороша карта.

В небольшой чистой комнате было тепло, хотя за окном морозило. Искрился свежесвыпавший снег, но здесь, в тепле, всем было хорошо и уютно. Вкусно пахло пирогами и ещё чем-то неуловимо приятным. В воздухе витал дух праздника, чему немало способствовал работающий в углу телевизор. Там, на Красной площади, возле трибуны Мавзолея бурлило праздничное шествие трудящихся. На трибуне стояли Советские вожди и вальяжно приветствовали проходящий мимо народ. А в комнате шла азартная игра в подкидного дурака. Играли парами. Сидящий возле окна дед Макар, крупный мускулистый старик, играл в паре со своей супругой Аксиньей, маленькой сухонькой старушкой в очках. Вообще-то она очков не носила, но к празднику надела новые, которые ей явно мешали, поэтому карты она рассматривала поверх очков. Они сползли ей на самый кончик носа и непонятно каким чудом там ещё держались. Противниками у них были две соседки по дому: Афанасья — высокая дородная бабка в линиялой фиолетовой кофте — и вышеупомянутая Марьяна — сердитая старушка комплекцией поменьше, которая в данный момент морщила лоб, что-то недовольно бурчала себе под нос и напряжённо думала, что же делать в этой ситуации. А ситуация была непростая. У Марьяны не было карт бубновой масти, а тратить свой единственный козырь на семёрку ей сильно не хотелось. Дед Макар веселился во всю.

— Примай, Марьяна, примай! Карта-то добра! Сам бы взял такую-то карту...

Надо сказать, что Макар с утра уже изрядно хлебнул вишнёвки, и настроение у него было превосходное. Он не столько играл, сколько просто дурачился и балагурил, чем изрядно злил остальных картежников, которые относились к игре более серьёзно. Соседок сердил ещё тот факт, что, несмотря на такое отношение к игре, дед Макар с Аксиньей

почти постоянно выигрывали. Всем было невдомёк, что старик, прикрываясь шутками, просто откровенно жульничал.

— Ну чё, Марьяна, биться, чё ли, будешь? — Макар прикрыл улыбку картами. Он видел Марьянино недовольство, и это веселило его ещё больше.

— Думай, Марьяна, крепко думай, — подзуживал старик. Та бросила на Макара злой взгляд и, наконец, решила расстаться со своим единственным козырем. Дед смотрел на неё смеющимися глазами. — Смотри, Марьяна, в колоде-то козырей больше нету, я ить их все оттуда забрал. Ну, давай! Ходи под меня... О, гляньте, гляньте, бабы, — переключился он вдруг на экран телевизора, — Гляньте, солдаты у Мавзолея площадь охраняют.

Старушки как по команде устались в телевизор, а Макар принялся изучать у соседок карты.

— А зачем им площадь-то охранять? — подала голос Афанасья, не оборачиваясь.

— Зачем, зачем? От шпиёнов, конечно. Вон недавно в газете прописали, что одна бабка пришла туда и покрошила хлеба, якобы птичек покормить — никто на неё даже внимания не обратил, — а на утро смотрят, чё такое? Все голуби на площади передохли. Ловко? Потом бабку поймали, конечно, оказалось, что она американская шпиёнка.

— Ладно врать-то, крой давай! — Марьяна подвинула к нему шестёрку пик.

— Ага! С шестит пошла. Чем же мне биться-то? Запята-а, — дед Макар поскрёб пальцем лоб, — чё у нас козыри-то? Крести. Значит, дураки на месте. — Он метнул озорной взгляд на Марьяну. Та намёк поняла и обиженно поджала губы.

— Ну что ж? Надо примать. Пригодится вам на погоны, — старик забрал карту и продолжал, — мне наш Виктор рассказывал, он бывал в Мавзолее-то и видел, как там Ленин лежит заспиртованный...

— Как заспиртованный? — старушки оторвались от карт и с любопытством уставились на Макара.

— Ну, там будто бы такой стеклянный ящик стоит, большо-о-ой такой, а в ём спирт налит. Он там и плавает.

Автор Сергей Руднев по профессии — художник-оформитель, почти всю сознательную жизнь проработал на Верх-Исетском заводе в Екатеринбурге. Сейчас ему 51 год, и он — инвалид II группы — на пенсии. С давних пор пишет стихи («но не про любовь»), прозу («в основном, дурачкие, юморные рассказы») и рисует карикатуры.

Как автор рисунков, печатался только в заводской многотиражке. Рассказ «Картежники» — самый настоящий литературный дебют Сергея Руднева в периодике.

— Чё, голый что ли? — округлила глаза Афанасья.

— Ну почему голый? В плавках.

Старухи ахнули, а дед Макар сидел с непроницаемым лицом и под притворной строгостью прятал душивший его смех.

— Ладно уж вам, давайте, чей ход-то?

В это время демонстрация трудящихся закончилась, и начался праздничный концерт. Вначале шли балетные номера. Вот на авансцену вышел танцор и встал в позицию.

— Славное у него ботало-то вешатся, — заметил

Макар. Старухи опять повернулись к экрану и захихикали. Тут начался сам танец. Танцор поднял свою партнёршу над головой...

— Ссыкни, ссыкни ему на голову-то! — вдруг закричал старик, весь подавшись вперёд. У старушек посыпались карты, Аксинья на лету поймала свои очки. Смеялись до слёз — все, кроме Макара, которому удавалось сохранять серьёзный вид. Когда все вернулись к игре, он продолжал, — А знаете, какие там деньги гребут? Тыщи. Этакую-то лошадь он на себе таскает задаром, что ли? То-то. Я б такую кобылу меньше, чем за четвертную, ни за что бы

не попер... Чё там? Девять, дама? Нет, у меня нету, отбой... О, гляньте! Запрыгали, запрыгали. Эдак-то и я могу скакать.

— И ботало у тебя не хуже, — вставила Афанасья, и старушки затряслись в беззвучном смехе.

— А чё? Молодой-то я знашь, какой видный был?

Девки-то за мной так и ухлёстывали. Э-э-э! — В подтверждение он поднял вверх указательный палец. — А Аксинья так вообще мне проходу не давала. По пятам за мной так и ходила, всё упрасивала, мол, женись да женись на мне. Жалко её стало, бедную. Ладно, думаю, женюсь, а то иссохла вся девка. — Соседи смеялись, а Аксинья досадливо махала рукой в сторону деда, — Хватит болтать-то! Собират, собират кого-то, сам не знает кого.

Это развеселило бабок ещё больше, даже дед Макар, сколько не крепился, не мог сдержать улыбки. Наконец, не выдержав, засмеялась и Аксинья.

— Ну, ладно вам. Мы играм или не играм? — сквозь смех пыталась она вернуть игру в нормальное русло. Ей это плохо удавалось, но постепенно все успокоились, и игра возобновилась.

— Ну чё, Макар, ходи давай. Твой же ход. — Бабки выжидательно смотрели на деда. Тот нахмурил кустистые брови и начал указательным пальцем чесать себе лоб.

— С чего бы, Афанасья, к тебе пойти-то? Запятая... как бы не обмишулиться. Хотя бы подсказала мне, каких у тебя мастей-то нету.

— Ходи, ходи давай, — Афанасья плотно прижала свои карты к груди.

Тут необходимо заметить, что пока старушки веселились, дед времени даром не терял, он успел основательно изучить Афанасьины карты и теперь прекрасно знал, с чего ему следует пойти. Но он выдерживал роль и теперь, продолжая скрести свой лоб, продолжал:

— Прямо не знаю с чего и идти, — наконец, как будто решившись, он рубанул воздух ладонью. — А! Была — не была! Пойду с восьмитами, — и он припечатал к столу восьмёрку червей, потом вытер со лба несуществующий пот.

А Афанасья, у которой, естественно, червей не было, с досадой смотрела на восьмёрку, потом перевела подозрительный взгляд на деда:

— Опять, поди, ко мне в карты заглядывал, старый чёрт?

Тот в ответ выпучил глаза:

— Да ты чё, Афанасья? Окстись. Когда это я в чужие карты заглядывал? У меня такой привычки отродясь нету. Выдумат тоже... — Он с притворной обидой уткнулся в свои карты и, чтобы уйти от скользкой темы, начал:

— Помню, когда мы ещё парнями были, пошли зачем-то в лес и набрали на пещеру. Ну, я говорю парням, что, мол, давайте, робяты, посмотрим, чего там у ей внутри, а они инее в ответ: «Мол, тебе надо, ты и лезь». Заболылись в общем, а я бедовый был тогда, взял да и полез. Темнотишша! Я факел запалил, чтоб виднее. Ну лезу, лезу, вдруг вижу — впереди

что-то сверкат. Я испугался сперва, но потом решил поближе подобраться, посмотреть, чё ж всё-таки там такое сверкат. Подбираюсь тихонько ближе, гляжу — что такое? Самолёт — не самолёт, ракета — не ракета, но с окошками, и оттуда как будто свет идёт. Тут мне совсем боязно стало, я так осторожно заглянул в одно окошко... Мать честная! Там так друг за другом четыре мужика сидят в космонавских шлёмах. У каждого из них свой руль, они за его держатся, и все мёртвые. — Старухи ахнули, а дед Макар продолжал вдохновенно врать.

— Главно дело, выглядят-то все не по-нашему.

— Как это не по-нашему? — спросила Марьяна. — Не русские, што ли?

— Ясно дело не русские. — Макар замолчал, но ненадолго, — марсианы это были.

— Каки-таки марсианы? Что за нация?

Игра между тем не так живо, но продолжалась. Бабки слушали старика, разинув рты, и не замечали, как тот, пользуясь моментом, жульничал уже совсем безбожно. Меньшей картой бил большую или при своём ходе пойдя, например, с восьмёркой, вдруг начинал подбрасывать девятки, а то и вообще любую ненужную карту. Ему всё сходило с рук. Бабки сидели как под гипнозом и ничего не видели. А дед Макар между тем продолжал с невинным видом:

— Спрашиваш, какие марсианы? Которы с неба нам прилетели, с другой звезды.

— Да ну! А ты как узнал, что это были марсианы? — Афанасья скептически сузила глаза.

— Обыкновенно. Вместо рук-то у них шшупальцы были, ну я сразу и допетрил, что это марсианы.

— А от чего ж они померли?

— Ну, исть, может, нечего было, с голодухи и померли. Стой, стой! Чё там, валет — дама? Ага, вот тебе два валета. — Дед Макар попытался было переменить тему, но Афанасья не унималась:

— Чё ж они в пещере-то делали? Обратнo чё не улетели?

— Ну я почём знаю? Может, нечаянно заблудились как-то, может, у их мотор заглох, может, харчи кончились или керосин, а без этого куды улетишь?

За разговорами игра подошла к логическому концу. Соседки вдруг с удивлением обнаружили, что опять проиграли. Видимо, им это порядком уже надоело, и они, кряхтя, начали собираться по домам, а хозяйева, находясь после выигрыша в прекрасном настроении, пошли их провожать. По пути дед Макар беззлобно шуганул в прихожей кота:

— Ну ты, ишо, покасть, вертисся тут!

Кот живо юркнул под диван и теперь хитро жмурился, выставив оттуда рыжую усатую морду.

— Ну вы уж, бабы, сильно-то не сердчайте, — балагурил дед Макар, — то ведь опять по целой ночи спать не будете. Всё будете переживать да думать, где обмишулились. Ну ничё, в другой раз обязательно отыграетесь. Ну, прощевайте.

Проводив гостей, супруги вернулись в комнату, посмотрели друг на друга и, весело рассмеявшись, уселись досматривать праздничный концерт.

«Соломенный талер» и «старый медный нос»

Если вам в руки попадут две внешне вроде бы одинаковые монеты, но одна из них чуть-чуть легче или явно беднее серебром, не спешите объявлять ее фальшивой. Часто, а в иные времена слишком часто подобные неполноценные монеты изготавливались вполне официально, по распоряжению властей. Выпуск таких денег принято называть «порчей монеты».

Порча монеты... Что это такое?

В «Словаре нумизмата» можно прочесть: «Порча монет, закономерный в условиях монетно-денежного хозяйства процесс непрерывного понижения монетной стопы. Является одним из самых характерных явлений в истории монетных денег...».

В разных странах и в разное время, в зависимости от соответствующих политических и экономических условий, порча монеты имела свои особенности, но, в общем, конечная цель во всех случаях была единой — извлечь дополнительный доход от чеканки денег путем ухудшения качества монет. Либо — при сохранении пробы — уменьшался вес монеты, либо — при сохранении веса — уменьшалась проба.

Сразу, наверное, следует оговориться, что порча монет не всегда является результатом чьих-либо злонамеренных действий. И золото, и серебро, и даже медь — металлы сравнительно мягкие. Конечно, в сплавах они становятся тверже, но и это не спасает их

от естественного износа в процессе многолетнего обращения. Монеты, отчеканенные лет двести—триста тому назад, часто выглядят невзрачно — полуистершиеся изображения, неразборчивые надписи... А что можно сказать о внешнем виде монет, выпущенных тысячу лет назад?

В те времена, когда реальная стоимость монеты зависела от количества в ней благородного металла, обращали особое внимание на степень сохранности монет. И старые, стершиеся монеты обменивались на новые, полноценные — по установленному курсу. Например, за дюжину старых могли дать девять—десять новых.

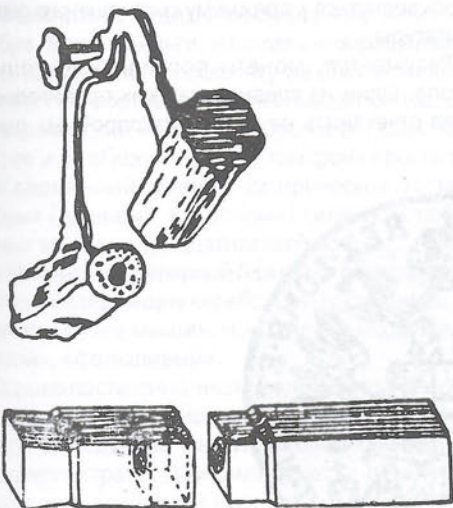
Такая порча монет была естественной, неизбежной. Но были и другие способы сделать монету неполноценной. Один из них — зейгеровка.

Зейгеровка (в переводе с нем. — «отбраковка») — отделение частными лицами монет, вес которых был немного больше веса большинства монет одного с ними чекана. Причиной такой разницы между отдельными монетами была юстировка (выверка, проверка) «аль марко», при которой только общее, довольно большое количество монет должно соответствовать требуемому весу. На первый взгляд все эти монеты были одинаковыми, но стоило лишь вооружиться точными весами, и можно было отобрать и пустить в переплавку самые тяжелые из них. При этом в обращении оставались только самые легкие монеты.

Зейгеровка запрещалась под угрозой самых тяжелых наказаний. Сам факт обнаружения у кого-либо точных монетных весов (которые разрешалось иметь только монетчикам) мог послужить основанием для вынесения сурового приговора. Но даже столь строгие меры не помогли — тяжеловесные монеты продолжали исчезать из оборота.

Еще один способ порчи монет — обрезывание. Злоумышленники, особенно в средние века, нередко обрезали ножницами края тонких монет. Более толстые опиливались или сверлились, сверленные места заполнялись недорогим металлом и лишь сверху покрывались тонким слоем монетного металла. Последняя операция при умелом исполнении почти не оставляла следов, в то время как обрезанную монету достаточно было наложить на полноценную, и разницу можно было обнаружить невооруженным глазом.

Сравнительно надежной защитой от обрезывания и опиливания, а также от сверления является сложная

Штемпеля античных монет

Рим. Нерон, денарий.
54—68 гг. н.э. Медь

обработка гурта — нанесение на гурт всевозможных узоров и надписей (гурчение).

Итак, монеты изнашиваются (портятся) в процессе обращения, на их качество могут покушаться отдельные злоумышленники... Но в начале главы упоминалось, что порча монет могла проводиться и вполне официально. И примеров тому более чем достаточно.

Порча монет возникла еще в античные времена. Если в той или иной стране все было благополучно, то ее монеты, как правило, были полноценными. Но благополучие не могло длиться вечно. Разорительные войны, неразумная экономическая политика обычно приводили к тому, что государственные расходы превышали доходы. И у властей появлялся соблазн поправить дела за счет выпуска... ну, скажем, не совсем полноценных денег. Новые монеты были немного легче или, при сохранении общего веса, беднее серебром.

Иногда население страны с пониманием относилось к финансовым трудностям государства, и «облегченная» монета не вызвала решительных протестов. В таких случаях власти сообщали о выпуске «новых» денег заранее и, как правило, обещали их своевременно изъять из обращения. При этом неполноценная монета составляла только часть находящегося в обороте денег.

Но чаще «новые» деньги выпускались без предварительного оповещения. На первых порах такие монеты ходили наравне с полноценными, и казна получала некоторый дополнительный доход. Но вскоре

население уже отличало ухудшенную монету, и в соответствии с законом Коперника-Грешема — «плохая монета вытесняет хорошую» — полноценная монета исчезала с рынка. (Да, Коперник — тот самый знаменитый астроном, хороший врач, каноник, общественный деятель — был к тому же и авторитетным знатоком денежного обращения.) Оставшаяся в обороте монета заметно падала в цене. В результате росла дороговизна, ведь теперь за один и тот же товар приходилось отдавать ухудшенных денег больше, чем ранее полноценных. Старую монету, как правило, переплавляли или прятали в клады. И ремесло, и торговля сильно страдали от непрерывного ухудшения монеты.

Одним из первых римских императоров, который официально разрешил «разбавлять» серебро в монетах другими металлами, был небезызвестный Нерон. Как водится в таких случаях, свое решение он объяснял заботой о благе подданных: оказывается, если в монетах будет меньше серебра, то они станут прочнее, перестанут быстро стираться и в обращении прослужат гораздо дольше чисто серебряных. Дело кончилось тем, что вскоре количество примесей в римских монетах достигло девяноста и более процентов, они совершенно обесценивались, и пришлось вернуться к прежнему соотношению серебра и лигатуры.

Разумеется, монеты портились не только в Европе. Один из среднеазиатских правителей повелел отчеканить на своих низкопробных деньгах

Серебряный талер
Австро-Венгрии. 1848—52гг.

следующее предупреждение: «Кто не возьмет монету, тому смерть!» И устрашающих примеров было предостаточно. Где уж тут разбираться, что тебе дают — полноценные деньги или ухудшенные. Откажешься взять — донесут и... Нет, собственная голова дороже. А в средневековой Европе даже ходила поговорка: «Легкие деньги для страны опаснее, чем тяжелые войны».

Конечно, с порчей монет пытались бороться. Короли требовали от своих вассалов, имеющих право чеканки монеты, строго придерживаться существующей монетной стопы, грозя ослушникам суровыми карами. И до наших дней дошли полулегендарные истории о том, как тот или иной феодал, уличенный в порче монет, лишался руки или головы. Случалось, княжества и города объединялись в монетные союзы, чтобы легче было контролировать выпуск полновесной монеты. Но мечты о «вечном пфенниге» оставались только мечтами. Даже решительные противники порчи монеты вынуждены были время от времени снижать монетную стопу до реально существующего уровня — иначе их полноценная монета уходила за границу или шла в переплавку. К чему это приводило? Грошен, например, за пятьсот лет (с начала XIV в. до начала XIX в.) «похудел» до одной восьмой первоначальной массы, еще больше подешевел пфенниг. Даже талер, важнейшая полноценная ходячая монета, за первые двести лет своего существования уменьшил свой первоначальный чистый вес примерно до 3/5. И только дукат со времен средневековья оставался монетой относительно постоянной ценности.

Недовольство народных масс ухудшенной монетой находило свое выражение, помимо прочего, и в насмешливых прозвищах монет. Вот несколько тому примеров (все прозвища даны в переводе на русский язык).

«Живодер» — народное название австрийского пфеннига, чеканенного в середине XV в. Его выпустил в период споров за престолонаследие император Фридрих III. Эта монета почти не содержала серебра и надолго подорвала доверие к австрийским деньгам.

Английский король Генрих VI заслужил у подданных прозвище «старый медный нос». И для этого были достаточно веские основания. При нем часть серебряных шиллингов стали чеканить из меди, лишь сверху покрытой тонким слоем серебра. Всякие деньги, находясь в обращении, постепенно изнашиваются. А поскольку на этих монетах чеканился королевский портрет, наиболее выпуклой частью которого был королевский нос, то серебро на его кончике стиралось быстрее и на общем серебристом фоне проступала медь.

«Соломенный талер» — сатирическое название низкопробных (дешевых, как солома) силезских талеров, выпущенных во время Тридцатилетней войны.

В Голландии и Северной Германии некоторые серебряные монетки, содержащие серебра меньше нормы, обычно назывались «синие мыши». «Синий» в данном случае значило «плохой», «фальшивый».

Однако постепенно число монетных дворов сокращалось и расходы по чеканке монет стало брать на себя государство. Первой это сделала Англия в 1666 г., значительно позже — другие страны. Да и само монетно-денежное хозяйство вытеснялось кредитной системой, и на смену деньгам из драгоценных металлов приходили деньги бумажные. Соответственно, на смену порче монет пришла инфляция.

БЕЛКИНА О.

На ее кн. «Дезертир. Красная книжка», выпущенную в 1920 в Москве Гос. издатом, отозвался ежемесячный критико-библиогр. журнал «Русская книга» (Берлин. 1921. № 3).

Периодика...

БЕЛКОВА Евдокия Никаноровна (?— 1965), авт. воспоминаний.

Инженер-строитель, выпускница инженерно-строительного факультета Петербургских женских политехнических курсов. Работала в области речной и морской гидрологии. Преподавала в московских вузах. Ее воспоминания «Версты, измеренные шагами». — В кн. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. с. 48-53.

ИДРДВ. Т.1. Ч.3. № 6285.

БЕЛ-КОНЬ-ЛЮБОМИРСКАЯ Нимфа Алексеевна (псевд. Анны Алексеевны Городецкой, урожд. Козельской; 1889(?) — 1945), поэтесса, хозяйка лит. салона.

Жена поэта С. Городецкого. Была дружна с А.А. Блоком и др. поэтами. В 1916-м вместе с мужем переехала в Тифлис, учась в «Цехе поэтов», была хозяйкой лит. салона. Печат. в журн. «Голос жизни», «Арс», сб. «Цеха поэтов» — «Акмэ» и др. С 1921 г. поселилась в Москве и перестала выступать в печати.

Сто одна поэтесса серебр. века.

БЕЛОБОРОДОВА А.В.

Была среди молодых литераторов, группировавшихся вокруг стокгольмского изд-ва «Новая Русь» в начале 20-х гг.

Периодика...

БЕЛОБОРОДОВА София Ивановна (?— 1930)

Авт. кн. «Вечно родное: Стихи для детей». Стокгольм, «Северные огни», 1923. Алексеев А.Д.

БЕЛОВА Анна, писательница.

Написала для детей биографию П.П. Ершова (авт. «Конька-горбунка»). СПб., 1874. рец.: «Пед. листок при Детском чтении». 1874. № 2. С. 152; «СПб. вед.». 1874. № 125. Авт. пов. «Одна из грустных историй». СПб., 1872.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сл.

БЕЛОВА Ольга

Авт. ст. «Медицинская помощь рабочему населению г. Иваново-Вознесенска». — «Правда», 1904. № 9. С. 250-255

БЕЛОГОРСКАЯ А.С.

Сотр. в «Библиографическом ежемесячнике», кот. редактировал И.В. Владиславлев.

(Продолжение на стр. 30)

Ольга ОЖГИБЕСОВА,
специальная съемка Геннадия КРАМОРА

Горькая участь памятников,

или

Один день в Тобольске

Говорят, жемчуг нужно носить. Не соприкасаясь с телом человека, он мутнеет, стареет, теряет свою привлекательность. Так и памятники: если их не касаются руки, не согревает тепло человеческого дыхания, они умирают.

В Тобольске я проездом. Завтра по утру придет «Метеор» и — вниз по Иртышу — увезет меня в далекие северные края. Надо бы успеть пробежаться по городу, глянуть хоть краешком глаза на город-музей, памятник под открытым небом, прикоснуться к его истории. Восхититься его красотой и оплакать горькую его участь.

Руины, «охраняемые» государством

В 1961 году Тобольский краеведческий музей преобразовали в историко-архитектурный заповедник. В него вошли, помимо Софийского двора — центра заповедника, пять церквей: Спасская, Петропавловская, Захарьевская, Михаило-Архангельская, Крестовоздвиженская.

Спасская церковь (1710 г.) заперта в каменном мешке окружившего ее города. На ней нет купола.

Захарьевская (1752 г.) — празднично-ликующая кудрявая церковь Елизаветы и Захария на торгу — центр комплекса Базарной площади, образованного улицами и торговыми рядами. По словам исследователей, «Захарьевская церковь являет собой зрелый и совершенный образец того барокко, которое историки культуры именуют сибирским барокко. Благородством своих пропорций она украсила бы любой город».

У Захарьевской — своя история. В тридцатые в ней устроили что-то вроде пересыльного лагеря: здесь останавливались ссыльные, потоками стекавшие в стольный град Тобольск со всех городов Урала и Зауралья, — в храме они жили в ожидании дальнейшей отправки пароходами на север. Рассказывают, что в церкви в несколько ярусов были сколочены нары. Однажды они не выдержали веса лежащих на них людей и рухнули вниз...

А теперь повернем на улицу Семакова, бывшую Рождественскую. Она была названа так по Рождественской церкви, построенной еще в 1744 году. Церковь, — вернее, то, что от нее осталось — и сейчас еще стоит в самом начале улицы. На крыше придела проросла рябина. Если фасад со стороны

улицы почти не тронут, то с противоположной стороны стены разрушены так, как будто по ним били из тяжелых орудий. Внутри не уцелело ничего. Нет даже следов росписей или хотя бы штукатурки — голый кирпич. Низкие тяжелые сводчатые потолки, метровой толщины арки. И над всем этим — обзглавленное охраняет, государство и разрушает. Рождественская церковь принадлежит Российской Федерации. Пользователь — Тобольско-Тюменская епархия. На деле — церковь предоставлена сама себе и продолжает разрушаться.

В 30-е годы вынужденно разобрали Богородицкую церковь под горой: размещенный в ней гараж привел ее в аварийное состояние. Богородицкая церковь, украшенная самобытной оградой, исчезла навсегда, оставив по себе одно воспоминание — фотografiю в музейной витрине.

Призраки в тюремном замке

Я сижу в тюрьме. Сюда пускают всех. И выпускают, к счастью, тоже всех.

Тюремный замок стоит на высоком берегу Иртыша полторы сотни лет. Простоит еще столько же: полуметровой толщины кирпичные стены с успехом выдерживают испытание временем. Коридоры здесь длинные, гулкие и очень холодные, несмотря на жаркое лето. Потолки высокие, звуки голосов посетителей тюрьмы разносятся из конца в конец, теннисными мячиками отскакивая от тяжелых, обитых железом дверей бесконечной вереницы камер. Тюрьма пустует уже четырнадцать лет, но за то время, что в ней располагается уникальный единственный в России музей, здесь не стало ни теплее, ни уютнее. Страшно, — вот, пожалуй, то слово, которым можно выразить свои ощущения. Страшно идти по

сырому, промозглому коридору. Страшно даже заглядывать в клетки для людей, где всей «мебели» — железная кровать и «параша». Солнце не проникает в камеры сквозь железные жалюзи на крохотных окнах. Минуту посидела на голых металлических прутьях «спального места» камеры № 154 — и уже захотелось бежать. Как в таких условиях годами могли существовать и не сходить с ума люди?!

Тобольский тюремный замок, по легенде, был построен благодаря Александру II, который, побывав в этом городе в 1837 году, был поражен убожеством ранее действовавшей тюрьмы и обещал хлопотать о строительстве новой. Интересно, что выстроили тюрьму на той же площади, где расположились Тобольский кремль и монастырь. Первоначально она планировалась как пересыльно-каторжная, для пересылки заключенных на восток — в Забайкальск и Нерчинск. Среди самых известных ее «постояльцев» — Ф.М. Достоевский и М.В. Петрашевский (1850г.), Н.Г. Чернышевский (1864г.), поэт Михаил Михайлов, автор прокламации «К молодому поколению» (1861г.), В.Г. Короленко (1881г.). Через тобольский тюремный замок прошли участники знаменитого польского восстания 1861 года.

Кстати, одна из самых известных фигур — знаменитый фальшивомонетчик Игнатий Цезик. Даже в тюрьме у него были обнаружены медные пятаки для изготовления фальшивых печатей! Цезика несколько раз выпускали на свободу, но он вновь начинал заниматься своим промыслом. В конце концов его определили на вечное поселение под Тобольском — под надзором полиции.

В начале двадцатого века тюремный замок потрясли два восстания заключенных. В 1907 году участники революционного движения пытались защитить свои права. В результате тридцать человек «политических» были приговорены к смертной казни. Вешали заключенных по очереди. Пока один бился в агонии, остальные смотрели. Говорят, тюремный врач не выдержал этого зрелища и сошел с ума.

В 1918 году восстание подняли заключенные в тюрьме красноармейцы. Против безоружных были брошены войска. Пятьдесят семь человек было убито, двадцать — ранено, сорок семь — якобы пропало без вести. На самом деле их забросали гранатами в тюремном погребке. К слову, из нападавших лишь один солдат был убит (история сохранила его

имя — Федор Пуртов), два человека ранены и три — контужены. Именно после этого восстания заключенных начали отправлять на «баржах смерти» на север — в Томск они приходили уже пустыми.

В 1921 году во время кулацко-эсеровского мятежа в Тобольской тюрьме было расстреляно шестьдесят пять человек — комсомольцев и коммунистов. Им ломали конечности, отрезали носы и груди, на некоторых трупах было обнаружено до ста шестидесяти штыковых ран.

Советская власть здесь тоже «хорошо» отметилась: с 1937 по 1941 год в тюрьме было расстреляно две с половиной тысячи человек. Только в ночь на 14-е октября 1937 года у алтаря уникальной тюремной церкви во имя Александра Невского, построенной руками заключенных, расстреляли 217 человек!

Говорили, что невинно убиенных закапывали здесь же, в тюремном дворе, между больничным корпусом и корпусом № 1, — самым старым, построенным для особо опасных преступников. Но раскопки, проведенные этим летом, показали, что это не так. Следов захоронений у стен тюрьмы, на полутора-метровую глубину уходящих в землю, не обнаружено. Зато обнаружено подземелье — кирпичное и очень прочное, со сводчатым потолком и штольней, уходящей куда-то вниз, под фундамент здания. К сожалению, этот своеобразный «коридор» перекрыт мощным завалом. Так что сотрудникам музея еще предстоит открыть тайну тюремного подземелья.

Кабинет последнего царя

На бывшей Благовещенской площади, ныне улице Мира, находится здание районной администрации, бывший дом тобольского генерал-губернатора, еще раньше — дом купца Куклина, построенный в 1788 году. Это и архитектурный памятник времен становления тобольского каменного гражданского зодчества, и исторический: начиная с 1833 года в нем бывали

Интерьер одной из комнат семьи Романовых в Тобольске

Дом в Тобольске, где была заключена царская семья

многие декабристы по делам, связанным с пребыванием их на поселении. Этот дом дважды принимал царственных особ. Первый раз в нем останавливался, будучи в Тобольске, Александр II, а спустя 80 лет здесь обитали Николай II и его семья.

О музее последнего императора всея Руси в прессе писали не раз. Стою, задрав голову, изучаю приют тобольских изгнанников, и тут на втором этаже открывается окно, и девушка в белой блузке машет мне рукой: мол, заходите! Суббота. Администрация не работает, но суровый охранник пропускает в музей любопытных туристов. Поднимаюсь по ступенькам круглой лестницы на второй этаж, переступаю порог царского кабинета. История, какой бы она ни была, — всегда свята, идет ли речь об императоре или крестьянине из забытой богом деревеньки.

Царский кабинет открыли для посетителей 13 августа 1996 года, через 79 лет после того, как семья Николая II, прибыв пароходом из Тюмени, вошла в этот дом. Оригинальных вещей здесь сохранилось немного, разве что деревянные стулья. Может быть, еще стол. Таких столов, говорят, в Тобольске было всего два; один из них хранится в железнодорожном музее. Долгое время считалось, что этот сняли с царского поезда, когда семью увозили в Екатеринбург, но версия не нашла своего подтверждения. К тому же, если рассуждать логически, зачем было царю увозить из Тобольска стол?! Так что вполне возможно, что мне удалось сфотографироваться именно за столом Николая II.

Интерьер кабинета запечатлен на старых фотографиях и воссоздан по ним. Как, например, диван — точная копия того, что стоял здесь в 1917 году. А из личных вещей царя сохранилась икона Тобольской божьей матери, преподнесенная тоболяками Николаю II 6 декабря 1882 года, в день его именин.

Из окна кабинета открывается вид на Архангельскую часовню. Ее построили в 1887 году к трехсотлетию Тобольска и в ознаменование 50-летия пребывания в городе императора Александра II. Когда-то часовню окружал чудесный сад. Сейчас остались от него только редкие деревья. Сама часовня смотрит на белый свет слепыми черными глазами — окна выбиты, а

проемы забраны ржавыми решетками. Внутри темно и пусто. В годы Советской власти крест с часовни скинули, а вместо него — очень в духе времени — водрузили самолетик.

Перед часовней зачем-то выстроили кинотеатр. Символично: он рухнул в 1991-м, когда распался Советский Союз. На его месте остались лишь каменные плиты. А на часовню вернули крест.

Полигон для вандалов

День, посвященный Тобольску, закончился на кладбище. Нет, это не к тому, что к вечеру я уже напоминала живой труп,

Церковь Семи отроков

Плита

Могила Петра Ершова

едва передвигающий ноги. Для Тобольска, да и вообще Сибири, Завальное кладбище – все равно, что для Москвы – Новодевичье или Ваганьково. Здесь похоронены люди, чьи имена составили бы честь любому столичному погосту. И надо хоть в этом отдать должное Тобольску: в отличие от Тюмени, старейшее городское кладбище сохраняется в более-менее приличном состоянии. Может быть, потому что оно не закрыто, и захоронения здесь продолжают.

Тобольскому Завальному кладбищу без малого три сотни лет. По всем канонам оно должно было быть закрыто уже несколько десятилетий назад. Во-первых, возникнув в XVIII веке за городской чертой, за валом, когда-то окружавшим вновь выстроенный Тобольск, сегодня оно находится почти в центре города, тем более – в его исторической части. Во-вторых, места для новых захоронений там давно нет. И, в-третьих, Завальное кладбище – это объект культурного значения, иными словами – памятник.

Но до этого весьма немаловажного обстоятельства, похоже, никому нет никакого дела. Вопреки всему, Завальное кладбище продолжает оставаться действующим некрополем. Другого в Тобольске просто нет. Смешение эпох и надругательство над историей и памятью предков – вот, пожалуй, самые мягкие слова, какими сегодня можно охарактеризовать состояние Завального кладбища.

Ряд захоронений последних лет совершенно исказил первоначальный облик векового места последнего упокоения тоболяков. Помпезные мемориалы из красного мрамора и белого гранита, высеченные в камне в полный рост фигуры местных авторитетов заслонили историческую часть кладбища. Можете себе представить степень тщеславия родственников одного из усопших, воздвигших на его могиле точную копию памятника Ермаку, что возвышается на Чувашском мысу над Иртышом? Среди современной безвкусицы останки – по другому не скажешь – старинных надгробий: бесхозные памятники с полустертыми надписями, сброшенные с постаментов, разбитые плиты, почти сровнявшиеся с землей могилы...

Современные захоронения нередко производятся на месте старых, причем поистине с русским размахом. Этим мемориалам мало места среди скромных могил XVIII – начала XIX веков. Они теснят надгробья, перемещают их, нередко и уничтожают. А между тем на Завальном кладбище 14 объектов культурного наследия: 13 могил и церковь Семи отроков. Но, увы, до сих пор нет документов, подтверждающих их статус, – паспортов памятника истории и культуры. Эти паспорта должны были утверждаться министерством культуры, теперь – правительством РФ. Должны, но...

Церковь Семи отроков, последняя приходская церковь старого Тобольска, в отличие от большинства тобольских храмов – действующая. Она тоже памятник, причем не только истории, но еще и памятник человеку, построившему ее в 1776 г., – «геодезии сержанту Андрею Абарину». Где упокоились косточки геодезии сержанта – неизвестно, но имя, как и церковь, сохранилось в веках. На Завальном кладбище своеобразную колонию образуют семь могил декабристов по обе стороны главной кладбищенской аллеи. Вокруг стоят вековые березы, липы, ели, а над могилами А.М. Муравьева и Ф.Б. Вольфа странная высеченная лиственница – стоит, чуть наклоняясь, в вечной скорби.

По другую сторону похоронены Башмаков и Семенов, за ними – Краснокутский, Кюхельбекер – знаменитый Кюхля, друг Пушкина, и Барятинский. Первоначальные памятники над могилами декабристов в большинстве своем не сохранились. Как,

например, плиты с могил Башмакова и Семенова.

Еще во время революции пострадал один из двух памятников над могилами Муравьева и Вольфа — великолепный крест со скульптурным изображением распятия Христа. Кстати говоря, нет никаких сведений об авторе этих монументальных сооружений и времени их установки. Есть лишь предположение, что их установил в середине прошлого века сын Муравьева. В 1918—1919 гг. с памятника было похищено изображение Христа, погнут чугунный крест (это какую же силу надо было приложить!), похищены фигурные крепления и даже чугунные плиты. В 20-е годы памятник провалился.

Вот что интересно: в 1988 году готовилась учетная документация на могилы декабристов. Тогда же была сделана фотография — скульптуры Христа на кресте не было. Сейчас памятники обрели первозданный вид — Христос вернулся. Но кто его установил и когда? В областной инспекции по охране памятников таких сведений нет.

За церковь Семи отроков с трудом можно видеть два невзрачных надгробья за чугунной оградкой. Они совсем потерялись на фоне роскошного захоронения начала XXI века, неизвестно каким образом получившего «прописку» в самом центре исторической части кладбища. За оградкой — могилы Петра Ершова (между прочим памятник федерального значения) и его жены. В начале 70-х годов прошлого века с надгробья была сбита скульптура крылатого ангела, опиравшегося на четырехконечный крест. Патологически не везет автору «Конька-Горбунка»: надругались над могилой, а потом снесли в утиль бронзовый бюст, стоявший в городском сквере.

На Завальном кладбище похоронил свою жену Е. Рубановскую Александр Радищев. Здесь лежат великий просветитель П.А. Словцов; Павел Грабовский, украинский поэт, участник польского восстания, отец Бориса Грабовского, изобретателя телевидения. Художник и просветитель Михаил Знаменский покоится недалеко от декабристов. Первоначальный памятник на его могиле не сохранился. Было сооружено надгробие, но надгробная плита, снятая во время ремонта, почему-то так и осталась за пределами могилы — она была прислонена к одной из соседних оградок. Это в каком же состоянии нужно было находиться, чтобы забыть закрыть могилу!

С могилы И.П. Менделеева, отца великого химика, была похищена икона Божьей Матери, а в 1976 году сломан подлинный лепестковый мраморный крест. И это самые известные могилы, памятники! А что же творится с теми, что прячутся за деревьями, в зарослях кладбищенских кустов, там, куда не заглядывают сторожа и посетители? Вопрос риторический.

Издавна кладбище было святым местом. Сюда приходили не только плакать, но и молиться, думать о вечном и о бренности бытия. Сегодня — это полигон для вандалов.

БЕЛОЗЕРСКАЯ Надежда Александровна (урожд. Ген; 1838 — 1912), историк литературы, переводчица, автор воспоминаний.

Жена В.М.Белозерского, издателя укр. журн. «Основа». В петербургском доме Белозерских бывали Т.Г.Шевченко, Н.И.Костомаров, П.А.Кулиш, а также И.С.Тургенев, П.В.Анненков, К.Д.Кавелин. Здесь дышалось историей. Особенно близок Б. был Н.И.Костомаров. Под его влиянием она и сама занялась историей. Ее историч. и историко-биогр. очерки отличались обилием фактич. материала (напр. «Царское венчание в России») \ \ Рус. мысль. 1883. №№ 2—3); многие из них посвящены историческим женщинам: З.А.Волконской, кн. Дарье Х.Ливен, Екатерине I, Марие Ив. Гоголь. Б. была литературным секретарем Костомарова. Подружившись с Н.В.Стасовой и М.В.Трубниковой, принимала участие в «Обществе переводчиц» и в учреждении высших женских курсов, которыми одно время заведовала. Среди ее переводов — исторические работы разных авторов, переводила также сказки Г.Х.Андерсена. Не потеряли своего значения и историко-литерат. труды Б., особенно монография «В.Т.Нарежный», первая и пока самая полная в нашей литературе. Написала воспоминания о Н.И.Костомарове и враче Е.П.Серебренниковой. ; Автобиография. — «Ист. вест.», 1913. Т.132. № 6. С.925-936; Брауде Л.Ю.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; ИДРДВ. Т.3. Ч.4 (указ. имен).

БЕЛОЗЕРСКАЯ-БУЛГАКОВА Любовь Евгеньевна (в первом браке Василевская, во втором Булгакова; 1895 — 1987), авт. воспоминаний, редактор.

Вторая жена писателя М.А.Булгакова. В первом браке была женой журналиста И.М.Василевского («Не-Буква»). Вместе в ним эмигрировала (1920), но в сер. 20-х вернулась в СССР. Любила и понимала литературу, музыку, театр. Во всех этих искусствах оставила свой след. Булгаков посвятил ей свой ром. «Белая гвардия». В соверш. зная европ. языки, Б.-Б. помогала писателю в работе над пьесой «Мольер» и др. Была помощницей в лит. трудах писателя В.Вересаева, акад. Е.Тарле. Работала в «Огоньке», в ред. «Историч. романов», «Лит. газеты». Воспом. Б.-Б. «У чужого порога», «О, мед воспоминаний», «Так было» сост. мемуарную кн. «Воспоминания» (М., 1989; портр.) О ней: Белозерский И.В. Записки о Любове Евгеньевне. — в указ. кн.

«Русский Париж».

БЕЛОЗАР Антонина, дет. писательница .

Венгеров. Источ.

БЕЛОКОПЫТОВА Мария (псевд. Чайка)

Поэтесса, сотр. дальневосточн. изданий 1900 гг. (М.Б.).

Масанов; Здобнов.

БЕЛОКОПЫТОВА Мария Николаевна (1872 —)

Была ред. кн. «На путях к производств. образованию. Вып. 1» М., 1924. Авт. кн.: «Организация рабочих подростков». М., [1919]; «Поведение рабочего подростка, Характерные черты его установки направленности» М.-Л., 1930.

РНБ.

(Продолжение на стр. 87)

Юрий ШИШКИН,
фото автора

ЧУЛЫШМАНСКИЙ ПЛЕННИК

ВЕТЕР

За ночь трижды принимался идти дождь. Крыши над моей головой не было, и лишь здоровенные ветви ёлки роняли на меня крупные капли воды. Приходилось убирать спальник в драйбег, а самому прятаться под коврик и, поскольку ночь выдалась нежаркая, разжигать огромный костер, чтобы хоть немного просохнуть и отогреться. Я расположился на берегу реки у моста, под огромной елью. Это место у аборигенов считается не то святым, не то жертвенным, и для духа Ульменя ветви дерева были украшены ритуальными тряпичными лоскутками, а под деревом рассыпана мелочь.

Погружаясь в лёгкую дрему, я вновь просыпался оттого, что капли дождя начинали падать на лицо, и всё повторялось заново. Наконец под утро на небе появились холодные звёзды, а над горами выкатилась из-за туч огромная луна. У костра, над которым в потоках тёплого воздуха

развевались высохшие ленточки, сидя на коврике, привалившись к лодке, дремал одинокий каякер.

Смолистые корни весело трещали в костре, разбрасывая вокруг пучки ярких светляков, точно залпы салютов. Жаркое пламя поднималось всё выше. Полинялые и выцветшие лоскутки на ветках высохли и трепетали в жаре костра, точно маленькие полотна знамён. Было тепло и блаженно.

Нижние ветви ели вспыхнули мгновенно, словно на них плеснули бензина. Горящие тряпочки разлетались во все стороны, и вот уже всё дерево охвачено огнем, как рождественская ёлка. Оно трещит и валится набок, разливая фонтаны огненных брызг, падает на мост, который тоже мгновенно загорается. Пылающие куски древесины, отрываясь от моста, падают в реку и с шипением уплывают в темноту... Становится невыносимо жарко, и я просыпаюсь.

Принимался рассвет. Дерево, как ни в чём не бывало, стоит на прежнем месте, и мост стратегического значения продолжает соединять два берега реки. Дорога пустынная, она безразлична к чужим проблемам, равно как и к своим собственным, по причине отсутствия таковых. Зачем здесь вообще нужна дорога, если по ней всё равно никто не ездит?

Надежды нет им возвратиться;
но сердце поневоле мчится
в далекий край. Они душой
тонули в думе роковой...

М.Ю.Лермонтов

Всё началось с того, что Антонио и Васю заказали эйфти-каякерами на Мажой. Туда же были увезены их вещи, включавшие в себя семь лодок, а также пара запасных каякеров (просто на всякий случай прихватили Саню Молчанова и Катерину Кулькову). На следующий день оставшиеся три балбеса в лице Сэма, Андрюксы и меня убыли в ту же местность на рейсовом автобусе и уже к 15 часам готовили обед на «Кролятнике», весьма удивленные отсутствием каких бы то ни было признаков туристов. Наше удивление плавно перешло в легкое беспокойство, ибо к моменту наступления сумерек из ущелья не нарисовалось ни одного каякера, причём уровень воды в реке был весьма близок к предельно возможной отметке. Лишь к девяти часам вечера из тумана выплыли три знакомые до боли фигуры...

Саня за знакомство с бурной водой Горного Алтая откупился новым веслом и обновил неоцарапанную ещё лодку. Первая часть Мажоя, которую весной мы использовали для разминки, превратилась в адскую мясорубку.

Весь последующий день я провёл в компании с Саней и Андрюксой, безнадежно слоняясь по проклятому городу Акташ в тщетных попытках запарить транспорт для заброски в Язулу на верхний Чулышман. Избалованные глупыми туриками алтайские мегадрайвера при слове Язула закатывали глаза со словами:

– Твоя далеко собрался! Ошен далеко! Дорога плохой! Совсем плохой! Много бензина – много денег надо.

За 150 км вполне приличной дороги, словно сговорившись, они хотели от 7 до 10 тысяч рублей, что составляет соответственно от 40 до 70 рублей за 1 км! Убедительно прошу на будущее не платить подобных сумм за транспортные услуги, поскольку это неизбежно приведёт к дальнейшему повышению цен до уровня вертолетной заброски!

Лишь под вечер нам удалось найти «буханку» за четыре тысячи рублей. Таким образом, утром следующего дня в сторону Язулы выдвинулась машина, сплошь обвязанная разноцветными лодками и битком набитая развесёлыми каякерами. В итоге весь этот груз к вечеру того же дня был доставлен на территорию бывшей заставы¹, что отделена от деревни Язула десятью километрами не самой простой дороги. Здесь мы познакомимся с начальником местной тайги – егерем Серёгой, который казался славным малым и прописал нас на временное жительство в одной из многочисленных пустовавших комнат казармы. Комната была просторной и светлой, с большими двухэтажными нарами и огромной печью, выбеленной известью. Казарма была построена давным-давно из листовенничных тёсаных бревён. Днём в её комнатах стояла приятная прохлада, а ночью стены хорошо сохраняли тепло. На два дня эта

¹ Историческая справка: до 1944 г. Тыва не входила в состав СССР, здесь проходила госграница и застава функционировала.

замечательная комната превратилась в базовый лагерь каякеров.

Кроме Сереги на заставе жил его отец, хохол (как и сам Серёга), шахтёр из Донбасса, ныне на пенсии, некто Эркемен – алтаец, без определенных занятий, со своей женой Айзулу и двумя дочерьми, да две собаки – Трезор (ворюга и разбойник) и Дина (один из немногих положительных персонажей).

Очень хочется есть, но уже второй день не могу поймать рыбу. Все ягоды вокруг стоянки съедены, а машины всё нет. К «обеду», о чудо, появляется первый за всё время автомобиль системы «Нива». На подкосившихся от слабости ногах забираюсь на дорожную насыпь и уже вижу, что в салоне битком набиты алтайцы...

– Здравствуйте, – говорю я. – Вы в Саратан едете?

– Да, – отвечают мне, – в Саратан.

– Возьмите и меня, а лодку на крышу привяжем.

Однако меня никуда не берут и лодку не привязывают. Но клятвенно уверяют, что сейчас из деревни поедет самосвал МАЗ до Улагана:

– Хорошая машина, большая машина, много места, тебя заберёт!

Я возвращаюсь к костру и быстро собираю вещи. Всё вокруг радует глаз. От мысли, что скоро я увижусь с друзьями, на лицо сама собой наползает улыбка. Скоро я расскажу им о том, как качумал здесь, под мостом у деревни Язула, и мы вместе посмеёмся над этим. Вот только МАЗ что-то не торопится.

Только вечером от проезжавших мимо рыбаков я узнаю, что водитель пирует в деревне, и последняя надежда покинуть эту забытую богом местность рухнет как картонный домик. Лошади, мерно размахивая хвостами в такт своей неторопливой поступи, медленно перевозят всадников через мост и скрываются за поворотом дороги. Кажется,

время течёт в этих краях по-иному. Хочешь добиться расположения и уважения в разговоре с горцем, веди беседу неторопливо, тем самым ты уделяешь собеседнику своё драгоценное время. Спешка и торопливость — удел людей суетливых и мелочных. Авторитетный человек всегда спокоен и рассудителен. Наверное, за последние пятьдесят лет в этих краях для местного населения изменилось немного.

Сама застава стоит на ручье Каратеш. Двумя километрами ниже, там, где воды ручья растворяются в могучей реке Чулышман, находится легендарный порог «Чёртов мост», который, по сути, и является воротами в Язулинское ущелье. Прошло совсем немного времени с утра до того момента, как вся наша компания, пройдя каскады шивер-убийц от порога Мустафина, затупила над этим самым мостом в Каямболу. Вот тут я порадовался, что везу в своей лодочке фотокамеру. Сие обстоятельство давало мне возможность понаблюдать сквозь её объектив за тем, как участники нашей регаты будут сигать в пучину бурных вод. Заняв удобное место над последним сливом, я вооружился на всякий случай «морквой», и представление началось!

Кульминационная часть порога — это отнюдь не последний слив, хотя выглядит он внушительнее остальных. А вот перед

ним поток разделен камнями на три меньших по высоте водопадных слива, и тут главное правильно выбрать, с какого же из них прыгать. Пробный шар — Антонио. Он выбирает крайний левый. «Буф» не выходит, и он, развернувшись носом к сливу, заваривается в котле... Позднее сам он прокомментировал этот эпизод примерно так:

— Ну да, я остановился, ну, развернуло меня, ну, перевернуло, а что тут такого? Бывает. Не знаю, чего там все так погибали?!

А погибали там каякеры весьма фотогенично! Сэм, к примеру, крутил loops на «Charger» с такой скоростью, что я просто не успевал давить на гашетку фотокамеры, думая при этом: а не пора ли сменить её на выброску? Саня во время очередного пируэта так долбанул лодкой о скалу, что гром удара заглушил на мгновение грохот водопадов, и даже не сразу заметил, что у него сорвало юбку! После чего выдавило из котла и в ползатонувшем состоянии завращало в свуди под скалой перед основным сливом.

Короче говоря, в этом пороге всё переворачивалось и пыталось утонуть, хоть и безуспешно. Но это ничего, ведь впереди ещё весь Язулинский каньон, а значит, шансов на красивую уборку у каждого предостаточно! В пороге с ужасным названием «Оборотень» с моей легкой руки все приехали в коварный прижим, который с берега показался мне гораздо слабее.

Следующим порогом-убийцей оказались «Большие глыбы». Здесь тоже многие искали чего-то под водой, кое-кто спасался вплавь по собачьим, а я предпочел двадцатиметровую прогулку по берегу двадцати секундам купания в зелёной чулышманской водичке.

Заключительным зрелищным номером нашей программы в этот день стал водопад «Три Вовы» (не считая прочих порогов, которые мы и не смотрели). Здесь мы устроили целое шоу со съёмкой и страховкой верёвочками с разных берегов. Впрочем, страховка так и не понадобилась, хотя на первый взгляд казалось, что именно в этом месте и наступит Game over. Так уж сложилось, что первым запустили Антоху, да он и не отказы-

принимает решение в пользу прохождения или обноса конкретного препятствия. Трезво оценив свои невеликие шансы на успех, я склонился в пользу второго варианта, и, признаю вам честно, у меня на душе заметно полегчало.

Итак, венцом первого сплавного дня стал водопад «Три Вовы». Мы спрятали лодки в каньоне выше водопада, чтобы завтра повторить прыжок, и отправились пешком домой — в казарму. Пройти 5–6 км козлиной тропы под палящим солнцем в вонючем неопрене — вот проверка на выносливость! Но лишь после ты сможешь в полной мере оценить прохладу горного ручья и погрузиться в негу блаженства, опрокинув пару рюмок

вался. Все с нетерпением наблюдали за кромкой слива, расположившись внизу на камнях, как в театре, ожидая чего-нибудь остросюжетного, и были слегка разочарованы лёгкостью, с которой подопытный кувыркнулся со слива. Дальше — больше, каждый следующий прыжок был выполнен «чище» предыдущего.

Через 30 метров после водопада начинается порог «Затычка». На мой взгляд, именно это место и является воротами в Каямболу из Язулинского ущелья. Во-первых, порог не страхуется с берега, во-вторых, лично я, глядя на бурную воду, так и не смог отыскать дорожку, по которой можно войти в порог и выйти из него в реальный, а не в параллельный мир. Каждый каякер смотрит на порог своими собственными глазами, делает свои выводы и единолично

«Столичной» или пару чашек зеленого чая с жасмином в кругу друзей.

Вот уже двое суток, как я нахожусь на берегу Чулышмана в тщетной затупе, с надеждой перебраться через Язулинский перевал в долину Башкауса. По Башкаусу можно менее чем за день добраться до Улагана, а там дорога не в пример оживленнее, чем здесь. Нечего и думать о том, чтобы дойти туда пешком. На эту затею уйдёт минимум два дня, а без еды я вообще не дойду. Не то чтобы из Язулы никто не ездит в Саратан, но местное население предпочитает передвигаться исключительно на лошадях, презирая автомобили.

Ночью выспаться не удастся, потому как именно ночью регулярно идут дожди. И я засыпаю, сидя на лодке у дороги. Но спать нельзя, в любой момент может пойти машина. А из-за шума реки её не услышать вовремя. Необходимо как-то встряхнуться, и я, пошатываясь от слабости, отправляюсь на рыбалку. Снасти у меня подходящие: мушки, катушки, всё как надо, но есть одна проблема — рыба не клюёт. Поверхность заводей тиха и безжизненна, её покой не нарушает ни один всплеск. Раз за разом, последовательно покрываю весь омут длинными забросами, вожу мушек по поверхности, опускаю до дна, но всё напрасно. Меняю снасти — тот же результат. Дело ясное — сегодня клёва не будет! И к тому же сосредоточиться на рыбалке совершенно невозможно. Стоит лишь отойти от дороги, и сквозь шум воды слышится едва уловимая мерная работа мотора. Выбегаю наверх, на дорогу, но она по-прежнему пустынна. Это паранойя!

К вечеру на дороге чудесным образом появляется мотоцикл с коляской. Драйвером выступает не кто иной, как Серёга, а в люльке его сопровождает некто Эркемен. Оба изрядно навеселе. Серёга извиняющимся тоном сообщает мне следующее:

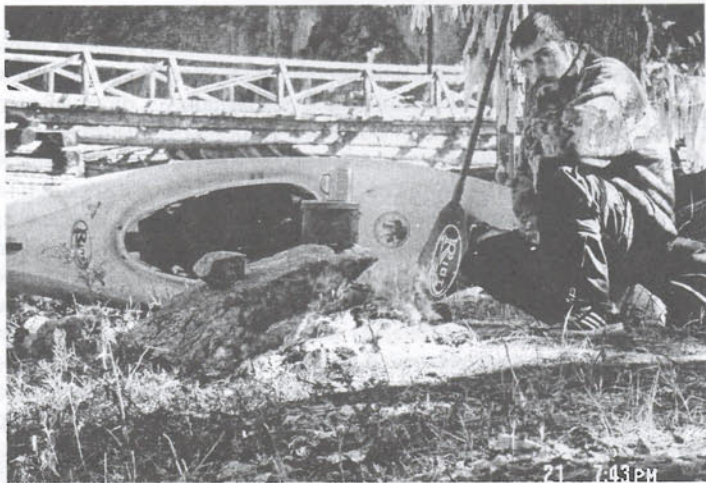
— Ты всё ещё здесь? А я же думал, ты уехал! А что, машин не было? А я же думал, тебя только завтра надо отвозить!

— Вы куда собрались на ночь глядя? — спрашиваю я.

— А мы на верхние пастбища, моя родня мне барана даёт, — гордо заявляет Эркемен из своей люльки (мне кажется, он уже не в состоянии из нее выбраться). — Скоро вернёмся.

— Ты нас тут подожди, мы быстро слетаем и обратно, на заставу вместе поедем.

Собственно, вариантов у меня немного. Либо оставаться на ночь здесь, мокнуть под дождем и голодать третьи сутки, либо вернуться обратно, в тёплую казарму, жрать жареную баранину! Спасители мои вернулись через пару часов уже в сумерках. И, странное дело, Серёга к этому времени уже почти протрезвел и вёл себя передо мной, словно виноватый школьник перед учителем.

А ведь мог бы просто послать куда подальше! Ну, подумай, пообещал отвезти в Улаган. Обещать не значит жениться! Но он оказался человеком порядочным: пацан сказал, пацан сделал! Зато Эркемену всё было ничем. Он вернулся уже не в люльке, но «в санях». Пьяный в уматинушку, с бараном в обнимку. Глядя на них, не без труда можно было отличить одно животное от другого. Ну, тут главное не перепутать, когда резать будем.

Честно говоря, у меня вызывали опасения технические возможности нашего родеомобиля, ведь нас было трое, не считая барана, лодки и рюкзака, а дорога перед нами лежала далеко не шоссейная! Но выбирать опять же не приходилось, и ночной драйв начался!

На первом же серпантине стало ясно, что движок не тянет и едва везёт сам себя. Но это ещё цветочки, ведь дорога пока идёт накатанная, по твердому грунту. Мне с рюкзаком и Эркеменом приходилось топтать пешком, как только дорога шла чуть в гору. Но, в конце концов, мы поднялись на плато, и Язула осталась позади. Тут начался настоящий драйв! Ручьи, болотца, чача по колено, дорога размыта, таскаем мотоцикл на руках, все в грязище... Эркемен ноет: «Не могу больше, давайте здесь спать» — и всё такое... Вскоре, впрочем, мы выбрались на сухую «полку» и покатали веселее. Над лесом взошла луна и залила своим мягким серебряным светом огромный покос, по которому мы медленно продвигались в сторону заставы.

Вдруг впереди на дороге показались силуэты всадников. И вот уже нас окружили человек пять или шесть молодых аборигенов, все под шафэ, кое-кто с винтарями, а про ножи и говорить нечего. В общем, лихие парни. Лопочут чего-то по-своему, у одного девка пьяная поперек седла лежит и ржёт, что его лошадь. Ну, мы слезли с мотоцикла, подошли поговорить. Так уж тут принято. Серёга мне только шепнул «Тише!», ну я и так всё понял, хоть виду и не подал. Поздоровались. С Эркеменом за руку, а с нами так, за компанию, небрежно. Молодежь здесь самый опасный контингент, особенно когда выпившие, с оружием, да к тому же ночью, за своими делишками тёмными сплётённые. Но на этот раз обошлось без разборок. Так, перекинулись парой слов, да и разъехались, мы в одну сторону, они в другую.

Следующие несколько часов наша разношерстная компания преодолевала небольшой, но весьма насыщенный препятствиями участок леса, по которому проходит дорога до заставы. Луна к этому времени скрылась за тучами, из которых на нас щедро посыпался дождь, но мы его просто не замечали, — до того ли нам было? В полной темноте мы вдвоём с Серёгой пробирались через ручьи и болота. Он с бараном на шее, а я с лодкой и рюкзаком. После возвращались обратно к мотоциклу, и он вёл машину, а я пьяного Эркемена, который всё время норовил потеряться в тайге и уснуть.

Наконец, уставшие до смерти, едва передвигая ногами, в пропитанной грязью одежде, голодные и злые, мы добрались до ручья Каратеш, за которым стояла застава. Искупавшись прямо в одежде в холодной воде ручья, я, наконец, перебрался со всем своим багажом через шаткий бревенчатый мосток и очутился на том самом месте, которое покинул три дня тому назад, полный надежд на скорейший отъезд. Но судьба распорядилась иначе, и вот я снова здесь, всё в той же казарме, как будто и не уезжал никуда. Дотащившись до нар, падаю на них прямо в мокрой одежде и проваливаюсь в глубокий сон, как в бездну...

Пришло время нам покинуть го-

степриимную заставу. На день план таков: занести вещи в конец Язулинского ущелья, вернуться к лодкам и прокатить оставшуюся часть. Десять км до порога, обозначенного в туристических логиях номером 73, отсюда 5 км обратно к лодкам, короткое раздумье над порогом «Затычка»; как ни странно, со вчерашнего дня он ничуть не изменился! Остальные ныряльщики на вопрос: «Ты пойдёшь?» — пожимают плечами и неопределённо говорят: «Посмотрим». Я уже посмотрел, заношу, продираясь сквозь заросли колючей акации, и с трудом нахожу тропинку, ведущую к воде, к глубоченному омуту за камнем, в честь которого и назван порог. А в это время...

Человек-лодка смотрит на водопад.

Человек-лодка боится утонуть.

Человек-лодка прыгает с водопада.

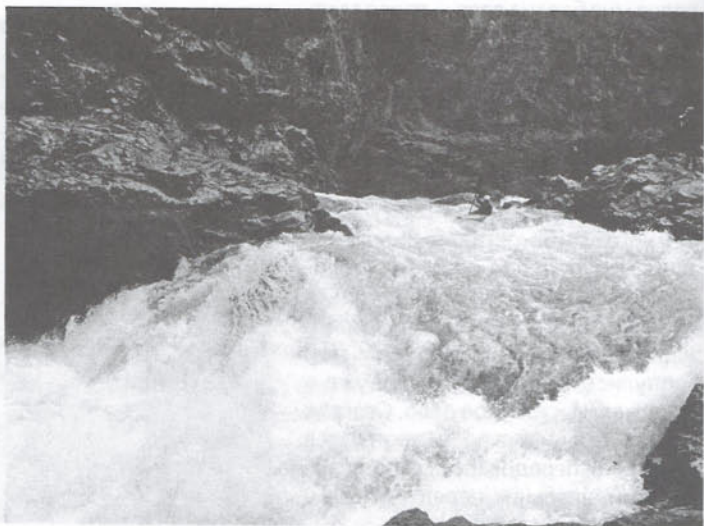
Человек-лодка побеждает свой страх!

Человек-лодка повторяет прыжок.

Я стою на страховке за камнем. Снизу хорошо видна высота сливов, они складываются в ступеньки. Если выстроить в лестницу все сливы Язулинского каньона, можно подняться на Останкинскую телебашню или еще куда-нибудь. Но мы не поднимаемся, мы спускаемся...

Где же каякеры? А вот и они. Появились на скалах левого

берега, вытаскивают лодки на берег, тоже будут заносить. Да, видно, поторопился я с обносом. По левому берегу это можно сделать гораздо проще, хоть со стороны так не кажется. Ну что ж, продолжаем нашу игру... Следующие несколько километров нас уверенно ведёт Вася. Падение небольшое, и пороги, как и ранее, локальные, с захода видно своды вниз. Из лодок не выходим.

Васина лодка скрывается за очередным перегибом и пропадает из глаз. Соблюдая дистанцию, оставшиеся друг за другом уходят следом. На мгновение открывается картина порога. Тут уж не тупи, только успевай махать веслом! Время от времени кто-нибудь «зажжёт» в бочке или «уберётся» в прижиме, но криминала нет, пока нет. Собираемся в своды снизу, делимся впечатлениями и ныряем дальше.

Где-то впереди порог «Винт». Не влететь бы в него, там может и голову отвинтить! «Винт» осмотрели довольно быстро. Вася и Антонио сразу склонились к обносу, мне показалось, что порог не слишком сложен. Трудность заключалась в том, чтобы правильно, то есть точно, зайти на последний водопадный слив и «буфануть» с него. Однако не стоит терять головы, в прямом смысле этих слов. Будь у нас лишний часок, можно было бы поэкспериментировать с пустыми лодками, занести пару лодок на страховку снизу, и наверняка бы попрыгали, но время подошло к вечеру, а дел ещё по горло. Последним фотогеничным препятствием был порог-слив, по непонятным причинам названный туристами «Таганай», следующий сразу же за «Винтом».

Вскоре мы уже разбирали свои вещи, попутно уплетая суперпитательные батончики, которые являлись единственной нашей пищей в течение целого дня. На этом месте я расстался с плавучим «зоопарком», спрятал свою лодку в зелёной чаще и отправился обратно на заставу. На следующий день мне необходимо было попасть на Верхний Башкауз для работы с группой туристов. Начальник заставы пообещал доставить меня вместе с барахлом за 50 км в деревню Саратан на мотоцикле, и я совсем не рад был в тот момент, что подписался на эту работу. Если б я только знал, во что выльется это предприятие, то обрадовался бы еще меньше.

Поднявшись на гору, я обернулся и в последний раз увидел разноцветное зочье на зелёной чулышманской воде. Они как раз прыгали через препятствие №73. Я помахал им рукой, Антонио ответно махнул мне веслом, после чего вся команда скрылась за поворотом ущелья. Тут мне стало грустно, в голову лезли всякие дурацкие мысли типа: я теперь отрезанный ломоть и всё такое. Доставал голод, и я решил срезать лишний километр поворотов ущелья, отправившись напрямик через хребет в сторону заставы. В результате этих неразумных действий попасть на заставу мне посчастливилось часа через четыре, уже в сумерках. Тут я съел ту нехитрую снедь, что оставили мне друзья, и смертельно усталый, завалился спать.

Наутро выяснилось, что начальник тайги Серёга ещё не вернулся из Язулы. Предчувствуя, что ничего доброго для меня сие обстоятельство не сулит, я пытался выведать у пьяного Эркемена, за каким рожном Серёга поплёрся в деревню, но на мои вопросы, подозрительно глядя на меня красными воспалёнными глазами, сын гор вопрошал непослушным языком, распухшим от тройного одколона:

– А ты вообще кто такой?

Адекватными людьми на заставе оказались двое непьющих: отец Серёги дядя Женя да жена Эркемена Айзулу, которая хоть и плохо говорила по-русски, но, похоже, неплохо понимала, потому как на все вопросы послушно кивала головой. Дядя Женя о цели визита Серёги в Язулу не знал, но обещал сообщить сыну, что я, не дождавшись его, отправился на дорогу ждать попутную машину. Было это 21 июля. К вечеру того же дня мне удалось успешно перегнать лодку с вещами по последним порогам Язулинского ущелья до моста через Чулышман. Здесь, расположившись под гигантской жертвенной ёлкой, ветви которой были сплошь обвязаны ритуальными ленточками, я и провел оставшиеся до темноты часы, в тщетной надежде на чудо, которое так и не явилось мне.

Кажется, у меня уже вошло в привычку по утрам просыпаться с чувством голода. Часто приходилось мне слышать от разных людей о пользе голодания, о том, как свободно чувствует себя человек, освободившись от основной своей потребности — потребности в еде. Эту идею можно развивать и дальше, но аскетизм и самобичевание не являются темой данного повествования. К моему глубочайшему сожалению, я почувствовал себя гораздо лучше при мысли о том, что в овине на подстилке из соломы сейчас лежит большой и жирный баран. И о том, что пройдет совсем немного времени, прежде чем горячие и шипящие куски жареной баранины принесут моему измученному желудку долгожданную пищу.

День разгорался с новой силой. Уже высохла роса на лужайке вокруг казармы, по которой на непослушных ногах брёл Эркемен, волоча за собой на веревке упиравшееся животное, судьба которого была предreshена задолго до того, как оно появилось на свет. Наточены острые ножи, пролита кровь на зелёные травы, вьются вокруг людей голодные собаки... Первый кусок жаренной на костре печёнки с луком уже готов, и начинается пир желудков. Баранина жареная, баранина вареная, кровяная колбаса, пирожки с потрохами, пельмени и куча разных местных «деликатесов» — всё это поглощалось целые сутки, беспрестанно готовилось и снова поедалось. Командовал парадом наш алтайский друг. Когда есть мясо было уже невмоготу, он заявлял:

– Так, теперь отдохнуть надо! — и мы отправлялись к нему в комнату, где лепили пельмени и

смотрели телевизор. Да-да, именно телевизор. У Эркемена был и телик, и видик, и за день он успел показать нам все четыре части своего любимого кинофильма «Горец». Настаивать на скорейшем отъезде было бесполезно, более того, этими просьбами я непременно обидел бы хозяев. При всей своей отталкивающей наружности, необразованности и пьянстве, люди, у которых я жил, были добрыми, и обижать их было бы просто свинством. Оставалось лишь набраться терпения и ждать, пока иссякнет источник навязчивого гостеприимства и мне великодушно позволят отправиться в обратный путь.

На следующий день от барана не осталось ни рожек, ни ножек, одно воспоминание. Управились! Но пора и честь знать. Однако покинуть гостеприимную заставу удалось лишь под вечер. Серёга всё время пытался оттянуть наш отъезд, мне же, напротив, не терпелось отправиться как можно скорее. Днём ехать слишком жарко, двигатель будет перегреваться, сцепление подгорело, надо подрегулировать, коляска слишком тяжелая, надо открутить люльку, иначе на перевал не подняться. Закончилось всё тем, что мы отцепили коляску, а вместо неё привязали на раму лодку, набитую моими вещами. Я сел в лодку, и в таком виде мы отправились по дороге вдоль Язулинского ущелья.

Подъём на Язулинский перевал начинается сразу же за мостом через реку Чулышман. Это довольно затяжной подъём, изобилующий крутыми участками. Дорога вырублена в горе, но не в твердых скальных породах. Из-за этого каждую весну вместе со снегами сходит и часть дороги. На дне ущелья, вдоль которого петляет серпантин, ревет немноговодный ручей под названием Верхний Тартагай. Местами его русло просматривается сверху. С высоты в добрую сотню метров сложно оценить пригодность этого участка для прохождения каяками, но в любом случае зрелище не для слабонервных! Сам перевал находится на высоте более двух тысяч метров, и набор высоты от Чулышмана довольно значительный — около 900 метров.

Наша мотоколяска с превеликим трудом преодолела наиболее крутую часть подъема, которую мне пришлось пройти пешком, и с наступлением сумерек мы были в каком-нибудь километре от перевала, когда Сергей заметил, что заднее колесо стало сильно спускаться. Да, это был прокол, и еще-какой! Ведь ничего для устранения этой мелкой проблемы у нас не было, и она не замедлила перерасти в серьезное препятствие. Встряли мы как нельзя более «удачно»: воды в округе нет, с лесом, а стало быть, и с дровами весьма напугано. Вокруг, куда ни глянь, голые холмы, кое-где слегка припорошенные снежком — высокогорная тундра, в которой в изобилии присутствуют только кровососущие сипаи. Последние весьма обрадовались нашей остановке.

В такой вот обстановке мы провели полночи в тщетных попытках при помощи подручных средств снизить потери давления из злосчастного баллона. В неверном свете едва горящего мха мы разборова-

вали колесо, находили на слух отверстие, пытались замазать его разогретой в огне резиной, добытой едва ли не из резинки от трусов, забортывывали обратно, накачивали и, куда держалось давление, двигались вперед. Таким макаром нам удалось далеко за полночь добраться лишь до вершины перевала, где нас, наконец, одолела усталость, и, приняв справедливое решение о мудрости утра, мы свалились спать, если, конечно, можно назвать сном этот комариный кошмар!

Прожив в тайге без малого 13 лет, Серёга стал человеком до крайности суеверным и пророчил нам всяческие неприятности на день грядущий. Дело в том, что с самой заставы за нами увязались хозяйские собаки, Трезор и Дина. Взобрались с нами на перевал и, судя по их поведению, уходить домой не собирались. Так вот, Серёга заявил: «Собаки чувят, что мы далеко не уедем, у нас плохая карма, скверная аура, и вообще мы старые грешники, прогневали всех алтайских богов». Короче, из его слов выходило, что, как ни крути, нам полный звиздец! Лично я с этим никак согласиться не мог. Единственное, что можно было сделать, это прогнать собак. Как ни было жаль, пришлось гонять их камнями и палками. Упрямые зверюги делали вид, что уходят, но через некоторое время вновь появлялись, что в свою очередь лишь укрепляло моего суеверного напарника в его невеселых мыслях.

Медленно, но верно мы продвигались вперед к деревне Саратан, а собаки, высунув длиннющие языки, неотвязно следовали за нами. Иногда нам удавалось развить приличную скорость, и тогда псы отставали и исчезали из виду, но лишь затем, чтобы вновь появиться при нашей следующей вынужденной остановке.

Таким образом, мы продвинулись уже на 60 км и наконец-то двигались уже вдоль реки Башкаус. Природа вокруг постепенно сменила голые пространства тундры на смешанные леса. Здесь, на берегу дикой реки, нас постигла новая неудача — лопнул шланг насоса. Однако подобные мелочи уже не могли остановить этот сумасшедший драйв. Залечив шланг нехитрым путем его обрезания, мы продолжили движение, постоянно подкачивая колесо.

Не доехав пару километров до Саратана, от беспрестанной работы накрылся сам насос. Пришлось мне бежать в деревню, добывать (весьма злодейским способом) насос у местных жителей. Покрытые толстым слоем дорожной пыли, мы продолжили двигаться к Улагану, невзирая ни на какие трудности, медленно оставляя за спиной вёрсты нелёгкого пути.

Отъехав пару км от Саратана, я совершенно случайно заметил внизу у реки крышу стоящего там автобуса. Не веря своим глазам, я протер очки от пыли и снова взглянул в ту сторону. Да! Спутать эту красно-белую расцветку с другой машиной было невозможно. На всём Горном Алтае есть только один «Таджик» такого цвета. Это был автобус той самой турфирмы, что заказала меня проводником на Башкаус.

Даже увидев своих друзей-рафтеров, я всё не мог поверить в реальность происходящего. Быть может, читатель подумает, что это сантименты и пустое кокетство, но от радости видеть эти знакомые лица на мои глаза едва не наполнили слезы. А через час, смыв с себя дорожную пыль в зеленой реке, я уже отчалил от берега на лодочке с мыслью о том, что скоро увижу «зоопарк» и мы будем долго рассказывать друг другу о превратностях судьбы и наших приключениях.

В объективе – Урал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

40

СТАРОУТКИНСК

«Уральские Известия» № 7, 2008

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

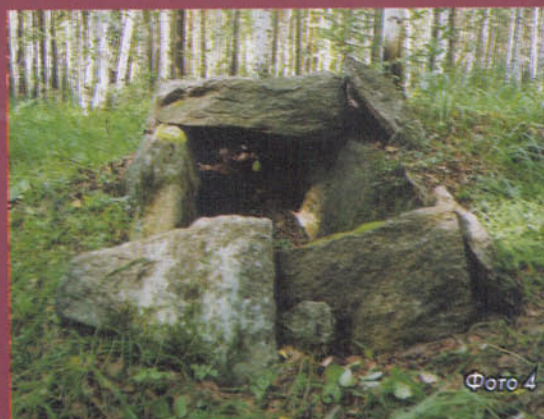

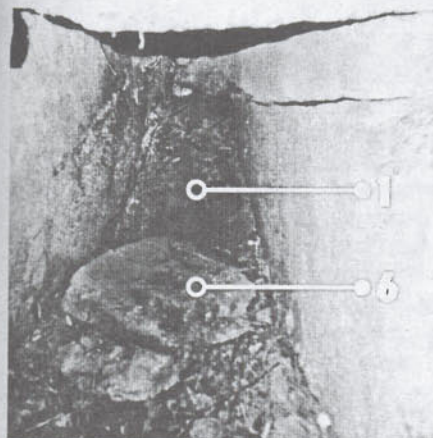
ЕЩЕ ОБ УРАЛЬСКИХ ДОЛЬМЕНАХ*

(Реконструкция культа)

В древней Аттике человеческое племя — фила — состояла из трех фратрий, делившихся, в свою очередь, на отдельные роды. Фратрия, как подразделение филы, включала в себя несколько родов, происшедших от одного первоначального рода. При первобытно-общинном строе фратрия была распространена у древних народов и в античном мире, главным образом в Афинах.

Древний человек Среднего Урала был организован так же, как и другие народы мира — был религиозен. В потаенных местах из гранитных плит, небольших блоков и камней строил алтари, жертвенники и возводил родовые поминальные святилища, в которых и рядом с которыми люди чтили прародителей рода и в определенные дни года поминали усопших.

В неведомое время древний народ покинул обжитые места, оставив потомкам каменное рукотворное наследие, ставшее в настоящее время национальным достоянием. Часть этого наследия представлена каменными сооружениями, условно названными дольменами, функциональное назначение которых в приемлемых и доказательных вариантах пока не установлено. Так, краевед В.Г. Непомнящий видит в дольменах бытовые каменные очаги, устанавливавшиеся в деревянных домах скотоводов для обогрева (при удалении «дольменов-очагов» от водоемов на 300–800 метров!). Удивляет его утверждение о тщательной обработке строительных плит, которая в действительности отсутствует на всех обнаруженных дольменах.

Археологи В.М. Морозов (УрГУ), В.Н. Святов, С.Е. Чаиркин (НПЦ) предложили три версии назначения дольменов: хранение продуктов или приготовление пищи лесозаготовителями, охотниками; для обжига посуды и как охотничьи ловушки; ритуальное (погребально-поминальное).

А вот какова моя версия.

В процессе полевых и камеральных исследований я обратил внимание на четыре дольмена, в камерах которых были помещены по два плоских камня небольшой величины, уложены друг на друга, причем во всех четырех дольменах нижний камень был меньше верхнего, фото 1, 3. На фото 4 показан дольмен, парные камни которого закрыты плитами-оберегами, но они и в этом дольмене есть (доверьтесь человеческой и научной добросовестности автора).

Два дольмена (1, 2) из четырех имеют идентичные конструкции, поэтому описан будет один из них.

* См. Бодрых А. Дольмены на Камышенке. «Уральский следопыт», №2, 2004.

Дольмен (фото 1), содержащий треугольную крышу (5), опирающуюся на две гранитные плиты (2, 3) установленные вертикально на ребра с разворотом плоскостей приблизительно на 30°; гранитный брус (1) с наклонной под углом около 45° плоскостью, зажатый между плитами (2, 3) в зауженной части камеры; камень-притвор (4) и два некрупных плоских камня (6), уложенных друг на друга в передней части камеры, являет собой родовое поминальное святилище. Главную смысловую нагрузку, определяющую функциональное назначение дольмена, несут камни-символы (6). Оба камня являются вместилищами душ предков — основателей рода. Нижний, меньший камень вмещает, предположительно, душу прародительницы, верхний, больший — прародителя. В истории человеческой мысли был период, когда весь мир представлялся одушевленным.

Треугольная плита, как символ женской сущности, женского начала, вместе с другими конструктивными элементами являет собой основной атрибут фаллического культа — вагину или, быть может, утробу.

Поминальный обряд включал в себя очищение камеры от духов мрака огнем, а также жертвоприношение прародителям рода, во время которого куски мяса, печени и жира бросали в огонь. В то же время древний человек стремился задобрить молитвами и заклинаниями добрых духов и заручиться их поддержкой в сохранении и приумножении рода. Отправление фаллического культа завершалось поминальным обрядом (предположительно, только в дольменах 1, 2).

Как показали исследователи, внутрикамерные поверхности плит дольмена (фото 2) имеют высокотемпературные прокалы. Отсутствие прокалов камней-символов (6) указывает на то, что они на период очищения камеры огнем, временно удалялись — их мыли, умащали жиром и к ним с добрым словом обращались потомки.

Фото В.Непомнящего, Г.Фефеловой, А.Слепухина, А.Бодрых.

Фото 3

Эдуард СОКОЛОВ

События, описываемые в этой легенде, относятся к зиме 1478 года, когда в результате третьего похода московских войск на новгородские земли Господин Великий Новгород был покорён и подчинён великому князю всея Руси Ивану III. Иван Васильевич повелел вывезти в Москву всю атрибутику демократии и вольности Новгорода, в том числе и вечевой колокол. Весил он более десятка тонн. По преданию, его не довезли...

За древнее русское вече!
За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет.

А.К.Толстой, 1867 г.

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Великого князя
указом грозным
Пленённый колокол
везли обозом.
Везли из града,
что вечно Новый.
Везли под стражей,
в вервье пеньковом.
Шли кони шагом,
попарно, цугом...
То снежным полем,
то снежным лугом.

Сияя статью
в лучах закатных,
Плыл в окруженьи
команды ратной.
Отлит руками,
рабства не знавших.
С времён варяжских
люди созывавший:

На пост. На праздник.
В набат – на битву.
На торг. На вече.
И – на молитву.

Новгородская звонница
Вверху: взгляд на Святую Софию сквозь
проем звонницы, в которой висел когда-то
вечевой колокол

 А по подолу
 из букв и титлов
 Узором выткан
 был текст молитвы.
 И та молитва
 в ухабах билась...
 В массивном теле
 душа томилась.
 Душа томилась!
 Рвалась на волю.
 С саней – на небо!..
 Да в чисто поле.

 И мысль родилась
 во чистом поле:
 «Милей неволи –
 лишь смерть на воле!»
 Скрипят полозья
 дорогой длинной
 Повдоль оврага,
 что за овином.
 Устали кони,
 умолкла стража.
 Москва далече.
 Путь долог, тяжел.

 Свободы русской
 пленённый символ
 Ждал, затаившись,
 минуты дивной.
 Поймав мгновенье
 лихой удачи –
 Скользнул по сему
 и с горки скачет!
 По косогору –
 летел, катился!..
 На дно оврага –
 и там... разбился.

 На косогоре,
 прервав погоню,
 Кричали слуги,
 хрипели кони.
 Боярин с саблей –
 бранит, ярится!
 И за оплошность
 казнён возница.
 На дне оврага
 в сугробах синих
 Лежат осколки
 былой России...

 Душа летела
 к святой Софии,
 На древний Волхов,
 на край России,
 Где колоколья
 стоит вдовою,

Да где по мёртвым
 страдальцы воют!
 Несправедливо
 их кровь пролили.
 Все за Софию
 жизнь положили.

 В проёмах звонниц
 – пустых и мрачных –
 Вдруг звон раздался,
 как в день вчерашний!
 Пронзая звуком
 тугие дали...
 Сто вёрст в округе
 тот голос знали!
 Прощальным звоном,
 в день погребенья,
 Свободы призрак
 гремел над всеми...

 Весной в овраге
 кузнец Вакула
 Нашёл обломок...
 и долго думал.
 Смотрел на бронзу –
 глядел, дивился...
 Пал на колени
 и помолился.
 И что-то в кузне,
 закрывши ставень,
 Лепил... и в тигле
 кусок расплавил.

 Отлил из бронзы
 той – колокольчик,
 Иконку-складень
 да медальончик.
 И под дугою,
 коль путь далече,
 Висит потомок
 былого вече.
 Звенит – пугая
 волков. А в стужу
 Иконка-складень
 согреет душу.

 Когда в дороге
 лихой порою
 Метель с санями
 коня накроет...
 Спасут – молитва
 да конь горячий,
 Да сила духа,
 да знак удачи:
 Софии символ –
 сидят на конях
 Борис и Глеб –
 на медальоне.

«Соломинка» для Масловой

Уже несколько лет продолжается в нашей области библиотечный марафон под девизом «Подари селу прочитанную книгу». Его инициаторы — журнал «Уральский следопыт», Содружество павленковских библиотек и областной филиал Управления федеральной почтовой службы, поддержанные городскими библиотеками и издательствами — пополнили книгами-дарениями екатеринбуржцев семь сельских очагов книжной культуры. Очередной 400-километровый маршрут марафона пролег в деревню Маслово Серовского района.

На нынешней карте Свердловской области 34 так называемых павленковских библиотеки. И все они, как правило, — самая непотопляемая историко-культурная «соломинка», за которую держится село или деревня.

Держится и Маслова, что почти три века стоит на берегу северной реки Сосьвы. Сто лет исполнится в будущем году ее первой бесплатной народной библиотеке, открытой по щедрому завещанию столичного издателя Флорентия Павленкова. Масловская сельская — одна из двух тысяч культурных свечек, зажженных им в российской провинции.

«Бесплатная», «народная» — эти понятия ныне не в чести. Все потихоньку покупается за деньги и все становится чим-то частным владением. Вот едем в Газели УФПС мимо заливных сосвинских лугов и пашен. Все они поделены и разлинованы частоклом на личные земельные участки. И что? Крестьяне получили землю? Но почему все поля и нивы зарастают диким сорняком и кустарником? В иных неудобьях даже косить перестали. В Масловой осталось чуть больше двухсот жителей, и они с надеждой смотрят на двух-трех фермеров, собравших в стадо два десятка коров и пытающихся наладить производство, сбор у селян и сбыт в районном центре молока и сметаны. Есть, правда, здесь школа (та самая, где открылась первая павленковская народная библиотека), в которой учатся 28 детишек, есть медпункт, магазин, почта...

Здесьней павленковской читальне довелось пережить уйму напастей. Из школы еще в году 1911-м ее перевели в крестьянский дом, чтобы она не стала сугубо школьной, которой тогда было разрешено читать только учебные пособия. В этом доме, что и ныне стоит в самом центре деревни, в земское и советское время было библиотеке уютно и просторно, но с приходом рынка оскудевшая деревня ее содержать не смогла и присоседила к клубу. А тот в одно летнее утро вспыхнул от ребячьей шалости и сгорел — книги едва удалось спасти.

И вот теперь павленковская уютится в маленькой комнатке помещения, временно приспособленного под клуб. От стеллажей, где стоят едва ли не полстолетия не обновляемые семь с половиной тысяч «мохнатых» от времени книжек, негде повернуться. Но каким уютом, каким гостеприимством веет от этого книжного застолья! Другого такого местечка в деревне не найти. Ветеран-библиотекарь Людмила Анатольевна Якимова ухитряется придумывать и обновлять добрый десяток мини-выставок, приглашающих к чтению: «Я познаю мир», «Читаем, учимся, играем», «Родная земля — любовь на все времена», «Встреча с профессией: для вас, выпускники», «Хорошая рассада — высокий урожай», «Читаем всей семьей», «Удивительное в природе»,

«Литературные юбилеи года»... А на еще одном, не засеянном выставками поле стены размещены рисунки тех самых 28 школьников-читателей! И над всем этим книжным разноцветьем почти реет стенд, посвященный издателю-меценату Флорентию Павленкову, крестному отцу этого живого и притягательного деревенского оазиса. И как, думаю, он, Павленков, умудряется парить, не занимая стены?! Впрочем, стенды и фотовыставки уже выходят за пределы комнатки и оккупируют стены собственно клуба, напоминая читателям о недавнем Дне деревни, проведенном библиотекой совместно с клубом и школой, рассказывая о деревенских ветеранах, об истории Масловой, которая основана на реке Сосьве в начале XVIII века верхотурскими стрельцами и посадскими людьми.

В числе читателей Масловской павленковской есть и жители близлежащих деревень Матушкиной и Копыловой. Те уже и вовсе никому на свете не нужны, а доживают свой век как Бог на душу положит. Но в библиотеку то на лошадке кто приедет, то на долбленке приплывет, чтобы сдать прочитанные книги и взять другие.

Библиотека сегодня в сельской России — даже больше, чем библиотека (учреждение, собирающее и хранящее книги для общественного пользования — см. Словарь русского языка С.И.Ожегова). Она — явление духовно-нравственное, средоточие человечности, мудрости и всепрощения, тот самый храм, которого деревне по статусу не положено, но который неизбежно создается стихийной народной нравственностью и верой в жизнь, как самозащита от напастей, коими избобилова минувшая вековая история российской провинции.

Город, его народная стихия столь же активно отозвалась на книжную потребность села. Книги из личных собраний щедро и безвозмездно дарятся библиотекам. Вот и в Маслово Газель УФПС ехала наполненная книгами. Несколько сотен отдала из своих собраний жители микрорайона «Химмаш», благодаря посредничеству городской библиотеки им. Радищева; пожертвовал богатой подборкой приключенческой литературы екатеринбуржец Алексей Суденцов, поделились книгами читатели и авторы «Уральского следопыта» Владимир Трусов, Алексей Кузьминых, Эдуард Молчанов и другие. Как всегда, порадовали библиотеку своими новинками екатеринбургские издательства «Сократ», Банк культурной информации, «ПАКРУС»; детской и другой периодикой одарили сельскую читальню екатеринбургские почтовики; уделила толику от своих книжных богатств областная Белинка... «Уральский следопыт» поделился номерами журнала за последние годы, а также несколькими сотнями детских книжек, изданных по программе «Павленковская библиотека». Людмила Анатольевна нарадоваться не могла такому пополнению.

Увы, сельская библиотека перестала быть рекой, в которую нельзя войти дважды. Мало осталось родников, питающих эту реку. И один из них — акция Содружества и журнала «Подари селу прочитанную книгу». «Уральский следопыт» продолжает сбор книг для сельских павленковских библиотек. Наш следующий маршрут — в рабочий поселок Большая Именная Нижнетуринского городского округа. Звоните по телефону (343) 257-45-01.

Формула времени

Глава 1

Екатеринбург, 2056 г.

— Еще 50 лет назад люди считали, что машина времени — это красивая выдумка писателей-фантастов, — начала урок физики в 10-м классе Татьяна Николаевна Цветкова. — В 2025 году нашему земляку Дмитрию Чудову выпала честь доказать всему миру, что это не так. Значимость его открытия для науки трудно переоценить. Машина времени помогает расследовать и предотвращать преступления. Благодаря ей мы сегодня знаем самую точную историю человечества. К сегодняшнему уроку вы должны были изучить принцип действия машины времени. Кто хочет ответить? Неужели только трое? Ну хорошо, давай ты, Диана.

Диана Леонова — симпатичная светловолосая девушка, которая, вопреки анекдотам о глупости блондинок, была первой ученицей школы, — встала за кафедру. Затем она включила доску — плоский сенсорный экран размером 4x2 метра, взяла световое перо и начала чертить схему машины времени на мониторе, встроенном в кафедру.

— Как доказал Дмитрий Чудов, — Диана нажала кнопку, и на доске высветился портрет изобретателя, — время представляет из себя продольные электромагнитные волны. Частота этих волн постоянно меняется, никогда не повторяясь. Следовательно, каждый момент времени имеет свою частоту; свой уникальный код, так сказать. Если его записать, а потом воспроизвести через специальный усилитель магнитного поля, то образуется временной резонанс, и откроется портал в тот момент времени, частота которого воспроизводится.

Учительница одобрительно кивнула. И тут же, хитро прищурившись, спросила:

— А как узнать частоту нужного момента? Ведь измерения проводятся лишь последние 30 лет.

Класс замер в ожидании. Интересно было посмотреть, «отобьёт» ли девушка «подачу» физички. Диана парировала не задумываясь:

— Благодаря формуле времени. — И пояснила: — Чудов вывел формулу, которая описывает изменения частоты времени. Время, как доказал он, меняет свою частоту согласно определённой закономерности. И, зная частоту и координаты двух

любых моментов времени, можно рассчитать частоту требуемого момента в прошлом или в будущем. Обычно за точку отсчёта принимают 2025 год, — добавила она.

Класс загудел. «Не удалось поддеть Леонову!» — довольно заметил Федька Некрасов. Но физичка не сдавалась:

— А что это за формула? Напишите-ка её, — попросила она.

— Вы же прекрасно знаете, Татьяна Николаевна, что эта формула держится в строжайшем секрете! — улыбнулась Диана. — Благодаря этому путешествия во времени можно контролировать, не давая кому попало изменять историю.

— Да я-то знаю, просто хотела проверить, знаешь ли ты. Молодец, хорошо подготовилась! Плюсики заработала честно. Итого у тебя по физике в этой четверти 107 баллов. Первое место в параллели! У тебя есть все шансы стать лучшей ученицей и выиграть Таинственный Приз.

Диана зарделась. Похвала была ей приятна, но еще приятнее было бы выиграть этот Приз. Конкурс на лучшего ученика проводил Уральский филиал Академии наук, а инициатором выступал член городского Совета Юрий Сосновцев. Про Приз было известно только то, что он как-то связан с наукой. То ли участие в некоем эксперименте, то ли посещение исследовательского центра. Всех старшеклассников Екатеринбурга интересовал этот уникальный, невероятный Приз. Диана, будучи лучшей ученицей своей школы, вполне могла рассчитывать на победу. Всего, как обещалось, Приз получают 20 лучших учеников города.

Мечтаниям о Призе Диана предавалась всю оставшуюся часть урока. За окном стоял май, и класс наполняло благоухание цветущих яблонь. На улице весело чирикали воробьи, и думать об учёбе совершенно не хотелось.

«Все же, как раньше люди учились? — думала Диана. — Им ставили оценки, за плохие оценки родители их наказывали... Глупости, да и только! Как же всё-таки хорошо сейчас учиться!»

Уже несколько десятков лет в школах не ставили

Александр Артемову 22 года, он выпускник Уральской академии государственной службы, ведущий специалист территориального управления Федерального агентства по управлению федеральным имуществом (Росимущество) по Свердловской области. В «Уральском следопыте» публикуется впервые

оценок ученикам. Обязательной программы с 6-го класса не было. Ученики сами выбирали предметы, которые хотели изучать, а количество плюсииков по каждому предмету помогало определить, в какой области школьник делает наибольшие успехи, и помочь ему развить свои способности.

— Молодец, здорово всё рассказала! — заметила на перемене подруга Дианы Маша Назарова. — Вот бы здорово было съездить на машине времени в будущее и посмотреть, как там... — мечтательно протянула она.

— Не знаю, — задумчиво ответила Диана, глядя в окно, — мне бы больше хотелось увидеть прошлое. Начало века, например, когда люди еще сами работали. Сейчас, конечно, хорошо, но уж больно скучно, тебе не кажется?

— Ну ты скажешь тоже! — удивилась Маша. — Зачем самому работать, если всё за тебя сделают роботы? А ты знай себе гуляй, развлекайся!

— Так недолго и с ума сойти, не находишь?

— Да ну тебя, Леонова, не знаешь, к чему придраться! Пойдём уже, сейчас урок начнётся.

Диане нравилось обществознание. Наверное, правду говорят, что предмет нравится, когда нравится учитель и то, как он преподаёт. Обществознание вёл Александр Сергеевич, интеллигентный мужчина с аккуратными бакенбардами, который, разумеется, носил кличку «Пушкин».

— Итак, господа, — Пушкин всех учеников называл «господа», — сегодня мы с вами поговорим о коммунизме. Кто-нибудь из вас знает, что это такое?

Класс выжидающе смотрел на Александра Сергеевича. Слово, которое тот произнёс, десятиклассники слышали впервые.

— Странно, господа, — ухмыльнулся Пушкин, — вам ли не знать, что это! Коммунизмом в прошлом называли такой общественный строй, при котором люди будут жить, ни в чём не нуждаясь, а каждый человек сможет бесплатно получать всё, что захочет...

— А как это — бесплатно? — перебил учителя Федька Некрасов. Он фактически озвучил вопрос, возникший у всех ребят.

— Очень просто: приходите в магазин и берёте всё, что хотите.

— А в чём прикол-то? — не унимался Федька. — Я и сейчас пойду в магазин и возьму всё, что захочу!

— Э-э, господин Некрасов! Когда появилось учение о коммунизме, Вы бы не смогли так просто взять товар. Вам надо было отдать за него некоторое количество так называемых «денег». Выглядели они как красивые бумажки с цифрами. Каждый товар равнялся своему количеству денег.

— Зачем это? — не поняла Маша Назарова.

— А затем, госпожа Назарова, что товаров на всех не хватало. Если бы не искусственное ограничение спроса в виде «денег», то очень скоро все товары бы закончились.

— Но почему нельзя сделать ещё?

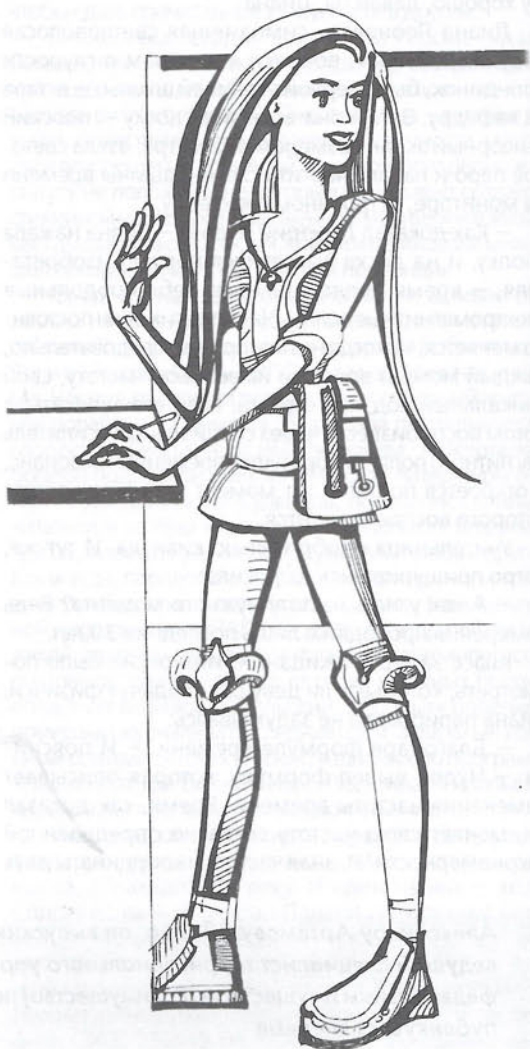
— Потому что на всех этапах производства работали люди, которые в обмен на свой труд тоже получали «деньги». Например, сделал человек 10 стульев и получил за это 100 денежных единиц, они назывались рубли, пошёл в магазин и обменял свои 100 рублей на другие товары — на еду, одежду. И так во всё.

— Почему же они не могли работать без всяких «денег»? — задала вопрос Диана. — Работали бы без денег, зато и товары тоже брали без денег!

— Вы мыслите в правильном направлении, госпожа Леонова. Именно так и предлагали создатели теории коммунизма — Карл Маркс и Фридрих Энгельс, немецкие философы. — Пушкин вывел на доску портреты двух бородатых мужчин в смешной одежде.

— А-а-а! Так вот почему наша улица называется именем Карла Маркса! — воскликнул Федька.

— Именно поэтому, — кивнул учитель. — Но вернёмся к Вашему вопросу, госпожа Леонова. Вы спрашиваете, почему нельзя было бесплатно работать и бесплатно же брать товар. А потому что

каждый человек думал: «Чего это я буду работать, а сосед мой — отдыхать, хотя товаров в магазине мы с ним поровну берём? Почему я должен работать не только за себя, а ещё и за него?!» Поскольку работать хотели далеко не все, многие надеялись жить плодами чужого труда, то коммунизма не получилось. Вы по истории проходили революцию 1917 года. Она проводилась именно под лозунгом построения коммунизма.

— Всё же как-то люди жили! Может быть, было не так уж плохо? — спросила Диана. — Зачем им понадобился этот коммунизм?

— Дело в том, что в обществе того времени люди были неравны. Те, у кого денег было много, имели больше вещей, чем те, у кого денег было мало. А много денег было лишь у небольшого числа людей. Остальная часть — до 80% всего человечества — тоже хотела пользоваться всеми благами цивилизации. Они тоже хотели жить хорошо, вот и пытались устроить такой строй, при котором это возможно.

— Но, Александр Сергеевич, ведь сейчас все могут свободно брать любой товар, нет никаких «денег», все равны. Получается, у нас сейчас «коммунизм»?

— Вы правы, госпожа Леонова! Через 180 лет после создания теории коммунизма мечта об обществе, где все живут в достатке, наконец-то осуществилась. В 2030 году деньги были отменены. Но произошло это не вследствие социальных потрясений и революций, а в результате закономерного развития технического прогресса — эволюционным путём. Начиная с 2007 года, людей на всех стадиях производства постепенно заменили роботы, которые стали делать товары без всяких денег. Роботы трудятся днём и ночью, им не требуются еда и сон, они сами себя чинят. И вскоре после их появления товаров стало хватать на всех, деньги оказались не нужны. И люди перестали работать. Но не все! — улыбнулся он. — Роботы не могут выполнять творческую работу, в том числе и работу учителя. Хорошо, что люди сейчас работают там, где им нравится, а ведь раньше им приходилось искать любую работу. Лишь бы раздобыть денег и не умереть с голоду.

— Какой ужас! — поёжилась Маша. — Нет, что ни говори, а сейчас лучше!

— Но ведь скучно так, без работы! Не все же могут быть учителями или поварами! Лучше быть хоть чем-то занятым, чем болтаться без дела! — стояла на своём Диана.

— К сожалению, даже у идеального общества есть недостатки. — Пушкин погрустнел. — После наступления коммунизма резко увеличилось число самоубийств (от потери смысла жизни) и убийств (от скуки многие люди обзлюлись). Не каждому дано найти занятие по душе, и никакой общественный строй здесь не поможет. Только сам человек может стать счастливым, никто за него этого не сделает.

Ещё одним из «побочных эффектов» коммунизма стал быстрый рост населения. Люди стали свободны, у них активизировалась личная жизнь,

и как следствие стало рождаться больше детей. Если в 2005 году на Земле было 6,5 миллиардов человек, то сейчас — 16 миллиардов! Население нашего города за последние 50 лет увеличилось на 2 миллиона человек.

Сами понимаете, ресурсы Земли не безграничны, поэтому роботы ведут разработку полезных ископаемых на других планетах. Возможно, лет через десять придётся законодательно ограничивать рождаемость либо перевозить часть людей на Марс, который вобще подготавливают к колонизации. Будем надеяться, проблему удастся решить.

В классе стоял шум. Ученики спешили обменяться впечатлениями от услышанного. Как это — люди работают не там, где хотят, а там, где придётся; за всё в магазине нужно давать какие-то «деньги»? Ребятам было странно и непривычно представить себе мир прошлого.

Прозвенел звонок, и все начали собираться, но тут в класс вошла директор школы.

— Ребята, — начала она, — у меня есть хорошая новость! Ученица вашего класса Диана Леонова стала победительницей конкурса «Лучший ученик города». Поздравляю!

Диана опешила от неожиданности. Ей не послышалось? Она победила? И получит тот самый Таинственный Приз?

— Диана набрала в этой четверти 1057 баллов по всем предметам и стала восьмой в двадцатке лучших учеников Екатеринбурга. Послезавтра в 12-00 состоится церемония награждения в кинотеатре «Космос». Там победители узнают, что за Таинственный Приз их ждёт. Удачи, Диана, ещё раз поздравляю! — и директриса вышла из кабинета.

На Диану со всех сторон обрушились бурные поздравления.

— Только не зазнайтесь, госпожа Леонова! — пошутил Александр Сергеевич.

— Ну что Вы... — покраснела Диана, растерянно улыбаясь. — Нет, ну надо же! Выиграла!..

Школа Дианы находилась напротив Дома посольств, на улице Карла Маркса. Жила она на другой стороне реки, на улице Радищева. Её дом считался памятником архитектуры начала XXI века и даже имел своё название — «Аквармарин». Вообще, многие здания на этой улице были памятниками. Взять хотя бы «Тихвин», на который выходили окна её комнаты.

Из школы домой Диана обычно ходила пешком. У неё, как и у всех, была своя машина, но расстояние было небольшим, да и в такую погоду сам Бог велел прогуляться. Ей очень нравилось гулять в парке Горького на берегу Исети. Она почти каждый день заходила туда после школы. Старые липы давали приятную тень, а в майские дни по парку разливалось благоухание цветущей черёмухи. В этом парке был установлен памятник Дмитрию Чудову — изобретателю машины времени. На фоне большого циферблата была изображена бронзовая фигура учёного. Надпись на постаменте гласила: «Герою

нашего времени». Не так давно Диана узнала, что жил этот известный всему миру физик прямо возле парка, в пятиэтажном доме с красной крышей. Сейчас на стене дома висит мемориальная доска, сообщающая об этом.

Диана присела на скамейку возле памятника и задумчиво подняла голову. В небе торопливо сновали автомобили, робот косил траву на лужайке, стайка ребятишек играла в кибербол. На душе было легко и радостно. Она — одна из лучших учениц города! И получит Таинственный Приз. Сердце начинало биться сильнее в предвкушении чего-то волшебного.

«Что ж, — подумала Диана, — скоро я всё узнаю».

Глава 2

Екатеринбург, 10 мая 2006 г.

Дмитрий Чудов возвращался домой после занятий в Уральском техническом университете (знаменитом ранее Уральском политехническом институте — УПИ, давшем России ее первого президента). Сев в трамвай № 4 с рекламой ортопедических матрацев на борту, он решил проехать кружным путём и зайти погулять в новый парк, разбитый пару лет назад на берегу Исети, напротив дендрария. Выйдя у цирка, Дмитрий перешёл недавно отреставрированный мост на улице Куйбышева и спустился по

широкой гранитной лестнице на набережную. «Вот и ещё одна аллея появилась! — с удовольствием отметил он. — С каждым днём город становится всё красивее! А что будет лет через 50!». На набережной в позапрошлом году была проведена реконструкция: берега Исети оделись в гранит, были разбиты зелёные газоны, высажены молодые деревья и установлен камень с надписью «Аллея Культуры». Наряду с аллеей Влюблённых и новым парком, который пока не получил имени и в который направлялся Дмитрий, новая аллея быстро стала популярным местом отдыха екатеринбуржцев.

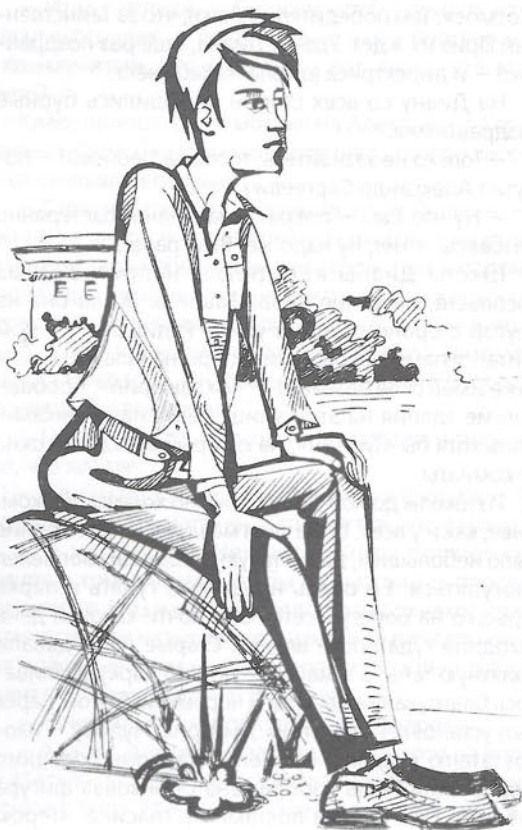
Когда юноша дошёл до пешеходного моста на улице Карла Маркса, его взору предстал зелёный ковёр травы, на котором тянулись к небу молодые берёзки, липы и рябины. Перспективу парка завершал недавно построенный пятиэтажный красавец-дом с крышей из красной черепицы. Дмитрию очень нравилось это место, и он твёрдо решил, что когда-нибудь обязательно будет жить в этом доме, а из окон его квартиры будет открываться великолепный вид на реку и новый парк, который сам Дима уже окрестил «парком Горького», так как он находился на улице, носящей имя этого писателя.

Дойдя до сада камней, молодой человек присел на «скамейку», образованную приваленными друг к другу валунами, и погрузился в глубокие размышления. Месяц назад на лекции по физике ему внезапно пришла мысль о структуре времени. Лектор рассказывал о волнах, которые бывают «продольными» и «поперечными». «Продольные волны, — говорил лектор, — представляют из себя чередование сгустков и разрежений. Взгляните на реку в спокойный день: она кажется неподвижной. Но это спокойствие обманчиво. Структура воды неравномерна: где-то плотность выше, где-то ниже, а с виду — равномерная поверхность».

В этот момент Дмитрия осенило: «На деле структура неравномерна, хотя с виду — однородна... Это же время! Судя по часам, оно течёт с одинаковой скоростью, но судя по ощущениям — когда быстрее, а когда медленнее. Вот они — сгустки и разрежения!».

Лектор между тем продолжал: «Волны по своей природе обладают определённой частотой. Если две волны одинаковой частоты накладываются друг на друга, возникает явление резонанса. Оно может нести как пользу, так и вред. Например, если направить на дом мощное излучение с той же частотой колебания, что и у стен этого дома, то от резонанса здание разрушится. Таким образом...».

Дмитрий понял для себя главное: волны имеют определённую частоту, и при появлении другой волны с такой же частотой происходит резонанс. «А если и впрямь предположить, что время — это волны, то нужно лишь определить частоту требуемого момента и воспроизвести её через мощный усилитель. Тогда произойдёт временной резонанс, и в структуре времени образуется разрыв — окно в другое время. Да ведь это же... настоящая машина времени!» — торжественно воскликнул он про себя.

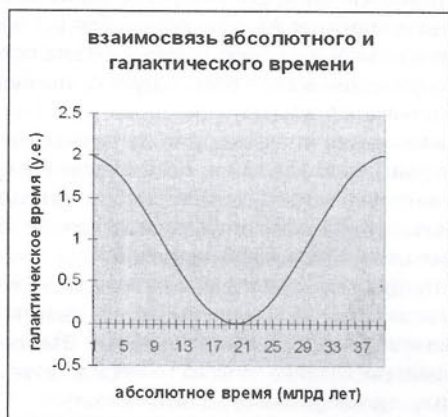
Свои мысли Дмитрий развил в курсовой работе. Его идеи заинтересовали преподавателя физики профессора Громова, и тот предложил Диме выступить с докладом на научно-практической конференции, которая должна была состояться завтра. Вот о ней-то и думал молодой человек. Он справедливо рассудил, что даже если его гипотеза окажется верной и удастся построить машину времени, то можно будет отправиться на ней лишь в тот период, когда проводились измерения частоты временных волн. А это значит — с момента создания такого измерительного прибора и до точки старта. То есть только в недавнее прошлое. Ни о каких полётах к динозаврам или в неведомое будущее при таком раскладе не могло быть и речи. Для этого надо научиться вычислять частоту любого момента. Но как?

Неподальёку остановился автомобиль, в котором по радио громко играла музыка. Песня закончилась, и пошла реклама. До Дмитрия донеслись звуки ролика, рекламирующего дезодорант: «...Формула!.. Где формула?!». И тут он, прямо как Архимед, завопил: «Эврика!». Всё сразу встало на свои места. Вот оно! Формула! Математическая закономерность, позволяющая рассчитать частоту любого момента, зная частоту и временные координаты двух любых точек времени! Голос из рекламы продолжал: «...Ты достал формулу?».

— Да! — уверенно ответил Дмитрий Чудов.

Его мысль заработала с удвоенной силой. «В некоторых книгах по теории времени, — размышлял он, — говорится, что время в разных галактиках течёт по-разному, в зависимости от параметров среды: гравитации, магнитных полей и т.д. Пока что в нашей Солнечной системе время движется вперёд. Однако есть версия, что, дойдя до определённой точки, время остановится, а потом потечёт назад. Затем через какой-то период — снова вперёд. При этом «абсолютное» вселенское время постоянно идёт вперёд. Как бы отобразить эту взаимосвязь?».

Дмитрий достал тетрадь и начертил график:

«Надо же! — подумал он, — график напоминает синусоиду. Выходит, что частота времени на том участке, где оно движется вперёд, постоянно воз-

растает. Думаю, что формулу рассчитать вполне возможно».

Теперь Дмитрия не смущали каверзные вопросы, которые ему могли задать на конференции. Он был к ним готов. В приподнятом настроении юноша отправился домой.

Глава 3

Екатеринбург, 2056 г.

В половине двенадцатого машина с Дианой и её родителями приземлилась возле киноконцертного зала «Космос». Около кинотеатра было полно народу. В воздухе носились авто-репортёры, щёлкая вспышками. Корреспонденты наводили камеры. Над входом вращались лазерные буквы: «Приветствуем лучших учеников города Екатеринбурга!».

— Добро пожаловать! — произнёс робот на входе. — Поздравляю с победой в конкурсе! Ваши кресла в первом ряду, места 17, 18, 19.

Диана не скрывала волнения. Ещё бы — столько людей, такой торжественный момент! Когда они подошли к своим местам, сиденья автоматически опустились. Как заметила девушка, весь первый ряд был отдан победителям конкурса и их родным.

В последние два дня на Диану обрушился шквал звонков от друзей и знакомых. Все поздравляли с победой и просили рассказать, какой приз ей дадут. Она уже устала вежливо улыбаться в экран телефона. Но теперь все волнения были позади, и наступала самая долгожданная минута. Раздалась звуки курантов: пробило 12-00. Свет в зале погас, и занавес раздвинулся. В луче прожектора на сцене появился мэр Екатеринбурга — пожилой Станислав Оханов, выпускник Уральского академии государственной службы, избранный жителями города на эту должность уже восьмой раз подряд.

— Я рад приветствовать в этом зале двадцать лучших учеников Екатеринбурга! — начал мэр свою речь. — Смею вас уверить, что конкурс был совершенно объективным. Мы отобрали тех учеников 9-10 классов, кто набрал в этой четверти больше всего баллов в сумме по всем предметам. И теперь можем с уверенностью назвать имена самых-самых.

Мэр зачитал список победителей в порядке возрастания: начал с двадцатого места и дошёл до первого. Как и говорила директор школы, Диана заняла восьмое место, войдя в первую десятку.

— А теперь я предоставляю слово идейному вдохновителю конкурса, Юрию Сосновцеву! — мэр пригласил на сцену своего второго заместителя.

Юрий Сосновцев был невысоким мужчиной лет сорока пяти, с небольшими усиками. Волосы его были «зализаны» набок. Это придавало ему сходство с одним диктатором прошлого века — Адольфом Гитлером, портрет которого Диана видела на диске по истории. Посмеявшись про себя такому сходству, девушка напрягла слух. Что же он сейчас скажет?

— Все вы, конечно, ждёте с нетерпением, что же за Таинственный Приз получат победители. Пришла

пора раскрыть этот секрет. Это сделает представитель Уральского филиала Академии наук — главного организатора конкурса. Профессор, доктор физических наук Борис Иванович Андреев!

Зал зааплодировал. На сцену поднялся человек, выглядевший как типичный учёный: с бородкой, седой и, по старой традиции, в очках¹. Взгляды сидящих в зале устремились на него. Профессор поправил очки и начал говорить:

— Дорогие юноши и девушки! Представляете ли вы себе, как выглядел наш город, когда ваши бабушки были в таком же возрасте, как вы сейчас? Интересно было бы взглянуть, не правда ли?

Люди в зале зашептались в недоумении. Какие бабушки, какой город? О чём это он говорит?

— Вот это и есть тот самый Таинственный Приз! — произнёс профессор. — Двадцать лучших учеников города отправятся на экскурсию в Екатеринбург 50-летней давности. В путешествие на машине времени.

По залу прокатилось мощное «У-ух ты-ы-ы!!!». Никто не мог поверить в услышанное. Простым школьникам разрешат отправиться на 50 лет в прошлое? На машине времени? Одним?

— Уважаемые коллеги! Успокойтесь! — призвал Андреев. — Мы получили специальное разрешение от Российской Академии наук. Вся поездка тщательно продумана. Это совершенно безопасно. Сейчас я расскажу обо всём подробнее.

Экскурсия организуется в 11 мая 2006 года. Именно в этот день Дмитрий Чудов представил на научно-практической конференции свой доклад о теории перемещения во времени. Эта дата стала поворотным моментом в истории науки, и потому была выбрана для путешествия.

Отдельно хочу сказать о безопасности. Ученики будут передвигаться по городу в автобусе. Выходить из него запрещено. Каждому выдадут браслет-радиомаяк для определения его местоположения на случай, если что-то пойдёт не так.

В день поездки нами был заранее отправлен андроид. Он записал на диск маршрут экскурсии, — учёный поднял кверху диск, показывая его залу. — Мы точно знаем, что в часы поездки на данном маршруте не произойдёт ни одной аварии, преступления или иного чрезвычайного происшествия. Маршрут рассчитан с точностью до секунды. Когда группа отправится в прошлое, изображение на этом диске изменится согласно законам времени, и мы сможем видеть автобус со школьниками. Таким образом, мы будем непрерывно контролировать ситуацию, и если вдруг что-то произойдёт, — а вероятность этого практически исключена, — то мы отправим в прошлое специальный отряд и не допустим, чтобы с ребятами что-то случилось.

¹ С 2014 года человечество научилось навсегда восстанавливать идеальное зрение с помощью лазерной микрохирургии. И очки с линзами стали не нужны. Однако некоторые люди, привыкшие к очкам, не захотели расстаться с этой частью своей внешности и продолжали их носить.

Даём Вам срок два дня, чтобы всё обдумать. По истечении этого срока ученик должен представить либо письменное согласие родителей на путешествие в прошлое, либо их письменный отказ. А теперь, пожалуйста, ваши вопросы!

Сразу поднялись десятки рук. Микрофон было решено пустить по рядам, согласно нумерации мест. Первый человек, к которому он подлетел, задал такой вопрос:

— Неужели внешний вид современных школьников не обратит на себя внимание в прошлом? Они же будут резко выделяться из общей массы!

— Вы глубоко правы, — заметил профессор, — поэтому всем участникам экскурсии будет выдана одежда и обувь того периода. Каждый получит фотоаппарат или видеокамеру образца 2006 года, чтобы запечатлеть свою поездку. Автобус, на котором поедут ребята, взят в автомобильном музее и также абсолютно соответствует тому времени. Так что наша группа ничем не будет отличаться от школьников начала века.

— Можно будет привезти из прошлого сувениры? — спросила одна из победительниц конкурса.

— Нет. Брать что-либо с собой из прошлого категорически запрещено, — ответил Борис Иванович. — Это может нарушить ход истории и привести к тому, что вы вообще не сможете вернуться. Либо, если всё же вернётесь, мир изменится до неузнаваемости. Так что снимать — снимайте, но руками ничего не трогать. Общение с жителями прошлого также крайне нежелательно.

Зрители разочарованно загудели. Действительно, какое путешествие без сувениров! Профессор тем временем продолжал:

— Перед отправлением все участники экскурсии пройдут специальный инструктаж. В поездке группу будет сопровождать опытный историк-краевед, специалист по началу 21 века Сергей Лазаренко. В качестве охранника и водителя выделен вооружённый андроид. Кроме того, в поездку отправится господин Сосновцев, как инициатор всего проекта. Итого в группе будет 22 человека и робот. Вся поездка будет записана на диск, который ребята получат по возвращении в своё время. Думаю, им будет о чём рассказать друзьям!

Напоминаю, у вас два дня на размышление. Через два дня в 15-00 все победители конкурса должны принести либо согласие, либо отказ родителей на поездку. Те, кого отпустят на экскурсию, будут готовиться к ней в течение недели.

— Ну, Диана, — сказала мама, — решай, нужен ли тебе такой приз? Мы не станем на тебя давить, но я считаю нужным высказать наше мнение. Эта поездка довольно рискованна, опасна и непредсказуема. И поэтому... ты непременно должна поехать!

Диана бросилась маме на шею.

— Мамочка, папочка, спасибо вам огромное! Я так мечтала побывать в другом времени! И моя мечта наконец-то сбудется! Разве я могу упустить такой шанс!

После выступления профессора Андреева мэр пригласил всех победителей на сцену, где торжественно вручил им дипломы. Диана тоже получила диплом — красивый, с золотой рамочкой, вверху было написано объёмно-голографическими буквами: «Лучшей ученице города Екатеринбург». Но разве мог какой-то диплом, пусть даже самый красивый, сравниться с тем, в чём ей предстояло участвовать!

После награждения для школьников и их родителей был устроен банкет. Завершилось всё где-то в 16 часов. По дороге домой Диана смотрела на родной город с высоты и думала, что жители той эпохи, в которую она отправится на экскурсию, не могли вот так любоваться видами с высоты птичьего полёта, ведь автомобили в начале 21-го века ещё ездили по земле. Лишь в 2014 году они поднялись в воздух. Первые аэромобили взлетали при помощи вихредвижителя, изобретённого пермяком Борисом Черняевым. Металлические «крылышки» вихредвижителей двигались не вверх-вниз, как у птиц, а по сложной траектории восьмёрки, как крылья мухи, что позволяло гораздо лучше управлять автомобилем в воздухе. Этот прибор был предназначен для перемещения вверх-вниз. А движение вперёд-назад по-прежнему обеспечивали двигатели внутреннего сгорания, к тому времени перешедшие с бензина на водород. Второе поколение аэромобилей взлетало уже за счёт антигравитации, а работали они либо на космической энергии (которую научились получать в неограниченном количестве из окружающего пространства), либо на термоядерных диффузорах, которые превращали в энергию любое вещество. Эти диффузоры служили прекрасным средством избавления от мусора, становившегося полезной энергией. Идея такого прибора была позаимствована из фантастического фильма конца 20-го века и успешно воплощена в середине века 21-го.

Водитель давно не управлял автомобилем: его вёл компьютер по спутниковой карте, точность которой была исключительной. При включении зажигания система сама определяла текущие координаты, и пассажиру надо было лишь назвать пункт назначения или указать точку на сенсорном экране. Поскольку движение в воздухе контролировать намного сложнее, чем на земле, то решением Всемирного Правительства людям было запрещено управлять автомобилями. Ведь теперь водитель должен был оглядываться не только по сторонам, но и вверх-вниз, что значительно повышало вероятность аварии. Да и отсутствие чётких границ движения и светодисков в небе также не способствовало безопасности. Поэтому была разработана компьютерная система навигации. Каждый автомобиль принимал сигналы от машин, находящихся в радиусе километра, об их положении в пространстве и траектории движения. Такая технология позволяла мгновенно просчитать вероятность столкновения и скорректи-

ровать скорость либо направление. Компьютер просто не допускал опасного сближения. В результате аварийность стала практически нулевой. А ведь ещё 50 лет назад на дорогах России ежегодно погибало 35 тысяч человек!

Обо всём этом размышляла Диана, глядя в окно автомобиля. Внизу расстилался екатеринбургский пейзаж. Возле памятника основателям города — Татищеву и Де Геннину — соревновались в мастерстве аэробордисты. На Плотинке прогуливались парочки. По глади пруда скользили небольшие яхты. Через приоткрытое окно донёлся бой курантов — пробило 4 часа пополудни. Машина Леоновых пролетела мимо башни мэрии в юго-западном направлении и вскоре приземлилась у 19-этажного дома, одной из трех башен жилого комплекса «Аквамарин».

Дома Диана решила побольше разузнать о городе 2006 года. Она зашла на сайт центральной библиотеки и вывела на экран подшивки газет за 2006 год. Было очень любопытно читать заголовки: «Началось строительство первого небоскрёба в 45 этажей», «Заложен новый дендропарк на улице Горького». Глядя на старые фотографии, Диана словно перенеслась в начало века, ощутила дух того времени. Её поразило, что почти везде упоминались «деньги», о которых говорил учитель обществознания. «По-видимому, — решила она, — эти «деньги» были основой жизни общества». Город 2006 года был невысоким, зато небо было совершенно пустым, ведь автомобили ещё ездили по земле. «В чём-то это даже хорошо, — подумала Диана, — ведь ничто не мешает смотреть на облака или любоваться закатом. Как бы мне хотелось увидеть свободное небо!».

Почитав заголовки, она набрала в строке поиска: «Дмитрий Чудов 2006». Компьютер выдал множество ссылок. Диане бросился в глаза портрет изобретателя в молодости, найденный компьютером в разделе «картинки». На фото был красивый молодой человек с выразительным взглядом. Снимок, судя по всему, был сделан во время исторического выступления Чудова на научной конференции 11 мая 2006 года. В руке юноша держал доклад, а на доске за его спиной виднелись какие-то формулы. «Может, среди них есть и секретная формула времени, — предположила девушка. — Хотя вряд ли. Ведь если бы он тогда её озвучил, то в дошедшем до нас тексте доклада она бы была. Или её просто засекретили?.. А Чудов-то симпатичный! И умный к тому же. Дурак ведь машину времени не придумает. Странно, учительница говорила, что он не был женат. Почему интересно? Характер у него был плохой, что ли?».

Но Диана решила не забивать себе голову всякими домыслами. Она сохранила фотографию изобретателя в своем компьютере и, откинувшись на спинку стула, представила себя в старомодной одежде, гуляющей по Екатеринбургу 2006 года. Этаким выездной уроком истории.

«Наверное, — подумала она, — это будет самое захватывающее приключение в моей жизни!».

Однако не только Диана готовилась к предстоящей поездке. Помимо двадцати победителей конкурса, были и другие лица, заинтересованные в путешествии, причём цель их была далеко не научная и не познавательная.

В просторном помещении в одном из зданий на окраине города разговаривали двое мужчин.

— Я помог тебе устроиться в Академию наук. Вот уже год, как ты работаешь в отделе времени. И до сих пор не добыл информацию, которую должен был узнать.

— Дядя Юра, я ведь просто научный сотрудник. Меня приглашают для консультации по истории. Физика — не моя специальность, с машиной времени я не работаю.

— Это всё отговорки, Сергей! — Юрий Сосновцев резко повернулся к племяннику. — Я просил-то сущую безделицу: узнать формулу. Неужели это так сложно? А ты и сделал всего-то, что добыл «голую» программу. Зачем, скажи на милость, мне сдалась твоя программа, без формулы? Без неё весь прибор — просто куча металлолома. Думаешь, просто было достать всё это! — Сосновцев показал рукой на сооружение, состоящее из нескольких больших усилителей, установленных на металлическом каркасе, генераторов и датчиков. Всё это было подключено к компьютеру.

Перед Сосновцевым и его племянником Сергеем Лазаренко стояла машина времени. Полтора года ушло на её сборку. Племянник помог раздобыть программу для перемещения. Не хватало лишь маленькой детали — формулы времени, которую надо было ввести для расчёта частоты пункта отправления.

— Ну как я могу её достать? — продолжал оправдываться Сергей. — Формула чрезвычайно

засекречена. Её знают лишь несколько сотрудников. Они не оставляют её в компьютере и вводят только перед броском во времени. Перед этим каждый из трёх операторов набирает свой пароль из 6 цифр, который меняется раз в два месяца. При такой степени секретности раздобыть формулу невозможно физически.

— На тебя полагаться бесполезно, это я уже понял. Потому и затеял этот балаган с конкурсом. Всё приходится делать самому, — тут Сосновцев обречённо вздохнул, — не роботу же это доверить! Хотя... — он посмотрел на племянника, — от него, пожалуй, пользы больше. Ладно, я тебя позвал не за этим. С формулой ты мне не помог, зато поможешь в другом. Мне нужно попасть на научно-практическую конференцию 2006 года.

— Как это — на конференцию? — растерялся Сергей. — Вы что, собираетесь в одиночку разгуливать по прошлому?

— Сообразительный! — процедил Сосновцев. — Да, я собираюсь смотаться на конференцию и послушать доклад Чудова. Если формула не идёт ко мне, я сам приду к формуле!

— Не вижу смысла! — Лазаренко пожал плечами. — В докладе формулы нет, я читал материалы конференции. Зайдите в Интернет, посмотрите сами. Зачем ехать в прошлое?

— Какой же ты наивный! — усмехнулся дядя. — Формула времени звучала-таки в докладе, но позже её засекретили и удалили из всех документов. Это я узнал от одного из участников конференции. Разумеется, этот болван не запомнил формулу, но это поправимо.

Сосновцев показал Сергею какую-то бумажку:

— Видишь? — Племянник кивнул. — Это пригласительный билет на конференцию. Одолжил в библиотеке. С ним я попаду в зал и запишу весь доклад Чудова, в том числе и формулу.

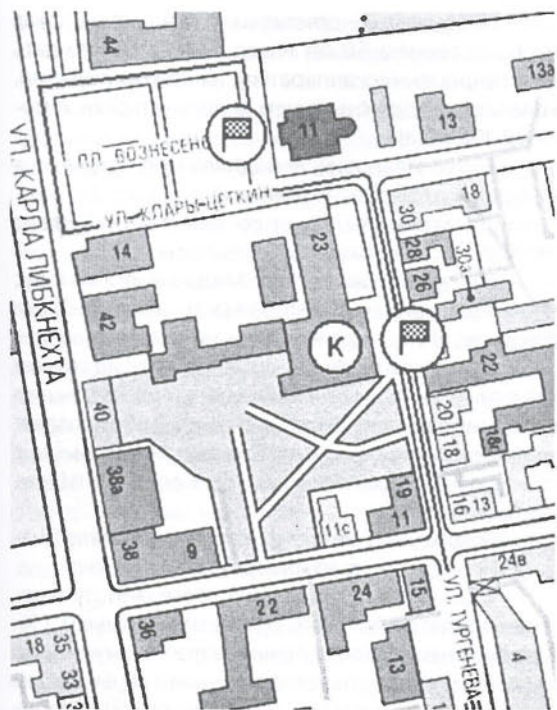
— А как Вы собираетесь улизнуть из автобуса? — спросил Лазаренко. — Ведь маршрут отнят на диск; автобус появится на нём, как только мы переместимся. Если Вы попытаетесь выйти, в нашем времени это заметят и не дадут ничего изменить в прошлом!

— А ты не так глуп, как я думал! — одобрительно кивнул Сосновцев. — Но это если я попытаюсь выйти НА МАРШРУТЕ. Мы же переместимся в другое место, где нет работа с камерой, и я смогу спокойно выйти, пока в будущем не сообразили, что к чему.

— Каким образом? Ведь надо поменять координаты так, чтобы никто ничего не заметил!

— Я предусмотрел кое-что. Мой знакомый программист поработал с программой перемещения, которую ты притащил, и смог кое-что из неё выжать.

Сосновцев полез в карман и достал наночип — микросхему размером 0,5x1 см.

— На этом чипе код-отмычка к программе, которая управляет перемещением. Чип магнитный. Тебе лишь надо «прилепить» его к машине времени перед отправкой. В какую бы точку пространства нас ни послали, чип изменит координаты так, как нужно нам.

Сосновцев взял карту маршрута, которую принёс племянник.

— Смотри, — он нарисовал на карте кружок с буквой «К», — в этом здании проходила конференция. Кружок с красным флажком отмечает начальную точку маршрута, она же конечная точка. Сам маршрут обозначен красной линией. Машина покажет, что переместила нас в начальную точку, а на самом деле мы переместимся несколько дальше по маршруту, — он нарисовал кружок с чёрным флажком. — Учёные не будут видеть нас на диске некоторое время. Тут-то я и смоюсь. А вы с группой задержитесь на минутку, чтобы не вызывать подозрений. Пусть все думают, что машина ошиблась и перебросила нас по маршруту немного дальше начальной точки. Мелкая неполадка в работе. Никто даже не подумает, что сбой был не случайным. Вечером я буду ждать вас в точке возвращения.

— Погодите, дядя Юра, а как же школьники? Они заметят, что Вас нет!

— Ой ли? — Сосновцев нажал кнопку на наручном компьютере, и в комнату вошёл... он сам, второй Юрий Сосновцев собственной персоной.

Рот Сергея растянулся в понимающей улыбке.

— Голограмма!

— В яблочко. Я сяду на последний ряд и незаметно заменю себя голограммой, пока все будут

глазеть в окно. Выйду через нижний люк. Теперь вся надежда на тебя, Серёжа! Не подкачай, это наш единственный шанс достать формулу! Если не получится, лучше сразу залезь в диффузор грузовика, или я сам тебя туда засуну!

Лазаренко вздрогнул при этих словах. Мысль о том, что он будет разложен на атомы, ему совершенно не понравилась.

— А может, не надо, — робко предложил он, — дайте Вам эту формулу! Что Вам, в нашем времени не живётся?

— Не живётся! — прошипел Сосновцев. — Меня достал этот ленивый, разжиревший от безделья мир. Да, все равны, но что даёт это равенство... Спроси кого-нибудь через 50 лет, кто такой Юрий Сосновцев, — никто даже не вспомнит. А я хочу оставить след в истории! Хочу прославиться! С помощью машины времени я смогу отправиться в прошлое и стать знаменитым. Сейчас о прошлом известно всё. Кто и какие ошибки допустил, каков был исход всех войн, какие компании обанкротились и прочее. Обладая такой информацией, можно достичь небывалых высот! Для начала мне хватит известности в России, а там посмотрим. Тебе, кстати, тоже достанется порция славы в прошлом.

— Да мне и здесь хорошо... — тихо проворчал Сергей, но дядя его не услышал.

— Ступай! — приказал он, сунув в руку племяннику наночип. — И помни: провалишь дело — пеняй на себя!

Глава 5

Екатеринбург, 2056 г.

В течение недели Диана готовилась к экскурсии. Прежде всего, она отнесла письменное согласие родителей на поездку. И каждый день после школы вместе с другими победителями конкурса, — только двух человек родители отказались отпустить, — она посещала курсы инструктажа в Академии наук. Ребятам выдали спецпропуска, позволявшие заходить в здание Академии наук, но в отдел времени их всё ещё не пускали.

С учениками занимался Борис Иванович Андреев — тот самый профессор, который объявил о призе победителям конкурса. Он очень подробно объяснял, как вести себя в прошлом, чего нельзя делать ни в коем случае. После его рассказа ни у кого не осталось сомнений в том, что запрет привозить с собой сувениры — не просто блажь организаторов экскурсии, а необходимая мера предосторожности.

— Представьте себе, — сказал профессор, — что вы привезли из прошлого в качестве сувенира коньки. А эти коньки предназначались вашему дедушке. Он пошёл бы на каток, встретил бы там девушку, влюбился бы в неё, и она бы стала его женой — вашей бабушкой. Но вы забрали эти коньки раньше, а они были последними в магазине. Дедушка не пошёл в тот день на каток, не встретил бабушку, у них не родились дети, а раз так — то и вы не появились на свет.

А если вас не было, то как вообще вы могли поехать в прошлое и устроить эту заварушку с коньками? Возникает очень опасный временной парадокс, который может разрушить саму структуру пространственно-временного континуума и уничтожить Вселенную. Этот феномен называют «парадоксом бабушки».

— Скорее, «парадоксом дедушки», — весело заметил кто-то из ребят. Все засмеялись, даже профессор. Но, тем не менее, все поняли, чем грозит вмешательство в ход времени.

Участникам экскурсии выдали одежду образца 2006 года. Каждый сам выбирал из предложенного многообразия. Любой предмет одежды можно было сразу же примерить в голографической примерочной и увидеть себя в объёмном виде в этом наряде. Диана выбрала синие джинсы и футболку с портретом какого-то артиста. Из обуви ей пришлось по вкусу босоножки на невысоком каблучке. «А что, вполне приемлемо, — подумала девушка. — Типичная школьница начала 21-го века! На бабушку в молодости похожа». Остальные победители смотрелись так же оригинально.

Все ребята получили громоздкие видеокамеры из музея, чтобы запечатлеть свою поездку. Диана обратила внимание, что все они отличались по внешнему виду, и на них были написаны разные слова: «Panasonic», «Sony», «JVC». Она спросила Бориса Ивановича, что это значит.

— Раньше видеокамеры, как и любые другие товары, делали разные заводы, — объяснил он, — поэтому они выглядели по-разному, имели разное количество функций. Одни снимали лучше, другие — хуже.

— Зачем делать камеры, которые снимают хуже, если уже есть камеры, которые снимают лучше? — спросил один юноша.

— Вы слышали про «деньги»? — задал встречный вопрос профессор.

Некоторые ребята кивнули, в том числе Диана.

— Так вот, чем лучше снимала камера, тем больше «денег» за неё нужно было отдать. Не все могли заплатить за хорошее качество съёмки, им приходилось брать камеру похуже. Разные надписи на камерах ещё вот почему: каждый завод хотел, чтобы его камеры брали больше людей, тогда он получал больше «денег». Но как люди узнают, что именно этот завод сделал данную камеру? И потому на них стали писать название завода. Человек видел, что камера, к примеру, «Sony», имеет такие-то функции, такое-то качество съёмки и стоит столько-то «денег», а вот камера «Panasonic» стоит меньше «денег», но качество съёмки у неё хуже. И он выбирал, что ему важнее: хорошее качество или низкая цена. Сейчас, к счастью, мы избавлены от такого выбора. Роботы делают только одну модель любой техники — самую лучшую, и все люди пользуются только лучшим, не думая о каких-либо «деньгах».

— Какая примитивная техника! — пошёл шепот среди школьников. — Даже не может снимать в объёме!.. Изображение плоское! М-да-а...

— Не взывайте, — ответил на это Андреев, — такая уж была техника 50 лет назад. Мы не можем дать вам современную аппаратуру из-за конспирации. Помните, вы должны ничем не отличаться от жителей 2006 года!

— Борис Иванович, — подняла руку Диана, — а нам дадут с собой эти «деньги»?

— Зачем они вам? Вы же всё равно не выйдете из автобуса, всё необходимое будет при вас.

— Ну... на всякий случай. Мало ли что! Автобус сломается, придётся брать запчасти, а ведь Вы сами говорите, что без «денег» тогда ничего не давали.

— Если такое вдруг случится, то андроид сможет всё починить. Мы возьмём в дорогу инструменты и основные запчасти. Будет и аптечка, робот владеет медицинскими знаниями. Еду вы тоже возьмёте с собой, в дегидрированном виде. В автобусе гидрируете и поедите.

— Похоже, Вы всё предусмотрели, — сказала Диана. — Но ведь всё предусмотреть невозможно!

— Скажем так, вероятность того, что путешествие пойдёт не по плану, составляет меньше 0,1%. Математически это ничтожно малая величина. Но Вы правы, абсолютно стопроцентной гарантии мы дать не можем, поэтому и предупредили заранее о возможном риске. Но, уверяю вас, мы сделали всё для того, чтобы поездка была комфортной и безопасной.

Борис Иванович показал ребятам металлический браслет.

— Каждый из вас перед поездкой наденет такой браслет. У Юрия Сосновцева, как старшего в группе, будет прибор, позволяющий определить ваше местоположение, если кто-нибудь, невероятным образом, вдруг потеряется. В таком случае главное — не впадать в панику. Вы не на войне, а в своём родном городе. Только 50 лет назад. У каждого из вас будет карта Екатеринбурга, на которой обозначен маршрут. Идите к конечной точке, вечером вас там встретят. Только ни в коем случае ничего не меняйте в прошлом. Старайтесь ни с кем не разговаривать, ничего не трогать и не брать из прошлого с собой. Впрочем, это, скорее всего, не понадобится. Всё пройдёт отлично, и у вас останутся незабываемые воспоминания на всю жизнь.

Диана робко заинтересовалась:

— Скажите, мы ведь будем проезжать мимо здания, где проходила та самая научная конференция. Мы и едем как раз в день её проведения. Может быть, нам разрешат послушать доклад Дмитрия Чудова? Очень хочется посмотреть на изобретателя машины времени «вживую». Мы просто посидим, ничего не будем трогать, ни с кем не будем разговаривать...

Ребята поддержали идею одобрительным гулом.

Профессор опустил глаза. Ведь он знал истинную причину, по которой просьбу Дианы нельзя было выполнить. Именно он был одним из участников группы по разработке проекта машины времени,

учеником самого Дмитрия Чудова. И одним из многих, кто знал правду: в докладе Чудова звучала формула времени, хотя и в несколько ином виде, чем сейчас. Но ради всеобщей безопасности её удалили из всех источников, будто в докладе её никогда и не было. Так что если бы ребята попали на конференцию, они бы узнали формулу, и тогда информация о ней могла попасть в дурные руки. Вслух же он сказал совсем другое:

— Таково условие Главного совета Академии наук. Если оно не будет выполняться, наш филиал лишат права пользоваться машиной времени и передадут её другому городу. Это в лучшем случае. А в худшем... Если вы выйдете из автобуса, вероятность непредвиденных происшествий резко возрастает, а это, как вы уже знаете, может катастрофическим образом повлиять на будущее. Так что вынужден огорчить вас: Дмитрия Чудова «вживую» вы не увидите. Увы...

По комнате прокатился вздох огорчения. «Что поделаешь, правила есть правила, — подумала Диана. — Придётся с ними мириться».

— А расскажите подробнее, куда именно мы отправимся, — попросила девушка со второго ряда.

Борис Иванович нажал кнопку, и в воздухе нарисовалась голографическая трёхмерная карта города. Учёный начал объяснять, водя лазерной указкой по улицам мини-макета:

— Вы отправитесь в утро 11 мая 2006 года, 9-00. Начальная точка расположена у Вознесенской церкви. По утрам и по вечерам там практически нет народу, а в день поездки не было вообще никого. Поэтому это место и было выбрано для перемещения. Вы дадите круг у Дворца творчества школьников, посмотрите на город со смотровой площадки и поедете по улице Тургенева мимо здания, где проходила конференция. Потом свернёте на Главный проспект и направитесь к площади 1905 года.

Андреев подробно объяснил весь маршрут, показав его на карте.

— ...А потом вы прибудете к начальной точке вашего пути, — закончил он. — В 21-00 мы откроем портал, и вы вернётесь в 2056 год.

Профессор попрощался со школьниками и посоветовал хорошенько выспаться: завтра им предстояло перенестись на 50 лет назад и своими глазами увидеть Екатеринбург прошлого.

* * *

Диана вышла на улицу, полная впечатлений. Уже завтра она вместе с семнадцатью лучшими учениками города сядет в старинный автобус и отправится в 2006 год! Просто в голове не укладывалось... В руках у Дианы была сумка с дуплетной видеокамерой «Sony». Она подошла к машине, дверь бесшумно отъехала в сторону. Бросив сумку на сиденье, Диана приказала компьютеру:

— Вознесенская церковь. На низкой высоте мимо Дворца школьников, смотровая площадка, улица Тургенева, Главный проспект, площадь 1905 года. Потом домой в автоматическом режиме.

Она нажала зелёную кнопку с надписью «Старт», и машина плавно взмыла в воздух. Достигнув высоты 150 метров, автомобиль лёг на курс. Через 3 минуты он уже снижался перед Вознесенской церковью. Не долетев до земли двух метров, машина направилась мимо Дворца школьников к смотровой площадке. Диана нажала кнопку «Пауза» (это было возможно сделать при малой скорости, когда машина была не на трассе) и, открыв дверь, подошла к перилам.

Перед ней расстился вид города 2056 года. Шпиль гостиницы «Турист», жилые дома улицы Лермонтова, ступенями опускавшиеся к реке, Дом физкультурников — этот квартал строился как раз в то время, в которое Диана собиралась ехать на экскурсию. На другом берегу в ряд стояли небоскрёбы делового центра города — Сити. Возле них движение автомобилей было особенно плотным; казалось, что около башен кружится рой насекомых. Прямо перед девушкой возвышался Храм-на-Крови. Учительница истории говорила, что этот храм построили в 2003 году на месте расстрела семьи последнего российского царя — Николая II. До сих пор остается спорным вопрос, заслужил ли этот царь, чтобы в его честь воздвигли столь величественный памятник. 30 лет назад храм переименовали в память мучеников, невинно погибших от действий властей всех прошедших эпох.

Налюбовавшись видом, Диана села в машину, и та продолжила выполнять программу. Она проехала мимо церкви и свернула на тихую зелёную улицу Тургенева. Вот и здание, в котором выступал Дмитрий Чудов. Диана снова нажала на «Паузу» и посмотрела на мемориальную доску, висящую на стене. Надпись гласила: «В этом здании 11 мая 2006 года проходила Уральская научно-практическая конференция, на которой знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии Дмитрий Чудов читал доклад о перемещении во времени». Барельеф на доске изображал лик учёного в профиль.

Диана попыталась представить, как выглядело это место 50 лет назад. Пожалуй, здесь мало что изменилось с тех пор. Квартал застроен памятниками архитектуры, и время почти не коснулось его. Разве что все дома регулярно ремонтировались и обновлялись.

Машина тронулась дальше. Проехав мимо здания Университета, автомобиль вывернул на Главный проспект — главную улицу Екатеринбурга. Она тоже сохранилась с тех пор практически в неизменном виде. Сплошные памятники архитектуры — Театр музкомедии, Почтамт, первый дом Горсовета, особняк Севастьянова... Недаром Екатеринбург считался одним из красивейших городов не только в России, но и в мире. В 20-м веке он даже получил титул «идеального города», присуждённый Всемирным архитектурным конгрессом.

Вот и центральная площадь — имени 1905 года. Мало кто помнил, почему она так названа. Учебник истории напоминает, что в этом году произошла первая революция против царя. Тогда на площади

собирались толпы митингующего народа. А сегодня здесь сосредоточена светская жизнь города. В сквере у площади назначали свидания влюблённые. Отсюда начиналась пешеходная улица Вайнера — «Уральский Арбат». На бульваре выставляли свои работы художники, скульпторы, камнерезы. Рядом находились здание мэрии — памятник архитектуры всемирного значения; центральный книжный магазин, рестораны, товарные центры, в которых можно было взять самые разнообразные вещи, от иголки до робота (в прошлом за них, разумеется, нужно было отдавать «деньги»).

Доехав до площади, машина вывела на экран сообщение «Автоматический режим» и плавно поднялась над дорогой на 100 метров. Пропустив два автомобиля, она влилась в поток и полетела к дому, где жила Диана.

Башни «Аквамарина» являлись памятниками архитектуры, и всё инженерное оборудование в них соответствовало эпохе, в которую они были построены. В доме был лифт, а не телепортер, как в современных зданиях. Поэтому подъём на последний, девятнадцатый этаж занимал больше минуты, тогда как телепортер позволял мгновенно переместиться хоть на сотый.

Поднявшись на свой 15-й этаж, Диана подошла к двери и приложила палец к сенсорному экрану. Компьютер считал отпечаток пальца, и дверь открылась. Войдя в квартиру, Диана достала из сумки старинную видеокамеру и вышла на лоджию. «Как же она включается?.. А, вот как!.. Попробуем...». Девушка включила запись и начала снимать пейзаж — 35-этажный небоскрёб у Тихвинского парка (раньше на месте парка располагался Центральный рынок — место, где люди обменивали овощи, фрукты и одежду на «деньги»), улицу Радищева, жилые районы Юго-Запада. «Не такая уж она и сложная в обращении», — заметила Диана. Сняв панораму города, она зашла в комнату и, достав диск из камеры, вставила его в универсальную приставку, воспроизводящую как современные трёхмерные голографические диски, так и старые, с плоским изображением. На экране телевизора появились виды, которые она только что сняла. Казалось, будто смотришь старый двухмерный фильм. Вроде перед тобой современный город, но то, что он снят старой техникой, рождало удивительное ощущение, будто этим кадрам лет пятьдесят.

К Диане подошёл Хвостик и раскотировался перед ней на ковре. Девушка погладила его пушистое белое брюшко, а кот от удовольствия закрыл глаза и вытянул передние лапы.

— Ну что, Хвостик, — обратилась она к любимцу, — завтра твоя хозяйка уезжает на экскурсию в 2006 год. Я бы привезла тебе в подарок из прошлого что-нибудь вкусенькое, но мне нельзя оттуда ничего брать. Так что извини!

Поиграв с котом некоторое время, Диана со-

брала вещи: убрала камеру в сумку, а одежду для путешествия повесила на спинку стула, чтобы с утра надеть её.

За ужином, естественно, обсуждалась только одна тема — завтрашняя поездка. Мама с папой обещали проводить Диану до Академии наук и дожидаться её возвращения. Ночью девушка спала плохо: размышляла, как всё пройдёт...

Глава 6

Екатеринбург, 2056 г.

Наконец наступил день поездки. Диана проснулась в половине десятого. Хвостик, который спал на кровати у неё в ногах, уже встал. Одевшись в экскурсионный наряд, девушка прошла на кухню. Кот, заметив хозяйку, сделал хвост трубой и, мурлыча, стал тереться о её ногу. Робот-домохозяйка накрывала на стол.

— Что Вы будете пить, мисс Диана?

— Ананасовый сок, Валери¹.

Вошли родители.

— Боже мой, Диана! Ты выглядишь, прямо как моя мама в молодости! — воскликнул папа. — На фотографиях она в такой же старомодной одежде.

— Ты вылитая школьница начала века! — поддержала мама. — Конспирация на высоте! Завтракай быстрее, скоро надо будет ехать.

Экскурсия была назначена на 11 часов, так что

¹ Когда в 2005 году появилась первая робот-домохозяйка, конструкторы назвали её Валери. Имя пришлось людям по душе, и с тех пор так стали называть всех роботов-домохозяек.

время у неё было. После завтрака Диана взяла вещи для поездки и вместе с родителями села в машину. Папа скомандовал:

— Академия наук, улица Первомайская.

Машина выехала со стилобата и набрала высоту. Скорость движения над городом была ограничена отметкой 200 км/ч. Это было сделано, чтобы компьютер успел вовремя скорректировать траекторию при внезапном изменении обстановки; к тому же, такой скорости было вполне достаточно, чтобы добраться из одного конца города в другой за 5-10 минут. На междугородных трассах скорость возрастала до 500 км/ч, а на международных — до 1500 км/ч.

Возле здания Академии наук было так же многолюдно, как и перед «Космосом» в день награждения. Авторепортёры зависали над входом, ловя в объектив входящих победителей конкурса. У входа толпились родители, давая последние наставления перед путешествием. В здании их не пускали по причине строгой секретности. Среди множества лиц Диана заметила Юрия Сосновцева. Заместитель мэра улыбался в телекамеры.

— Наша экспедиция — первый шаг к туризму во времени! — заявил он. — Спасибо Академии наук за предоставленную уникальную возможность побывать в прошлом!

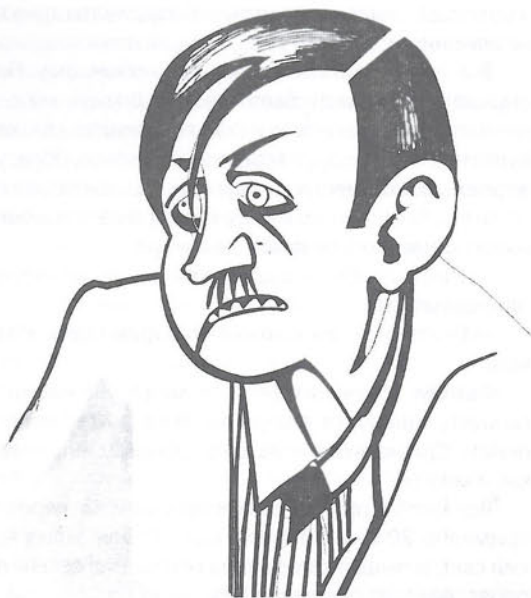
Сосновцев заметно волновался. Совсем скоро перемещение. Успел ли Лазаренко прилепить к машине времени наночип с кодом-отмычкой? От этого зависела судьба всего предприятия, и ему дурно, что он нервничал. Закончив интервью, он зашёл внутрь.

Сергей встретил его в холле. Во взгляде дяди он прочитал настойчивый вопрос: «Ну как???» и подал знак: «Всё в порядке!». Ему-таки удалось выполнить задуманное и незаметно прилепить наночип к задней стенке суперкомпьютера. Если всё сработает, группа переместится не в исходную точку, а за угол, прямо к зданию, где проходила конференция. Сосновцев быстро выберется из автобуса, оставив вместо себя голограмму, и проникнет на конференцию под видом участника. На диске, снятом роботом, в это время будет другая картинка, и его исчезновения никто не заметит.

Школьники с сумками, в старомодной одежде, стояли в полной готовности. В 11 часов вспыхнула лампочка телепортера, и на платформе появился профессор Андреев.

— Я вижу, все собрались, — произнёс он, — ну что ж, пойдёмте!

Ребята, а также Лазаренко и Сосновцев, встали на круглую платформу телепортера. Профессор набрал какой-то код, и группа оказалась в большом ангаре, где путешественники увидели большой колёсный автобус. В противоположном конце ангара были установлены мачты крепления, поддерживавшие усилители частоты времени. У стены располагался сам пульт управления машиной времени. Поскольку в отдел времени добирались на телепортере, то

определить, где именно учёные скрывают аппарат, никто не смог.

— Прошу всех в автобус! — пригласил Борис Иванович.

За рулём сидел андроид. Он открыл двери, и все забрались внутрь. Как и было условлено, Сосновцев сел позади всех, рядом с лестницей на первый этаж. Он знал, что ребята будут смотреть в окно, и на него никто не обратит внимания. Тут-то он и выйдет через задний люк на первом этаже.

Возле пульта управления машиной времени суетились люди в белых халатах. Борис Иванович поднёс к губам рацию, и в автобусе раздался его голос:

— Сейчас мы запустим машину времени и откроем портал. Вы въедете в него на автобусе и окажетесь в начальной точке маршрута. А мы будем следить за вами по записи на диске.

Он начал давать команды своим сотрудникам:

— Ввести коды доступа!

— Коды доступа введены! — отозвалось трое операторов.

— Ввести координаты пункта назначения!

— Координаты пункта назначения введены!

— Ввести формулу времени!

При этих словах все в автобусе затаили дыхание.

— Формула времени введена! Начат расчёт частоты пункта назначения!

— Освободить площадку! Приготовиться к пуску генератора!

— Частота пункта назначения определена! Усилители готовы. Начинаю запуск генератора!

По периметру ангара вспыхнули красные лампы, раздалась прерывистые звуки сирены. Послышался голос системы оповещения: «Внимание! Открыт портал времени! Дата отправления: 25 мая 2056 года, 11 часов 8 минут. Дата назначения: 11 мая

2006 года, 9 часов 00 минут. Координаты пункта назначения...».

Все приготовились к чему-то необычному. Посмотреть и вправду было на что. Воздух между генераторами «загустел» и стал «искривляться», как будто над огнём. Струи воздуха изгибались, образуя воронку, расходящуюся кругами, подобно волнам от камня, брошенного в воду. Размером эта воронка была примерно 5 метров в диаметре.

— Ничего себе! — выдохнули все практически одновременно.

— Поехали! — воскликнул по радиации Борис Иванович.

Автобус тронулся с места и, медленно набирая скорость, двинулся к воронке. Ребята прилипли к окнам. Диана включила видеокамеру, впрочем, как и многие.

Вот автобус приблизился к порталу и на скорости примерно 20 км/ч въехал в него. Салон залил яркий свет, вспышка которого на мгновение ослепила ребят. Автобус прошёл сквозь окно во времени и оказался в 2006 году. Только не там, куда его намеревались отправить...

Глава 7

Екатеринбург, 11 мая 2006 г.

В этот день Дмитрий Чудов лёг спать далеко за полночь. Весь вечер он пытался найти формулу, описывающую изменения частоты времени. На компьютере он строил математические ряды и пытался уловить закономерность в датах. Ясно, что формула должна быть относительной. То есть такой, чтобы задавалась точка отправления, обозначаемая произвольными координатами (как правило, текущей датой), и точка назначения, рассчитываемая относительно точки отправления. Например, если вы хотите из 2006 года поехать на год вперёд, то надо обозначить точку отправления за 2006 год, а пункт назначения — за 2007-й, и машина отправит вас на год вперёд, что и требовалось. А если сделать формулу абсолютной (то есть указать только пункт назначения — 2007), то машина отправит вас в 2007 год с момента возникновения Вселенной. А ведь это, согласитесь, совсем не то, что вам нужно!

Движимый такими мыслями, Дмитрий методично подбирал формулу с помощью статистической программы. Она позволяла рассчитать приближённую формулу изменения любого числового ряда, надо было только задать два связанных ряда данных.

Юноша сидел так очень долго. У него уже затекла спина, а формула никак не хотела выводиться. «Ладно, — решил Дима, — пойду спать. Вот только попробую последний раз... Что если добавить вот этот массив переменных?..».

И тут произошло неожиданное. На диаграмме распределения чисел компьютер вывел график, как две капли воды похожий на тот, что Дмитрий на-

рисовал днём в тетрадке. Над графиком появилась строчка с формулой.

Молодой человек сначала не понял, что произошло. Некоторое время он напряжённо вглядывался в экран, а потом глаза его расширились, и пульс участился.

— Нашёл!.. Не может быть! Неужели это то самое?.. Формула времени...

Он спешно достал тетрадь и открыл страницу, где был нарисован график зависимости галактического и абсолютного времени. Сомнений быть не могло: график на экране в точности повторял рисунок в тетради.

Мысли Дмитрия постепенно начали упорядочиваться. «Так, — подумал он, — похоже, я только что нашёл формулу, позволяющую путешествовать во времени!».

Он скопировал график в текст своего доклада и написал, как ему удалось получить эту формулу. После чего распечатал новые страницы и подшил их к докладу. Всё это заняло ещё около часа. Готовый материал Дима положил в портфель, после чего лёг спать и почти мгновенно уснул.

Проснулся он от звонка будильника. С трудом разлепив веки, он посмотрел на часы, и сон мигом слетел: 7-50! Сбор докладчиков был назначен на 9 утра, а добираться от его дома до места проведения конференции было далеко. Наскоро проглотив бутерброд, Дмитрий натянул пиджак, схватил портфель с докладом и выбежал из дома.

Когда он подбежал к трамвайной остановке, часы показывали 8-20. Ехать до остановки «Оперный театр» не меньше получаса, потом ещё больше квартала пешком, а трамвая, как назло, всё не было. Наконец, через 5 минут из-за поворота показался жёлтый трамвай № 26. Дмитрий облегчённо вздохнул, но расслабляться было рано. Если попадут в пробку, он точно опоздает!

Пробок, однако, не было, и к Оперному трамвай подкатил в 8-53. Юноша пересёк Главный проспект и побежал мимо Университета по улице Тургенева. Дорога шла в гору, и Дима, вскоре запыхавшись, перешёл с бега на шаг.

Ещё немного... Он снова прибавил ход. Позади остался сад Вайнера... А вот и нужное ему здание. Только дорогу перейти! Со стороны церкви донёсся колокольный звон — 9 часов. Дмитрий глянул по сторонам, хотя это и было чистой формальностью: на этом участке машины практически не ездили, тем более в это время. Убедившись в безопасности, молодой человек ступил на проезжую часть и двинулся к входу в здание.

Его ослепила яркая вспышка. Послышался отчаянный скрип тормозов. Дмитрий успел повернуть голову и увидел, как на него стремительно надвигается огромный автобус. «Откуда?!» — только и успел подумать он. Раздался удар, и юношу отбросило на два метра вперёд. Сквозь пелену тумана он увидел голубое небо и потерял сознание.

Из автобуса выбежали школьники и трое мужчин. Они окружили пострадавшего плотным кольцом. Он лежал на асфальте и не подавал признаков жизни. Рядом валялся портфель.

— Мы его сбили! — перешёптывались ребята. — Он жив? Кто это?..

Увидев лежащего на земле юношу, Диана сразу поняла, КТО это. И сердце у неё оборвалось. В голове завертелись слова профессора Андреева: «Если вы что-либо измените в прошлом, это может катастрофическим образом повлиять на будущее». Более катастрофическое изменение, чем случайное убийство изобретателя машины времени, представить было трудно.

«Но как же так? — недоумевала она. — Ведь профессор сказал, что в точке назначения никого не будет!». И тут же, оглядевшись, поняла, в чём дело: они находились не у церкви, а за углом, напротив здания, где должен был на конференции выступить Дмитрий Чудов. Почему-то машина времени перенесла их дальше по маршруту, и эта ошибка в расчётах стала роковой...

Не одна Диана узнала Дмитрия Чудова. Сосновцев и Лазаренко понимающе переглянулись. Теперь не надо было тайно сбежать из автобуса, проникать на конференцию, слушать доклад. Автор формулы времени лежал перед ними. А рядом с ним валялся

портфель, в котором, как можно было догадаться, находился искомый доклад с формулой. Новый план созрел мгновенно.

Тем временем робот с аптечкой в руках осматривал пострадавшего.

— Он жив, — произнёс андроид, — но состояние критическое. У него очень тяжёлые повреждения. Боюсь, он долго не протянет.

— Нужно срочно «скорую»! — раздался голоса ребят.

— Это не поможет. Медицина 2006 года не сможет вернуть его к жизни. Шансы есть, только если переместить его в наше время.

Повисло напряжённое молчание. Взоры всех обратились к Сосновцеву — старшему в группе. Тот ничего не говорил. Он, как и все, знал, что нельзя ничего забирать с собой из прошлого. Но тут был особый случай... Тишину нарушила Диана:

— Что вы стоите, он же умрёт! Несите его скорее в автобус!

— Погодите! — обрёл дар речи Сосновцев. — Вы что, не знаете, что брать что-либо в будущее категорически запрещено! Это может привести к временному парадоксу!

— А вы подумайте вот о чём, Юрий Петрович: мы сбили изобретателя машины времени. Если он умрёт, машина времени не будет создана. А как тогда мы попали в прошлое и сбили изобретателя? Возникнет парадокс похлеще, который может уничтожить всю Вселенную. А если не Вселенную, то нас с вами точно. Так что Вы выбираете? Гарантированную смерть или пусть рискованный, но всё же шанс на спасение?

В споре они не заметили, как из-за угла вышел андроид с видеокamerой и пошёл в их сторону...

В ангаре с машиной времени события разворачивались следующим образом.

После того как автобус исчез, пройдя сквозь портал времени, Борис Иванович достал диск.

— Ну-с, посмотрим, как там наши голубчики!

Учёные подошли к телевизору. На экране возникло изображение площади перед церковью. Тихое утро, яблони в розовой пене... Но автобуса не было!

— В чём дело?! — воскликнул Андреев. — Где автобус?!

Операторы машины времени только развели руками. Выражение их лиц было совершенно растерянным.

— Проверьте координаты пункта назначения! Вывести отчёт о перемещении!

— Есть!.. Готово!

На экране появились координаты точки, в которую переместился автобус.

— Координаты верные, Борис Иванович, — доложил оператор. — Согласно показаниям компьютера, автобус переместился туда, куда и должен был.

— Тогда где он?!

— Должен быть на месте... Ничего не понимаю!
 — Промотайте записи! — распорядился Андреев.

Оператор нажал кнопку на пульте, камера ускорила движение: Дворец творчества школьников, смотровая площадка, мимо здания газовой компании... Вот объектив завернул на улицу Тургенева...

— Стоп! — воскликнул профессор. — Включить воспроизведение!

Взглядам учёных предстал автобус, стоящий у здания, где проходила историческая конференция. Перед ним толпились ученики. Камера приблизилась, и все побледнели, увидев, что произошло. На земле безжизненно лежал изобретатель машины времени Дмитрий Чудов, а группа, судя по всему, была в панике.

— Господи Боже... — шёпотом произнёс Борис Иванович.

— Он мёртв?! — в ужасе воскликнул ассистент.

— Нет, — встrepенул Андреев, — пока нет. Если бы он умер, машина времени исчезла бы, согласно законам времени. И, похоже, это случится очень скоро!

— Почему это произошло? — недоумевал помощник. — Машина ошиблась и отправила их дальше по маршруту. Сбой в программе?

— Нет времени выяснять. Открыть портал! Ввести координаты! Я отправляюсь туда немедленно!

— Один?! Возьмите с собой спецгруппу! — посоветовал оператор.

Профессор отрицательно покачал головой.

— Чем больше народу в прошлом, тем больше вероятность изменить его. А изменения и так уже критические. Я отправляюсь один. А вы держите портал открытым!

Сотрудники забежали вокруг машины, вводя новые координаты и время, согласно показаниям с диска. Профессор напряжённо ждал.

Раздалось предупреждение: «Внимание! Открыт портал времени! Дата отправления: 25 мая 2056 года, 11 часов 24 минуты. Дата назначения: 11 мая 2006 года, 9 часов 13 минут».

Образовалась воронка времени. Профессор решительно шагнул в портал со словами:

— Если не исправим ошибку, будущему придёт конец!

Дмитрий Чудов лежал на асфальте. Он получил очень серьёзные повреждения. Как сказал андроид, ему осталось не больше часа. Школьники были в отчаянии. Надо было срочно решать, брать ли пострадавшего с собой, рискуя изменить будущее, или оставлять погибать, тем самым обрекая на гибель всю Вселенную.

Из оцепенения их вывела яркая вспышка. Из образовавшегося воздушного водоворота выбежал профессор Андреев.

— Слава Богу, Вы пришли! — воскликнула Диана.

— Как он? — спросил Борис Иванович у андроида.

— Ему осталось жить не больше часа. Можно спасти, но только при нашем уровне медицины. В этом времени он погибнет.

— Немедленно забираем его! — приказал профессор. — Все быстро в автобус!

— Но как же... — запротестовал Сосновцев, — если взять его с собой, мы можем изменить будущее!

— А если не возьмём, никакого будущего не будет! — поставил точку Андреев. — Что, по-вашему, лучше?

Сосновцев побледнел.

— Ну, если Вы так ставите вопрос...

Профессор с андроидом подняли тело Дмитрия и осторожно занесли в автобус. Ребята с волнением следили за их действиями. Робот вскочил за руль и дал задний ход. Автобус медленно въехал в портал. Салон залил белый свет. Вспышка! Но почему-то она оказалась не белой, а зелёной. Впрочем, путешественникам было не до того, чтобы обращать внимание на цвет вспышки. А зря!

Глава 8

Екатеринбург, 2056 г.

Автобус задним ходом выехал из портала. Двери открылись, и ребята высыпали наружу. Выражение их лиц постепенно сменилось с взволнованного на недоумевающее.

— Где это мы? — произнесла Диана.

Ученикам было чему удивляться. Они оказались не в ангаре с машиной времени, откуда их отправили в прошлое, а на каком-то пустыре. Вдали за деревьями виднелись дома.

Сосновцев с племянником тоже изумлённо оглядывались по сторонам:

— Мы, кажется, не туда попали, — выдавил Лазаренко.

Все повернулись к профессору. Он вышел из автобуса и напряжённо всматривался в здание за деревьями.

— Нет. Мы там, где надо, — произнёс он наконец. — Просто что-то изменилось в результате происшедшего. Вон то здание — дворовой фасад одного из НИИ при Академии наук. Его построили в 2054 году, стало быть, мы в своём времени.

— Но где ангар с машиной? — спросил Сосновцев.

— По-видимому, изменения вызваны тем, что вы сбили Дмитрия Чудова, — ответил Андреев. — Возможно, он умрёт, и тогда, разумеется, не сможет изобрести машину времени. Поэтому на месте ангара с ней теперь пустырь.

— Но ведь он ещё жив? — спросила Диана.

— Да, — отозвался робот. — Я вызвал «скорую помощь», скоро придут врачи.

И впрямь, послышалась сирена, и через несколько секунд на пустыре опустилась карета «скорой помощи». Двое санитаров-роботов положили юношу на носилки и занесли в автомобиль.

— Я поеду с ними! — бросилась к машине Диана.

— Нет, — остановил её профессор. — Поеду я. А с вас достаточно приключений на сегодня. На автобусе вас довезут до здания Академии наук. Оттуда доберётесь по домам. Если что, встречаемся... — Борис Иванович посмотрел на номер больницы, указанный на борту «скорой», — в 21-й больнице. Я буду там до тех пор, пока состояние Дмитрия не стабилизируется. С Богом!

Он сел в автомобиль, и «скорая», взревев сиреной, оторвалась от земли и умчалась.

Всю дорогу до Академии наук никто не проронил ни слова. На душе было тяжело. Все понимали: непроизвольно нарушив ход событий прошлого, они поставили под угрозу своё существование. И неизвестно ещё, что станет с миром, если Чудов умрёт. Ребята помнили, что говорил им Андреев: «Если серьёзно изменить прошлое, может возникнуть временной парадокс, который разрушит структуру пространственно-временного континуума и уничтожит Вселенную».

Вот автобус подкатил к тому месту, откуда началась их экскурсия. Но что это? Улица была практически пуста. Где репортёры и родители, дожидавшиеся возвращения путешественников во времени? Перед зданием никого не было.

Диана начала понимать, что изменения, вызванные ими, гораздо серьёзнее, чем могло показаться на первый взгляд. Может быть, и сама она скоро исчезнет?..

Сосновцев тем временем разговаривал с Лазаренко:

— Похоже, мы как-то изменили будущее. Впрочем, это не имеет значения. Формула теперь у нас, и мы сможем вернуть всё на место, если захотим. Мы теперь всё можем изменить!

Во время суматохи заговорщики вытащили из портфеля Чудова доклад и вырвали из него страницу с формулой времени. Доклад положили обратно, чтобы никто не догадался об их проделке. Портфель увезли в больницу вместе с Чудовым, но уже без формулы.

Тем временем Диана вызвала такси (с телефона-автомата, так как мобильные телефоны брать в прошлое запрещено). Сев в машину, девушка первым делом направилась домой. Она хотела узнать, почему родители не дождались её возвращения. Ведь группа вернулась практически в то же время, из которого отправилась, с разницей минут в 25. Могли бы и подождать!

Выйдя у «Акварина», она спросила у работника консьержа:

— Ты не видел моих родителей, Эндрю¹?

— Вы же только что уехали с ними в магазин «Купец», мисс Диана!

— Вот как?! А-а-а... ну да, я просто забыла, — со встала девушка. — Ну, пока, Эндрю!

Она проскочила мимо растерявшегося робота, пулей взлетела на 15-й этаж и приложила палец к пластине. Дверь, к счастью, открылась. Диана быстро переделалась в свою обычную одежду, а наряд из прошлого сунула в пакет. Как уже стало очевидно, будущее изменилось кардинально. И это как-то было связано с тем, что произошло в 2006 году.

Выходя на лестничную площадку, она услышала звук поднимающегося лифта. Спрятавшись за углом, Диана увидела, как из лифта выходят родители... в сопровождении её самой. Диана чуть не грохнулась в обморок от удивления. Все трое подошли к двери и вошли в квартиру.

Девушка спустилась на первый этаж. Консьерж был окончательно сбит с толку, увидев в четвёртый раз Диану, и опять в новом наряде. Она подошла к роботу и попросила вызвать такси. Эндрю послушно нажал кнопку вызова, хоть ничего и не понял.

Сев в такси, Диана задумалась, что делать дальше. Поразмыслив, решила поехать в 21-ю больницу, где находился профессор Андреев. «Может, хоть он объяснит, что здесь происходит?» — подумала она.

Тем временем в больнице врачи бились за жизнь Дмитрия Чудова. Пострадавшего доставили в отделение интенсивной терапии. Навстречу санитарам уже спешил врач в сопровождении ассистента-робота. Бросив взгляд на носилки, доктор скомандовал:

— В гезокамеру², быстро!

Носилки завезли в комнату, где стоял аппарат. Дмитрия поместили в камеру, крышка закрылась, и на табло появилась надпись «Диагностика». Прошло примерно 40 секунд. На экране компьютера возник отчёт: «Перелом 3-го, 4-го, 5-го рёбер с правой стороны. Ушиб мягких тканей. Сотрясение головного мозга. Вывих левого коленного сустава. Смещение 1-го и 2-го шейных позвонков». Этот букет завершал вердикт: «Состояние критическое. Необходима немедленная операция».

И вот санитары уже мчали каталку в операционную. Рядом с носилками всё время находился профессор Андреев. Он держал Диму за руку и говорил:

¹ Роботов мужского вида называли обычно «Эндрю» (от англ. «android»). Так звали робота в книге фантаста Азимова.

² Гезокамера (Герметичная Зондирующая камера) — аппарат для экспресс-диагностики всех болезней и повреждений организма. Представляет из себя закрытую камеру, в которую помещается больной. Диагностика происходит на уровне энергетического поля, что позволяет исключительно точно определить заболевание и поставить безошибочный диагноз. Гезокамера разработана в том же году, что и машина времени, — в 2025-м, группой российских учёных.

— Держись! Ты должен выжить, слышишь! Всё будет хорошо...

Более двух часов длилась операция. Казалось, что прошла целая вечность. Наконец, дверь операционной открылась, и вышел хирург.

— Ну, как он? — вскопчил Борис Иванович. — Скажите, что с ним?

Доктор стянул с лица маску и вытер пот со лба.

— Он будет жить.

У профессора отлегло на сердце. Врач продолжал:

— Вы вовремя привезли его. Ещё полчаса, и было бы уже поздно. Нам удалось вытащить его с того света. Больной по-прежнему в тяжёлом состоянии, но сейчас его жизнь вне опасности.

Андреев в изнеможении опустился на кресло. Ного его не держали. От радости из глаз учёного покатились слёзы. «Слава Богу, — подумал он, — теперь течение времени должно восстановиться, и всё встанет на свои места». Однако Борис Иванович ошибался.

Глава 9

Екатеринбург, 2056 г.

Когда такси подлетало к больнице, Диана поняла, что не одна она заметила перемены. Возле входа в отделение терапии стояли девять участников экскурсии. Они что-то бурно обсуждали. Заметив Диану, они прекратили разговор и подошли к ней.

— Похоже, ты тоже!.. — стихами сказал молодой человек из 2-й школы, которого звали Тимофей, но все называли просто Тим.

Диана, сообразив, что он имеет в виду, кивнула.

— Это что же творится такое? — вопрошал Тим. — Я прихожу домой, отец спрашивает: «Ты почему не в школе?». Я ему: «Какая школа, я в 2006 год на машине времени ездил!». А он на меня смотрит, как на сумасшедшего. Объяснит мне кто-нибудь, что происходит?

— Всё из-за этой дурацкой экскурсии! — воскликнул другой ученик. — Не надо было нам ехать!

— Что толку гадать! — сказала Диана. — Надо спросить у Бориса Ивановича. Если кто и объяснит, в чём дело, то только он.

— А вот и сам профессор, лёгок на помине! — воскликнул Тим.

Борис Иванович зашёл в приёмный покой. Ребята бросились к нему.

— Скажите, Дмитрий Чудов жив? — с надеждой спросила Диана.

— Жив, слава Богу! В рубашке родился. Ему сделали операцию, сейчас он в палате интенсивной терапии. Доктор сказал, что через недельку-другую он сможет встать. А раз он не умер, то и ход времени должен восстановиться.

— А вот не восстановился, однако! — сказал Тим. Его поддерживали возмущённые голоса.

— Объясните, — попросил Андреев.

— У нас появились какие-то двойники. Родители думают, что они — это мы. Говорят, что слыхом не слыживали ни о какой машине времени и экскурсии в прошлое. Как это понимать?

В это время в отделение вошли остальные ученики. Судя по их лицам, они тоже столкнулись с подобным явлением.

Борис Иванович снял очки и задумался. Думал он минут пять. Потом встал, надел очки и подошёл к компьютеру, стоящему в углу комнаты.

— Попробую найти подтверждение своей гипотезы, — пояснил он. Зайдя на сайт центральной библиотеки, он задал область поиска: с 2006 по 2056 годы и набрал словосочетание «Дмитрий Чудов». На экране появились ссылки. Нажав на одну из них, профессор довольно хмыкнул. Заголовок газеты от 18 мая 2006 года гласил: «Найти человека». Дальше следовал текст статьи: «Утром 11 мая ушёл из дома и не вернулся Дмитрий Чудов, 1988 года рождения, студент Уральского технического университета. Без вести пропавший юноша направлялся на Уральскую научно-практическую конференцию, которая проходила на ул. Тургенева, 23. Однако на конференции он так и не появился. Приметы пропавшего: рост 180 см, волосы тёмные, глаза карие, телосложение стройное. Был одет в чёрный пиджак, голубую рубашку. При себе имел чёрный портфель. Полиция просит всех, кто располагает информацией о местонахождении Дмитрия Чудова, сообщить по телефону 02. Вознаграждение гарантируется».

— И что это значит? — в недоумении спросила одна из школьниц.

— А вот что... — начал профессор, но прервался: в приёмный покой вошли Юрий Сосновцев и Сергей Лазаренко. Вид у них был совершенно расстроенный.

— Очень хорошо, что вы пришли! — сказал учёный. — Я как раз собирался объяснить, что произошло.

— Да уж, будьте любезны! — ответил Сосновцев. — Я говорил, что нельзя забирать Чудова с собой! А Вы не послушались, и теперь весь мир встал с ног на голову!

— Возможно, зато Дмитрий остался жив. И это даёт мне право утверждать, что мы сможем всё исправить. Но сначала о том, почему, собственно, будущее изменилось. Мы забрали раненного Чудова с собой в 2056 год. Это значит, он перескочил через 50 лет и сразу оказался в нашем времени. Следовательно, он не выступал на конференции, не стал заниматься наукой и не построил машину времени. А раз нет машины, то и вы, ребята, не участвовали в конкурсе, не выигрывали приз, не ездили в прошлое. Вы жили так, будто ничего этого не было. Те «двойники», о которых вы говорили, — это вы сами. Так бы сложилась ваша судьба, если бы Дмитрия Чудова не существовало. И теперь мы с вами наблюдаем именно такую картину. В этом времени каждый из нас в двух экземплярах. Только мы с вами здесь лишние.

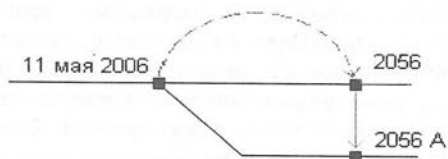
— Погодите, как это лишние?! — возмутился Сергей Лазаренко. — Мы вернулись в своё время и в свой город!

— Не совсем, — ответил Борис Иванович. — Мы с вами попали в ситуацию «Что было бы, если...». Понимаете, в каждый момент времени существует несколько вариантов будущего. Ведь перед нами всегда есть выбор, как поступить. Образно это можно представить так (учёный нарисовал наглядную схему):

Время подобно дереву, которое имеет ответвления. Каждая ветка — один из вариантов будущего. Мы жили в той ветке, в которой были и Дмитрий Чудов, и машина времени. Но когда мы забрали его в 2056 год, мы тем самым «срубили» нашу ветку и «упали» на другую.

Он нарисовал ещё одну картинку:

— Мы оказались в альтернативном будущем, в котором нет ни машины времени, ни её изобретателя. Этот мир — нечто вроде параллельного измерения, в котором мы незваные гости. Поэтому нам нужно как можно скорее вернуться домой.

— И как прикажете это сделать? — спросил Соновцев.

— У меня есть кое-какие соображения на этот счёт, — успокоил его профессор. — Чтобы попасть в своё будущее, нужно вернуть Дмитрия Чудова в тот момент времени, откуда мы его забрали. После этого время пойдёт своим чередом, и мы переместимся в правильный 2056 год.

— Пойдите-ка, Вы хотите сказать, что нам нужно вернуться в прошлое? — уточнил Сергей.

— Совершенно верно.

— Но как? Машины времени-то здесь НЕТ!!!

— Значит нам придётся её построить, — спокойно ответил Андреев. — Я 30 лет работал с машиной

времени и принимал участие в её создании. Я знаю в ней каждый винтик и легко восстановлю чертежи. А роботы помогут собрать необходимое оборудование. Есть только две проблемы...

— Какие? — спросили все хором.

— Во-первых, нужна программа перемещения. А в программировании я не силен, — задумчиво произнёс Борис Иванович.

— А вторая проблема? — поинтересовалась Диана.

— Формула времени. Чтобы переместиться, нужно знать формулу времени...

— А Вы её не знаете?!

— Увы! — удручённо покачал головой профессор. — Формула строго засекречена. Во всём мире её знают не больше двадцати человек¹. Пока Чудов был жив, он сам вводил формулу, а незадолго до своей смерти от несчастного случая передал её лучшему другу — тогдашнему руководителю Уральского филиала Академии наук. Тот, в свою очередь, выбрал трёх человек, которым доверил эту информацию. К сожалению, я не из их числа.

— А почему бы не спросить самого Чудова? — предложила Диана. — Когда он выздоровеет. Может быть, он сумеет нам помочь?

— Блестящая мысль! — воскликнул Андреев. Он моментально сообразил, что в докладе Чудова есть формула времени и ею можно воспользоваться. Однако этого не должны были знать участники группы, поэтому профессор резко осёкся.

— ...Но, к сожалению, в докладе Чудова формула не звучала, он вывел её позже. Так что вряд ли Дмитрий сможет нам помочь. И всё же стоит попробовать.

Про себя Борис Иванович подумал: «Так мы и поступим... Одной проблемой меньше! А вторую мы уж как-нибудь решим...».

Он повернулся к ребятам:

— Вы, наверное, устали и хотите есть? Сходите в ресторан, подкрепитесь. Поскольку у всех нас дома живут другие мы, нам пока придётся пожить в гостинице. Здесь неподалёку находится гостиница «Октябрьская», можете поселиться там, если хотите. Идёмте, а Дмитрий пусть скорей поправляется!

Школьники вышли из больницы с надеждой: у них появился шанс исправить ошибку и восстановить нормальный ход событий. Все понимали, что в этом будущем им нет места, и нужно во что бы то ни стало вернуться в тот мир, который они знают и любят.

(Окончание следует)

¹ Машины времени в 2056 году имелись в четырёх странах: две в России (Екатеринбург и Новосибирск), две в США (в Массачусетском техническом университете и в Чикаго), одна в Японии (Токио) и одна во Франции (Марсель). Решением Всемирного Правительства формула времени была засекречена, и даже среди сотрудников отделов времени её знали лишь единицы.

Кольчуга для рыцаря-одиночки

С художником Засекиным нас познакомил случай. У него пропала любимая собака. Когда-то ее художник нашел на помойке. Принес в мастерскую, отмыл — «оказался классный фокстерьер». А однажды тот выскочил в открытые двери и не вернулся...

Была зима 1998-го. Генрих Прокопьевич тогда сильно переживал «развал семьи» — потерю своего четвероногого друга, долгими январскими вечерами бродил по знакомым улочкам и закоулкам, расклеивал объявления на заборах. А я работала в большой тиражной газете, вот и предложила художнику расширить поиски с помощью нашей газетной площади.

Помню его заготовку объявления. На скромном листке бумаге художник нарисовал своего любимца в профиль и аккуратно отстукал на печатной машинке необходимый текст: «Если вы увидите эту собачку, поймайте ее или сообщите, где она». Написал и прибавил: «Фокстерьер по кличке Той. К людям относится хорошо».

Мастерская творца как маленькая модель его мира. Граммофон, который «еще работает». В полном беспорядке — краски и холсты. Холодный кофе — «по-испански»... Пока Засекин колдовал над ним, я деликатно разглядывала помещение, в котором оказалась впервые. Над потолком болтался маленький сувенир из Франции — сдувшийся полиэтиленовый земной шар. Где-то на поверхности шара хозяин мастерской отыскал и пометил свой адрес жизни — городок на Туре — Тюмень. А еще в центре комнаты стоял пустой стол, на котором лежал один-единственный предмет. Самая настоящая — хотя и самодельная — кольчуга. Ее Засекин изготовил, чтобы обезопасить своего меньшого друга, после того, как на него однажды набросился сорвавшийся с цепи дог. Очень часто видели эту пару на прогулке: художника и фокстерьера в кольчуге.

Горе немногословно. Мы пили холодный кофе, Засекин рассказывал о давно минувших днях, когда талантам жилось

Г.П. Засекин

«не внятажку». И только однажды тень набежала на его лицо: «Это у меня ребенок был, — сказал он про пса, — и я его лелеял... Кстати, тоже судьба тяжелая». Сказал и ушел в себя.

С малознакомым человеком, бывает, чувствуешь себя немного скованно. А в мастерской печального рыцаря я почувствовала себя как дома. «Тоже судьба тяжелая» — в этих простых словах были и детская беззащитность, и открытость миру, и доброжелательное к нему отношение. Бывает так: живет кроткий человек на нашей планете. И все у него выходит не от трезвого расчета, а от души...

Мягко улыбнувшись, Засекин, некогда успешный мастер, профессионал, произнес: «Перспектив сейчас у меня никаких, один туман. Я себя ощущаю бездомным псом. Вот так, как собака сейчас моя бездомная бегают»...

К своим шестидесяти годам он вдруг осознал, что жизнь пошла внятажку. И даже появилось предчувствие «краха». Хотя по молодости лет считал себя, как и многие молодые, перспективным. Имел планы, достижения. С легендарными 1960-ми совпала его учеба в Одесском художественном училище имени М.Б. Грекова. Потом ему довелось помотаться по мастерским Петербурга, ощутить вкус творчества, свободы. Пока жил у старшей дочери во Франции, частенько прогуливался по Монмартру и даже подумывал прибиться к чужому берегу, чтобы иметь

Эротика гласности

стабильный «прожиточный минимум» и перспективу «откладывать денежки на старость». Но все-таки не выдержал сибиряк разлуки с домом. Новые веяния 1990-х внесли в его душу смуту, а ностальгия по России, получается, «излечила». Встал как-то ночью покурить, «сориентировался по звездам, по Луне», вычислив направление, где находится град Тюмень, и вернулся к тому, от чего уходил, с одними сувенирами. Но у него уже были Имя и Опыт! С некоторых пор он уже стабильно выставлял свои холсты на больших республиканских, всесоюзных выставках и за рубежом, проявил себя как график, живописец и монументалист. В соавторстве с коллегой Александром Погорелым участвовал в оформлении многих «присутственных мест» в разных городах области, в Тюмени и Тобольске, а это немало — витражи, панно, мозаики, чеканки, росписи. Еще в 1980-м вступил в Союз художников СССР, правда, не с первой попытки. Поначалу его «прокатили» («не потому, что бездарь, — просто подрался, бывает такое у мужиков»).

Птицы на дереве

А потом неожиданно наступили «горбачевские времена», и все вообще посыпалось. С перестройкой обрезало все связи, не стало социального заказа, которого многие ждали как манну небесную. В какой-то момент не только Засекину, но и большинству его соплеменников ошибочно показалось, что государству художники стали не нужны. На поддержку искусства чиновники теперь отпускали какие-то копейки, началась грызня на общих творческих собраниях. В то же время видимость системы и профессиональной опеки еще сохранялась. Человек по-прежнему стремился вступить в фонд, преодолевая определенные препятствия со стороны коллег, и начинал расти, как юнга на корабле. Те, кто поталантливее, поцелестремленнее, или, наоборот, понахальнее, выплывали — вступали в Союз. «А его — р-раз, и снова по башке!» — помню, подвел неутешительный итог такому «росту» Генрих Прокопьевич.

художником особую задачу. Очень уж захотелось заказчикам, чтобы их начальник фирмы в кольчуге был, при шпаге, со свитком в руке, и вообще, чтоб был похож... на рыцаря.

«Я согласился, — признался Генрих Прокопьевич безучастно. — Принесли мне фотографию начальника на «Поляроиде» — а там головка махо-о-онья: человек стоял в полный рост и далеко. Я фотографию изучал-изучал. На холсте уже все как надо скомпоновал и стал биться над лицом. Не получается, и все тут! Я знаю, что рисовальщик из меня неплохой, а тут как будто заколдовали: все сотру, снова краской вожу по холсту. Потом наконец-то вижу: попал! Все лаком перекрыл, перешел на масло, прописал кольчугу, а сверху старинной, почти испанской вязью написал даты и сделал темно-зеленый фон, как на испанском портрете. Понесли мы сдавать готовый портрет. Холст под мышкой... И вижу: навстречу мне идет сам начальник фирмы. А я настолько уже вжился в его образ, настолько сблизился с ним, что неожиданно для самого себя сказал: «Здравствуйте!». Он посмотрел на меня с большим удивлением: кто такой? Спрашивает: «Что надо?». Ничего не надо. Кроме денег — ничего».

Дон-Кихот. С безрассудным рыцарем печального образа, как мне почудилось, имелась у художника Засекина родственная связь. Он не разделял понятия «творчество» и «халтура» (полагал, что от любой халтуры, прежде всего, самому себе должно быть стыдно). Стеснялся кому-нибудь мешок рыбы подкинуть, чтобы пробить какую-нибудь идею. Удивлялся таким людям «с амбициями», которым удается пробиваться в жизни.

Однажды он написал картину: «Птицы на дереве». Но только приглядевшись, я разгадала замысел мастера. Птицы казались живыми на ветвях сказочного дерева. Но его ствол давно уже оброс шипами. И солнце в этой сказке было приколочено к небу гвоздями.

А сам художник одиноко жил, часто в тени. В последнее время болел, пережил инсульт, но все-таки ходил на рыбалку и даже оставил кое-какие живописные работы — «неоконченные». Трудно определить их жанр — с этим не всегда справляются и профессиональные искусствоведы — но зато многие помнят эпизод, связанный с одним из шумных собраний в фонде. В знак какого-то протеста Засекин приковал себя к батарее и устроил голодовку. Спальный мешок расстелил и пролежал на нем трое суток. То был протест неповзрослевшего диссидента.

С некоторых пор он стал «уповать» на одни только портреты. По заказу администрации области ему довелось сделать портрет героя Тюменского Севера, нефтяника Виктора Муравленко. И что же? Приняли работу мастера с оценкой «отлично», но гонорар полностью ушел в долги: за гараж, за мастерскую. В другой раз пожаловали к мастеру новые русские. Заказали портрет своего начальника фирмы. При этом поставили перед думающим

Автору бы регулярно, хоть раз в месяц, перепадали такие заказы, то он бы жил. Его слова.

В июне 2006 года Генриха Прокопьевича не стало. Он немного не дожил до своих 70 лет — упокоился. Однако нашли его на улице возле какого-то магазина только недели через две...

Классный художник. Честный человек. Одиночка.

Игорь ЯМАНГУЛОВ,
фото автора

В ПАРИЖ БЕЗ ВИЗЫ

Возможно, некоторые из вас помнят, как нынешней весной в результате забастовки работников консульской службы посольства Франции в Москве более полутора тысяч россиян так и не смогли получить визы, чтобы провести майские праздники в Париже. Нашим крупно не повезло — несостоявшиеся туры, потерянные деньги, испорченное настроение...

А ведь любой из них легко мог совершить вояж к подножию Эйфелевой башни, и, заметьте, без всяких виз. Не верите? Напрасно. Я сам недавно вернулся из велопробега по маршруту Варна — Берлин — Париж. Для этого путешествия у меня не было открыто ни одно визы. Впрочем, для выезда за пределы России загранпаспорт мне всё же потребовался. Как водится, не обошлось без приключений: при возвращении в Россию меня задержали за нарушение режима государственной границы (переход вне установленного пункта пропуска и нахождение в пограничной зоне без разрешительных документов). Этот забавный эпизод только добавил ярких красок в пёструю палитру впечатлений от путешествия.

Что касается района, по которому пролегал мой путь, то, смею заверить, район великолепный, особенно в начале мая. Рекомендую: Зауральское плато. Именно здесь, по юго-восточному рубежу Российской империи, в 40-х годах XIX века по указу Николая I стали создаваться казачьи крепости-поселения. В память о великих сражениях и победах российской армии казаки давали новым посёлкам названия: Лейпциг, Рымникский, Куликовский, Бородиновка. Есть в этих краях Березинский, Балканы, Чесма, Редутово, Велико-Петровка, Александро-Невский и так далее.

Изучив карту, я наметил для себя веломаршрут: Варна — Лейпциг — Бер-

лин — Фершампенуаз — Париж. В Европе протяжённость такого маршрута составила бы 3100 км, а здесь на порядок меньше. Можно проехать за два-три дня. Сравнивая затраты на проезд в зарубежную Европу и в Зауралье мы, вероятно, получим то же соотношение — десять к одному. Оно, пожалуй, применимо и к стоимости проживания там и здесь. Ещё одно преимущество в том, что, в отличие от западного зарубежья, Зауралье для россиян — регион безвизовый.

До Варны Зауральской (как, впрочем, и до Варны Задунайской) из Екатеринбурга можно добраться на поезде. Однако я двинул своим ходом — через Верхний Уфалей, Карабаш, Миасс, Пласт, к пограничному Троицку. Тем более что места эти сами по себе весьма привлекательны для велотуризма. Южнее Троицка клинья казахской территории вдаются в наши земли, как фьорды в Норвегию. Огибая Казахстан, я в своём движении на юг мог бы и далее катить по России. Но разве можно, рассуждал я, ехать в Варну и не пересечь российской границы? Нет, всё должно быть по настоящему — погранпереход, таможня, штамп в паспорт, зарубежье. Сказано — сделано, и на третий день пути я покидаю Отчизну (Екатеринбург ещё недавно был глубоко тыловым городом Свердловском, а теперь линия госграницы находится всего в 350 км.).

Процедура перехода через российский КПП «Бугристое» и казахский «Кайрак» занимает не более десяти минут. Вернуться в Россию я рассчитываю в этот же день. Но впереди по маршруту больше нет официальных пунктов погранпропуска. Поэтому для выезда из зарубежья придётся воспользоваться электричкой Челябинск — Карталы. Дважды в день она проходит через этот

участок Казахстана, делая с полдюжины остановок, а её пассажиры пересекают границу без таможенных и пограничных формальностей. Вдоль железки тянется полевая дорога. Немного не доехав по ней до станции Бускуль, я пересеживаюсь на электропоезд и спустя час прибываю на станцию Тамерлан. Это и есть Варна, основанная в 1845 году оренбургскими казаками как пограничное поселение, в память о задунайских походах русской армии.

Зауральская Варна сегодня — это центр одноимённого приграничного района. Ближайший российский городок (Карталы) в 40 км. к юго-западу, ближайший сосед (Казахстан) — 10 км. на восток. Ландшафт района степной, отдельные рощи, озёра, в том числе солёные.

В Европе дистанция от Варны до Лейпцига составляет 1800 км, путь пролегает по территории шести стран. По Зауралью расстояние между этими двумя населёнными пунктами я покрываю за один час. Лейпциг встречает меня в вечерних сумерках.

Да, у казаков, основавших этот посёлок полтора десятилетия назад, было славное прошлое, думаю я. А вот как у нынешних селян насчёт светлого будущего? Оно как будто не очень радужное, если оценивать настоящее. Население сокращается, люди постепенно покидают Лейпциг. Пустует уже более 100 домов. Нет больницы, газа, сложно с водой. Вместо колхоза теперь частная агрофирма. Её доходы текут мимо карманов селян,

сдавших за бесценок свои земельные паи в аренду. В целом, картина типичная. Хотя близость другого государства вносит свою специфику в привычный сельский уклад. Некоторые жители приграничных посёлков пробуют себя (и вполне успешно) в контрабанде. Граница виртуальна, нет даже пограничных столбов, не говоря уже о сплошном ограждении, контрольно-следовых полосах и наблюдательных вышках. Посты стоят лишь на значимых дорогах. При этом водка в соседних районах Казахстана в несколько раз дешевле, чем в России. Именно она и является основным объектом контрабанды.

Утром покидаю Лейпциг. Что в Европе, что в Зауралье путь из Лейпцига в Берлин лежит на север. Только в Азии расстояния покороче — по прямой до Берлина с полста км. Но дорог нет, и придётся пересекать границу аж четыре раза, так извилисто она здесь пролегает. Помня, что короткий путь не всегда самый быстрый, решаю идти на Берлин в обход Казахстана через посёлки с боевыми названиями: Бородиновка, Редутово, Чесма, Тарутино...

Начало мая. Весна пробуждает зауральскую степь. Под ярким солнцем первоцветы пробиваются сквозь прошлогоднюю траву. Жаворонки, зависая в небе, разливают свои трели. Пролётные птицы — утки, журавли и белые лебеди — тянутся к местам своих гнездовий. Кряквы и кулички уже обосновались на здешних приграничных водоемах, с подболоченными и заросшими камышом берегами. Полевые дороги вьются, огибая то жнивье, то свежую пашню. По начинающим зеленеть пастбищам бродят стада тощих коров и небольшие табуны кобылиц, резво носятся подле них ещё совсем молодые жеребятя.

Уже ближе к вечеру таким же вот просёлком я ехал вдоль по краю государства Российского. Ехал, ожидая выйти на профилированную грейдером

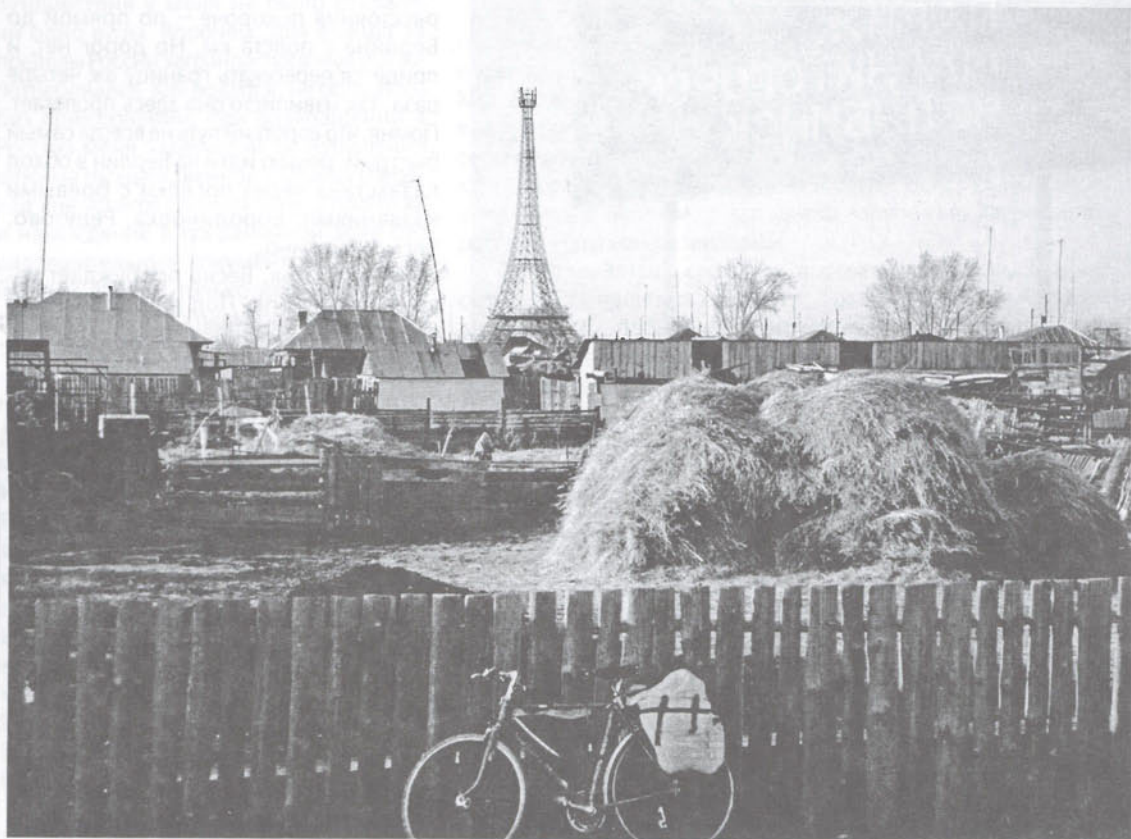

дорогу, по которой до Берлина уже рукой подать. Вскоре действительно показалась дорога, а на ней пост наших пограничников со шлагбаумом. Молоденький, улыбчивый сержант, с автоматом наперевес, сообщил мне, что пост их не имеет статуса международного погранперехода и что вышел я к ним с территории Казахстана, а значит, являюсь нарушителем государственной границы Российской

Федерации. Обо мне доложили на заставу, и через полчаса приехал УАЗик с подполковником. Он рассудил вполне здраво: турист – россиянин, паспорт при нём, ехал по России, слегка заблудился, ну так и пусть едет дальше.

Разглядывая карту района к югу от Троицка, создаётся впечатление, что в этом месте Казахстан запустил свою длань в русскую землю: вдающиеся

полосы казахской территории напоминают ладонь с растопыренными пальцами. В межпальцевых промежутках казахской «десницы» мыкают горе Богом забытые посёлки наподобие Берлина. Через них не проходят магистральные дороги, здесь нет пунктов пропуска через границу. Это тупики, задворки Империи.

В местном магазинчике задаю молоденькой продавщице провокационный вопрос: «Откуда такое название — Берлин? И много ли тут немцев?» Ответ порадовал знанием истории: «Это казачий посёлок, а немцев у нас и не бывало».

Полевыми дорогами выбираюсь на шоссе, которое поведёт меня на юго-запад, в Фершампенуаз. И снова на пути у меня посёлки с названиями в честь

Зауралья. Фольклорные коллективы нагайбакских казаков существуют во многих селах района. Более того, их представители регулярно выезжают в различные регионы России для участия в фестивалях народных культур.

Нагайбаки свой райцентр между собою называют «Фершанкой». Внешний вид его указывает на достаток и ухоженность, и это выгодно отличает посёлок от всех прочих, что встречались мне по маршруту Варна — Берлин — Париж. Однако самая большая и приятная неожиданность этого путешествия была уготована для меня именно в Париже.

Ещё на подъезде к селу я заметил Её изящный силуэт. Самый узнаваемый символ столицы Франции — трёхсотметровая Эйфелева башня — место паломничества туристов со всего мира. С лета прошлого года башня, аналогичная творению Гюстава Эйфеля, стоит и в зауральском посёлке со «скромным» названием Париж. Ночью, как и положено, контуры башни озарены огнями гирлянд, что ещё более усиливает родство с оригиналом.

Побродите в окрестностях башни. Немного фантазии — а что такое Париж без фантазии?! — и вы найдёте здесь и Марсово поле, и Елисейские поля, и Булонский лес. После сооружения Эйфелевой башни село посетила представительная французская делегация (журналисты и сотрудники Посольства Франции в Москве). Говорят, одним из результатов этого визита в недалёком будущем станет появление поблизости от башни бистро. Возможность такого дара со стороны французов обсуждалась ими в ходе встреч с нагайбакскими парижанами.

Кстати, о парижанах...

«Девушка, Вы парижанка?» — едва заехав в село, я обращаюсь с этим вопросом к первой попавшейся жительнице. Подозревая подвох с моей стороны,

славных побед русского оружия. Чесма, Березинский, Куликовский. Я знаю, в них живут прекрасные люди, которые помнят, когда и кем были основаны эти сёла, и с какими событиями отечественной истории связаны их названия. Сегодня опять наслаждаюсь замечательными видами вольных степных просторов. Они широко раскинулись по обе стороны шоссе. «Что же тут бывает зимой, в буран? — размышляю я, — наверное, ни неба, ни земли...».

Кстати, в Европе направление «Berlin — Ferre-Champenoise» тоже юго-западное, но расстояние между этими пунктами побольше, чем в Зауралье. Ровно 1000 км.

К исходу дня рельеф стал более холмистым, вновь появились берёзовые рощи. В одной из них, на границе Нагайбакского района, я и заночевал.

Нагайбаки — это этнографическая группа татар, потомки крещённых в XVI веке ногайцев. Они сохранили свой язык, культуру, получили статус малого народа России. Даже беглое знакомство с тем, как здесь хранят и развивают историческое и культурное наследие, поражает. Район глубоко провинциальный и сравнительно небольшой (примерно 50х70 км.). Ни одного населённого пункта со статусом города. И в то же время в районе целых шесть (!) действующих музеев. В райцентре Фершампенуаз, помимо историко-краеведческого музея, работающего уже не один десяток лет, есть собственная картинная галерея (представленная работами передвижников) и музей камня. Историко-краеведческий музей имеется и в селе Париж, последнем на моём маршруте по

она отвечает не сразу, но утвердительно. Полноте, милая, никаких подвохов нет! Мне только узнать, как найти дом здешнего учителя физкультуры, Василия Ивановича по прозвищу... впрочем, догадайтесь сами.

«Какowo чувствовать себя парижанками?» — спрашивал я у нагайбакских казачек. Из объяснений понял одно — для них это необременительно, они с этим родились. Жаль, в бытность мою в столице Франции не задал аналогичного вопроса француженкам. Впрочем, наверняка, тамошние парижанки ответили бы мне то же самое.

И всё же есть то, чего нельзя не заметить, общаясь с селянами. Их лица светлы, а если верить, что глаза — зеркало души, то их души, должно быть, прекрасны.

В Париже моё путешествие закончилось. 7 мая специальный автобусный рейс доставил в Екатеринбург на фестиваль казачьей песни два фольклорных коллектива нагайбаков из Домов Культуры села Париж и села Кассельское, а заодно привёз и меня, отныне поклонника их самобытного творчества. Я с удовольствием посетил этот фестиваль, ставший для меня открытием.

Из Парижа, заканчивая маршрут, можно проехать 20 км. по гравийной дороге до железнодорожной станции Джабык. Через неё ходят электропоезда из Магнитогорска в Карталы и обратно (по два рейса в день), есть пассажирский поезд Магнитогорск — Челябинск. Велопутешествие по Зауральскому плато можно продолжить — в сотне километров к югу от Джабыка находится Аркаим, популярное место у многих любителей эзотерических учений и просто любопытных людей.

Протяженность пройденного маршрута по Южному Уралу и Зауральскому плато составила 700 км. Общегеографические карты в масштабе 1:200

000 (из атласа «Челябинская область») для велопохода вполне годятся. Отмечу, что большая часть из пройденных по маршруту дорог, и обозначенных в этих картах как «щебёночные» или «гравийные», уже заасфальтирована. При желании маршрут «Варна—Берлин—Париж» можно проехать по дорогам с асфальтовым покрытием. Но я убеждён, что в этом случае очарование природы Зауральского плато раскроется перед вами не в полной мере. Вариантов же прохождения маршрута с использованием просёлков великое множество. Лесистые участки (в той части маршрута, что прошла по Зауральскому плато) встречаются не часто. В основном это берёзовые рощи, реже — смешанные леса (под Парижем и Чесмой).

Помимо всего прочего, район путешествия — отличный полигон для велотуристов, желающих приобрести навыки ориентирования и движения по хитросплетению полевых дорог в степном краю.

Напоследок краткая военно-географическая справка (о прототипах названий некоторых населенных пунктов на маршруте по Зауральскому плато).

Варна — бывшая крепость, ныне город и порт на Чёрном море. Районы, прилегающие к крепости, и она сама были местом ожесточённых сражений, осад и штурмов во время русско-турецких войн. В ходе войны 1828-29 гг. на Дунай была направлена русская армия под командованием фельдмаршала Витгенштейна с задачей занять Молдову, Валахию и Добруджу, овладеть крепостями Шумла и Варна. После длительной осады, ценой огромных потерь, 29 сентября 1829 г. Варна была взята.

Лейпциг возник как укрепленный пункт. Первое упоминание в 1015 г. В XIII-XV веках этот саксонский город, расположенный на пересечении важных торговых путей, становится крупным экономическим центром. Под Лейпцигом произошла «битва народов» — решающая баталия кампании 1813 года в войне России, Австрии, Пруссии и Швеции против наполеоновской Франции. Лейпцигское сражение привело к полному освобождению Германии и Голландии от французских войск и распаду Рейнского союза.

Берлин ведёт свою историю с 1307 года. Город возник от слияния двух славянских поселений. В 1486 г. он стал столицей Бранденбурга, затем Пруссии. В 1760 г, в период Семилетней войны (1756-63 гг.) Берлин впервые был занят русскими войсками. В феврале 1813 г. русские, преследуя армию Наполеона Бонапарта, вторично вошли в Берлин.

Фер-Шампенуаз — селение в 120 км. к востоку от Парижа. В 1814 г. возле него произошло сражение между союзной конницей и французской пехотой.

Париж возник из поселения паризьев, известного с I века до н.э. В 987 г. город стал столицей Франции. В марте 1814 г. на подступах к городу произошло сражение между войсками коалиции (Россия, Австрия, Пруссия) с одной стороны и французской армией — с другой. 31 марта союзники вошли в Париж, а шесть дней спустя Бонапарт отрекся от престола. Парижским сражением окончилась борьба России против наполеоновской Франции.

Александр МАКУРИН

Цвет жизнеобеспечения — белый

Мы продолжаем знакомить читателей «Уральского следопыта» с наградами субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ¹, и в этом номере расскажем о системе наград и почетных званий Тюменской области (без автономных округов).

29 января 1999 года Тюменской областной Думой был принят, а 15 февраля губернатором области подписан закон «О наградах и почетных званиях Тюменской области» (№ 82). Статьей 2 закона установлено, что награды и почетные звания Тюменской области являются формой поощрения жителей области, предприятий и организаций независимо от их организационно-правовых форм, признания их заслуг в деятельности, направленной на достижение экономического, социального и культурного благополучия населения области, за высокое профессиональное мастерство и многолетний добросовестный труд, признания выдающихся заслуг в сфере общественной и государственной деятельности.

Систему наград Тюменской области образуют: звание Почетного гражданина Тюменской области; Почетная грамота Тюменской областной Думы; Почетная грамота Губернатора Тюменской области; Благодарность Губернатора Тюменской области; Благодарственное письмо Тюменской областной Думы, а также Почетные звания Тюменской области.

В соответствии с областным законодательством присвоение почетных званий по сферам деятельности относится к полномочиям губернатора области, а присвоение звания «Почетный гражданин Тюменской области» — к полномочиям областной Думы, в которую соответствующее представление вносит губернатор.

Нагрудный знак «Почетный гражданин Тюменской области» разработан ООО «Издательство Вектор Бук», г. Тюмень (художник Таратунин Ю.В.), он изготавливается в типографии этого же предприятия. Знак будет исполнен из магния и латуни.

Первым звания «Почетный гражданин Тюмен-

ской области» в соответствии с постановлением областной Думы от 22 ноября 2005 года № 2412 за многолетний добросовестный труд, направленный на развитие Тюменской области и достижение экономического, социального и культурного благополучия населения Тюменской области, был удостоен Сергей Семенович Собянин, губернатор области в 2001–2005 гг., в настоящее время — руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

Областным законом от 15 февраля 1999 года № 82 сначала были установлены 13 отраслевых номинаций для присвоения почетных званий (промышленность, сельское хозяйство и т.д.), а в декабре 2004 года областным законом от 28.12.2004 года № 324 были добавлены еще 4 номинации.

Почетные звания Тюменской области присваиваются гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим на территории Тюменской области и проработавшим в соответствующей отрасли не менее 10 лет. Граждане, проживающие в других субъектах Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории области, могут награждаться наградами и удостаиваться почетных званий Тюменской области на общих основаниях.

Заклучения на поступившие ходатайства о награждениях и присвоении почетных званий области дает специально созданная Комиссия по наградам и почетным званиям, которая является постоянно действующим органом и работает на общественных началах.

Разработка эскизов нагрудных знаков к почетным званиям была доверена екатеринбургскому ООО «Гербоведъ» (директор В.К. Кондюрин — председатель Уральской геральдической ассоциации). А изготовлены они были в июне-июле 2004 года также в Екатеринбурге на ОАО «Ювелиры Урала». Заказано было по 15 экземпляров нагрудных знаков каждой номинации. Нагрудные знаки изготовлены из серебра с позолотой, в виде подвески, колодки к знакам покрыты эмалью. Текст номинации почетного звания на знаке помещен полностью (например: «Почетный

¹ См. «УС» №11, 2005

работник органов государственной власти и местного самоуправления Тюменской области») в обрамлении лаврового венка. Поскольку текст отнюдь не короткий, то надпись исполнена мелким шрифтом, хорошо различимым лишь на очень близком расстоянии. Поэтому основным внешним отличием нагрудных знаков является сочетание цветов эмали, обозначающее сферу деятельности.

Сначала цветные полоски на колодке предлагалось расположить горизонтально, в окончательном варианте они заняли вертикальное положение. Всего цветных полосок на колодке пять. Определяющим сферу деятельности является цвет трех полосок, сопутствующим – двух. Например: доминантный цвет для сфер, связанных с жизнеобеспечением человека – белый.

Лицам, удостоенным почетного звания, вручаются удостоверения и нагрудные знаки. Причем в удостоверение вклеивается и фотография награжденного.

Первое присвоение почетных званий и вручение нагрудных знаков к ним было осуществлено к 60-летию юбилею Тюменской области. Постановлением губернатора от 23 июля 2004 года № 44 за выдающиеся заслуги в сфере общественной и государственной деятельности по защите прав человека, развитию науки, культуры, производства и благотворительной деятельности, способствующие всестороннему развитию региона, росту благосостояния населения и повышению известности и авторитета Тюменской области в Российской Федерации и за рубежом и в честь 60-летия со дня ее образования были присвоены почетные звания сразу 52 жителям региона.

В числе других были удостоены званий: «По-

четный работник науки и образования Тюменской области» – ректор Тобольского государственного педагогического института Слинкин С.В.; «Почетный работник здравоохранения Тюменской области» – заведующий кардиохирургическим отделением областной клинической больницы Горбатилов К.В.; «Почетный строитель Тюменской области» – генеральный директор ОАО «Мостострой-11» Солохин В.; «Почетный работник транспорта Тюменской области» – директор Нижневартовского авиапредприятия Пысенков В.Г.; «Почетный работник органов государственной власти и местного самоуправления Тюменской области» – заместитель председателя Тюменской областной Думы Барышников Н.П.; «Почетный работник промышленности Тюменской области» – генеральный директор ОАО «Сургутнефтегаз» Богданов В.Л.; «Почетный работник физической культуры и спорта Тюменской области» – старший тренер сборной команды Ханты-Мансийского автономного округа по национальному многоборью Тасьманов А.П.

Позднее еще нескольким жителям области были присвоены почетные звания. Так, постановлением губернатора Тюменской области от 31 января 2006 года № 11 звания «Почетный работник охраны правопорядка Тюменской области» был удостоен председатель Тюменского областного суда Беляев В.Н.

Всего на сегодня почетные звания Тюменской области присвоены 64 гражданам.

Лицам, удостоенным наград и почетных званий Тюменской области, вручается существенная денежная сумма. Они также могут пользоваться отдельными льготами и преимуществами в случаях, установленных нормативными правовыми актами области.

	Почетное звание Тюменской области	Сочетание цветов эмали на колодке нагрудного знака
1	Почетный работник промышленности	Зеленый и красный
2	Почетный работник сельского хозяйства	Зеленый и оранжевый
3	Почетный работник науки и образования	Синий и голубой
4	Почетный работник здравоохранения	Белый и красный
5	Почетный работник культуры и искусства	Синий и белый
6	Почетный работник сферы обслуживания	Белый и светло-зеленый
7	Почетный строитель	Зеленый и белый
8	Почетный работник транспорта	Зеленый и синий
9	Почетный работник охраны правопорядка	Оранжевый и черный
10	Почетный работник сферы социальной защиты населения	Белый и голубой
11	Почетный работник лесного хозяйства	Зеленый и светло-зеленый
12	Почетный работник органов государственной власти и местного самоуправления	Оранжевый и красный
13	Почетный работник физической культуры и спорта	Белый и оранжевый
14	Почетный работник связи и телекоммуникаций	Белый и синий
15	Почетный работник охраны окружающей среды	Оранжевый и светло-зеленый
16	Почетный экономист	Синий и оранжевый
17	Почетный работник энергетики	Оранжевый и зеленый

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Выдано
**СОБЯНИНУ
СЕРГЕЮ СЕМЕНОВИЧУ**

*На основании Закона "О наградах и почетных званиях
Тюменской области" и в соответствии с постановлением
Тюменской областной Думы*

от 22 ноября 2005 года № 2412

Председатель
Тюменской областной Думы С.Е. Коротников

Губернатор
Тюменской области В.В. Якушев

Светлана КОРОТОВСКИХ,
фото Влада ДУБРОВИНА

В начале 2006 года прошёл 70-летний юбилей развития туризма на заводе «Уралмаш». Празднование такой даты не ограничилось только торжественным собранием и застольем. Логическим завершением стал майский водный поход. О нём нам рассказывает инициатор и один из главных организаторов Игорь Петрович Тхоревский.

К такому юбилею и поход должен быть особенным. Сначала была мысль собрать туристов-ветеранов, а также всех желающих и пройти маршрут на деревянном плоту, как раньше ходили, в 50–60-х годах. А цифра 70 должна была связать различные аспекты этого похода. Первый из них — километраж. Решено было пройти не менее семидесяти километров.

ПОХОД СЕМИДЕСЯТИ

Как всегда, встала проблема: куда идти? И, конечно, главный вопрос — вопрос времени. Ведь из многочисленного общества туристов относительно свободны лишь пенсионеры. У работающего человека каждый день на счету. Поэтому выбрали Чусовую. Она расположена близко, добраться до неё недорого и быстро. А стало быть, можно по максимуму использовать три выходных первомайских дня. К тому же, Чусовая — фирменный маршрут Урала. Из каких только мест не едут, чтобы полюбоваться на нашу красавицу-реку. А для нас сходить на Чусовую всё равно, что в поход выходного дня.

К сожалению, с постройкой плота ничего не вышло. Денег на такой проект нам не выделили. А рубить деревья в лесу сейчас запрещено. Тем не менее, народ идеей этого похода очень вдохновился. И не только ветераны туризма. Желающих поучаствовать в нём было много.

— Сколько же человек участвовало в сплаве?

— Вопрос количества участников тоже не был последним. Предполагалось, что в юбилейный поход отправятся не менее семидесяти туристов. И если бы несколько человек не посчитали для себя этот маршрут слишком простым, то так бы оно и было. Но на вкус и цвет товарищей нет. Поэтому на старте основной костяк группы составлял 65 человек. Возраст от 18 до 78 лет. Много студентов. Группа из студентов СИПИ, например, начала поход с нами, но пошла до поселка Кын. Забегая вперёд, скажу, что в Староуткинске к нам присоединилась группа туристов, празднующих свадьбу — молодожены с товарищами. Они дошли с нами до финиша — села Чусового. Так что 70 человек в нашем сплаве всё же участвовало.

— Говорят, был какой-то особенный «первый» катамаран?

— На первом катамаране шли туристы, возраст каждого из которых перевалил

за отметку 70 лет. Вот они: Станислав Петрович Горский (78 лет), Владимир Александрович Басалаев (75 лет), Игорь Петрович Тхоревский (75 лет), Анатолий Навалихин (72 года), Эльвира Некрасова (70 с небольшим).

Также в составе экипажа были два «юнга». До семидесяти им не хватило пары месяцев. Это Ю.А. Торокин и О.И. Лазарев. Ну, взяли и их. Надо же кому-

то котлы чистить? Всего получилось семь человек. Их общий возраст составлял 510 лет.

Нынешнего руководителя турклуба «Уралмаш» Анатолия Николаевича Лугина из-за его «молодости» пришлось посадить на второй катамаран. Там же была установлена эмблема клуба. И ещё на втором катамаране ехал «Лесной Дух». Для тех, кто не знает, поясню: это фигура туриста в полную величину, которая теперь стоит на входе в турклуб. Хотя некоторые злые языки утверждают, что никакой это не лесной дух, а член маршрутно-квалификационной комиссии нашего клуба Олег Бредихин, по прозвищу Петрович.

– Трудно было организовать такую массу туристов?

– Нелегко, конечно. Мы несколько раз собирались в клубе. У меня дома тоже постоянно раздавались звонки. Надо было всех распределить по катамаранам, перезнакомить тех, кто не был знаком. Ко мне, например, друг приехал из Тольятти; он тоже участвовал в нашем сплаве.

Созданы были группы и назначены руководители этих групп. Кстати, юбилейная цифра 7 и здесь имела место. Групп было семь. Все они — автономные. Одновременно только стартуют и финишируют. Схему передвижения на маршруте, ночёвки, питание они определяли для себя самостоятельно. Эта схема давно отработана уралмашевцами. Такие массовые походы в нашем турклубе давно не редкость.

— Как осуществлялась заброска такого количества людей и снаряжения?

— Тут тоже была продумана своя стратегия. У одного из наших туристов Владислава Григорьевича Бунькова есть небольшой старый домик в деревне Слобода, недалеко от Коуровки. Вот туда-то, в пятницу, накануне сплава и была привезена наиболее громоздкая часть снаряжения: катамараны, вёсла, палатки, доски для палуб и многое другое. Ночевало нас человек двадцать, и мы не торопясь подготовили плавсредства к выходу. Остальная часть группы с легкими рюкзаками приехала с утра, в субботу. Мы их ждали к 9:00, а на месте все уже были в 7:50. Быстро собрались и пошли. Всё очень мобильно получилось.

— Погода не подпортила настроение?

— С погодой повезло. Солнечно, даже намёка на дождь нет. Правда, по ночам подмораживало. На первой ночёвке — 8°, на второй — 6°. Женщины из нашей группы планировали вначале ночевать в своих палатках, но потом решили перейти в наш шатёр. Даже ставить его помогали. Всё-таки шатёр снабжён особой туристской печкой, и в нём значительно теплее, чем в обычной па латке (такие шатры берут в зимние походы). А мы на второй ночёвке наших спутниц будить на дежурство не стали, чем они

были очень довольны. Кстати, от города наш турклуб получил в подарок новый шатёр. Очень красивый, чистенький. Мы его в турклубе развернули, полюбовались, но с собой решили не брать. Мало того, что новый, так он ещё и с дном. Ну, не в тапочках же в нём ходить? В общем, взяли старый шатёр.

— А Чусовая что-нибудь подарила на юбилей?

— И подарила, и забрала. Забрала фотоаппарат С.П.Горского (он его утопил). А подарила мешок с рыбацкими сетями. Мы их обязательно возьмём на какой-нибудь летний сплав. Рыбу ловить будем.

— И песни петь. А гитар тоже было семь?

— Нет, семь не получилось. Всего с собой взяли пять гитар. В нашей группе тоже была гитара. На первой стоянке, уже после ужина, решили попеть. Но было холодно, поэтому решено было от костра перебраться в шатёр. Не успел я спеть и пары песен, а все уже храпят. Умаялись.

Зато очень много пели в автобусах. Особенно по дороге обратно домой.

Ещё не получилось сфотографироваться в тельняшках на берегу, хотя я специально всех предупредил, чтобы брали с собой. Ну, ничего. Исправим в следующий раз.

— В общем, поход удался?

— Конечно! Маршрут прошли, как на одном дыхании. С.П.Горский, несмотря на утолщенный фотоаппарат, переправил цифру 70 на 71 и хочет ещё раз сходить на Чусовую. А на «точке» (это традиционный сбор туристов после похода, своеобразный «разбор полётов») туристы высказали пожелание сходить на такой же массовый сплав и на 75-летний юбилей клуба. Маршрут пока уточняется.

«Перь Великая глаголемая Чюсовая»

Одна из тайн реки Чусовой заложена в самом ее названии.

Уже не одно столетие ученые мужи пытаются докопаться до логической сути его расшифровки. Вот несколько вариантов.

Один безоговорочно опровергнут уральским топонимистом, доктором филологических наук А.К. Матвеевым: «Нелеп взгляд, что топоним «Чусовая» состоит из четырех слов со значением «река»: чу (тибетское), су (тюркское), ва (коми-пермяцкое), я (мансийское), то есть «Река – река – река – река». Здесь, действительно, сочетание целой группы различных языков в названии одной реки абсолютно нереально.

Нельзя согласиться и с другим вариантом, отмеченным в начале 70-х годов XVIII века русским путешественником И.И. Лепехиным, возглавлявшим одну из научных экспедиций: «Может статься, что наименование реки сея несколько перепорчено, и она должна называться Часовая река, а не Чусовая: ибо должна ожидать известного времени или часа, в который суда отпустить можно». Опровержением этого мнения служит то, что река в документальных источниках никогда Часовой не называлась, как до начала масштабных грузоперевозок по этой реке (т.е. до начала XVIII века), так и во все последующие годы.

Преобладающим остается вариант (во многих источниках он преподносится уже как общепринятый), что свое название Чусовая получила от древнего пермяцкого сочетания «чус» (в современном удмуртском языке – бойкий, проворный) и «ва» (у коми-пермяков – вода). То есть Чусовая – это бойкая, проворная река, что вроде бы вполне оправдывается ее гидрологическим характером, особенно в ее верхней и средней части. Отмечу, что такое же топонимическое толкование, вероятно, имеет и небольшой верхнекамский приток – река Чус, протекающая в Коми-Пермяцком национальном округе и в Удмуртской республике.

Против последней версии существует только одно возражение – аналогичное название самого крупного озера в Пермском крае – Чусовского, которое никак не может быть бойким и проворным. Но здесь нужно заметить, что хотя название озера очень древнее, но оно вполне может быть вторичным. Озеро могло получить такое название (первоначально – Чусовское) как от поселившейся здесь племенной группы мигрантов с реки Чусовой, так и от возможного древнего местного названия всего прилегающего региона.

Познакомившись с документальными источниками XII–XVII и начала XVIII веков, включая и картографические материалы тех времен, мы

обнаружим, что в них река именуется несколько иначе – Чюсовая. Это ее старое название.

По всей видимости, для полной согласованности с русским (и особенно с северо-русским) разговорным языком, где в слове «Чюсовая» вместо «ю» все же более звучит «у», в первой половине XVIII века это прежнее название реки изменяется и для официального написания. Синхронно изменились и названия ее истоков – рек Полдневой (Полуденной) Чусовой и Западной Чусовой, а также Чусовского озера, из которого вытекает Полдневая Чусовая (позже это озеро, имеющее фактически небольшие размеры, будет называться Большим Чусовским, а подпитывающее его водой соседнее озеро станет именоваться Малым Чусовским).

Почему-то старое название реки Чусовой не попало в поле зрения исследователей-топонимистов. А ведь оно может существенно скорректировать топонимическую расшифровку названия реки.

Первое упоминание в письменных источниках слова «Чюсовая» мы находим в «Житие Стефана Пермского», написанном иноком Троице-Сергиевой обители Епифанием Премудрым в 1396–1397 годах. Воздавая хвалу жизненным деяниям недавно умершего создателя пермяцкой (коми-зырянской) азбуки, основателя Пермской епархии и ее первого епископа Стефана Пермского (в миру Степан Храп), Епифаний вводит в свое сочинение обширные географические и историко-этнографические сведения, причем во многом исходящие от самого Стефана.

Используя различные источники, Епифаний в «Житие Стефана Пермского» пишет следующее: *«А се имена местом и странам и землям и иноязычником, живущим вокруг Перми: Двиняне, Оустьюжане, Вилижане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гакане, Вятчане, Лопь, Корели, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Перь Великая глаголемая Чюсовая. Река же едина, ей же имя Вымь, си обходящая всю землю Пермскую, и вниде в Вычегдоу; река же другая именем Вычегда, си исходящая из земля Пермьская... река же третья нарицаемая Вятка, яже течеть в другую страну Перми и вниде в Камоу; река же четверта именем Кама. Сии есть, сии оубо обходящая и проходящая всю землю Пермскую сквозь ню, по ней же мнози языци седять, сии оубо грядущиа оустремлением прямо яко к югоу и своим оустием вниде в Волгоу, близ града нарицаемого Болгар. Незнаемо же, како из единой страны истекосте две реце Вычегда и Камь, овы оубо воды грядяхоу на полнощи, овы же на полдни».*

Здесь, в общем перечислении земель и народов, окружающих вымь – вычегодскую Перь (в те времена просто «Перь»), присутствует и

более удаленная от русских центров и в отличие от вымь-вычегодской Перми пока еще полностью неподвластная удельно-раздробленной Руси «Пермь Великая глаголемая Чюсовая».

К моменту написания этих строк термин «Пермь Великая» в северо-восточной Руси имел, вероятно, уже широкое хождение (в дошедших до нас древнерусских письменных источниках самые ранние его употребления относятся к 1321 и 1324 годам). И, вероятно, предназначение этого термина было двойное. Чаще он употреблялся непосредственно для обозначения обширного географического региона с пермяцким населением в бассейне верхней Камы. Но в определенных случаях служил и названием самого северокамского пермяцкого народа (будущие коми-пермяки, вероятно, часть будущих коми-зырян и часть будущих вотяков-удмуртов).

Такое двойное использование термина «Пермь Великая» в русских землях — загадка далекого по времени чюсовского названия. И своеобразное написание Епифанием названий земель и народов не позволяет нам через 600 с лишним лет с полной ясностью определить, что же конкретно сам Епифаний называет данным термином с приписанным к нему чюсовским дополнением. Только народ? Или только географическую область? А может быть, то и другое совмещено у Епифания?

Словом, четкой ориентации термина «Пермь Великая» в сочинении Епифания нет. Не можем мы пока разгадать и далекое по времени «чюсовское» название. Ясно пока лишь одно: «чюсовское» название просто из ничего не могло появиться в епифаниевом труде. Безусловно, что во времена жизни и деятельности Стефана Пермского и самого Епифания Премудрого (а это, кстати, времена значительного возвышения Владимиро-Московского княжества и заметного подъема русского самосознания) это название у северных пермяков и в определенных русских кругах существовало. И, предположительно, его назначение могло быть следующим.

1. В те далекие времена чюсовское или близкое к нему название могла носить крупная родоплеменная группа, обитающая в верхнекамском речном бассейне, и первоначальное чюсовское название могло исходить от наименования (возможно самоназвания) какой-то части пермяцкого (или другого) народа.

2. Могла в те времена иметь чюсовское название непосредственно вся великопермская область или ее часть. Причем такое название регион мог получить абсолютно независимо от какого-то крупного географического объекта или родо-племенной группы. Напротив, оно впоследствии могло быть задействовано для наименования других географических объектов, в частности — реки Чюсовой и озера Чюсовского.

3. Но более предпочтительным кажется следующий вариант. В своем описании Епифаний просто делает обычную для тех времен и для него самого в подобных случаях привязку области обитания «великих» пермяков к значимому в регионе кон-

кретному географическому объекту (возможно, и не одному) с местным названием — «Чюсовая — Чюсовое — Чюсовское». Для этого случая более подходит озеро Чюсовское, находящееся в те времена внутри области обитания «великих» пермяков и на оживленном транзитном пути из камского речного бассейна в вычегодско-северодвинские и печерские земли. Река же Чюсовая из-за своей удаленности от вымь-вычегодского региона и пермских транзитных путей вряд ли могла быть для русских людей и вычегодских пермяков крупным привязочным ориентиром.

Написанное Епифанием Премудрым «Житие Стефана Пермского» в последующие времена нередко включалось в новые летописные своды. Но в некоторых из них несколько изменен епифаниев текст. Так в 1-й Софийской летописи (конец XV века) в череде различных изменений обнаруживается, что приведенное выше перечисление земель и народов заканчивается иначе: «Пермь Великая, Гамаль Чюсовая». Еще позже подобные изменения вошли в Никоновскую (Патриаршую) летопись и в «Степенную книгу». Причем в одном из списков Никоновской летописи епифаниево перечисление заканчивается так: «Пермь Великая гамалочюсовая».

На мой взгляд, последнее изречение («гамалочюсовая») можно целиком отнести к халатности переписчика. А вот изменение Софийской летописи епифаниевых слов «глаголемая Чюсовая» на «Гамаль Чюсовая» и возможное отделение этого термина от Перми Великой разделительным знаком еще в оригинале (в таком случае чюсовское название вообще не относится к Перми Великой) могло быть и не случайным. То есть автор этого труда на основе каких-то новых данных мог сознательно сделать такое изменение. Это требует особой проверки.

Других древних письменных источников, где пермское (великопермское) название переплеталось бы или стояло рядом с чюсовским названием, похоже, не обнаружено. Начиная с XVI века многие источники относят чюсовское (со 2-й четверти XVIII века — чюсовское) название в основном к географическим объектам — реке, четырем озерам, ряду населенных пунктов. В свою очередь эти региональные названия нашли отражение в названиях бывших и настоящих промышленных объектов, различных учреждений, а также в старых прозвищах отдельных людей (в основном выходцев из чюсовских мест) и в последующих фамилиях их потомков.

В своем заключении хочу отметить следующее. Ради исторической справедливости современный Пермский край (с 2006 года — новое объединение Коми-Пермяцкого национального округа с Пермской областью), охватывающий большую часть верхне-среднекамского речного бассейна, желательнее именовать Великопермским краем (или Великопермской областью), оставив обычное пермское название (без всякого дополнительного выделения) для исторически бесспорного предшественника — Вымь-Вычегодского региона.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, — книгу-раскраску Андрея Патокина.

Продолжение. Начало в № 4-6, 2006

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ

Где-то под Тулой

Марине

В девяносто седьмом году, когда поезда и гостиницы стоили довольно дешево, а деньги, случалось, заводились даже у людей вроде меня, осенним не ранним утром я отправилась — куда глядят глаза — с Курского вокзала.

Шла четвертая осень в Москве. Аспирантская жизнь предполагала некоторый избыток времени, положенный на библиотечные дни, учебный отпуск и другое, не поддающееся иному контролю, кроме собственного. Жила я в Москве подолгу и часто уезжала, захватив пару книг и термос с кофе, за ее пределы.

Я любила столицу, но хорошо было целый летний месяц, сдавая, между делом, кандидатский минимум, плавать на катере на Клязьму — с Северного речного вокзала, располагавшегося через парк от общежития для врачей и аспирантов. Осенью и весной, когда на реках холодно, я, случалось, куда-нибудь отчаливала на электричке. Московские вокзалы наводили на мысль, выбирая примерно по вокзалу в год, попробовать все направления: рижское, ленинградское, белорусское, павелецкое, савеловское и так далее. Впрочем, даже следуя такому плану, я бы не осилила все вокзалы: их в Москве девять, а мое московское бытие длилось чуть более пяти лет.

Все же иногда я приезжала на какой-нибудь из вокзалов, очаровываясь его названием, и, оказываясь в сутолочной атмосфере сложного организма, состоящего из зданий вокзала, прилегающей площади, тоннелей, пешеходных мостов, вокзальных почтамтов и переговорных пунктов, жалела о том, что Москва для меня началась поздновато. Тридцать один год — хороший возраст для науки, но от дорог уже начинаешь немного уставать. Вспоминалось, как в семнадцать-восемнадцать лет я ездила на Самарский железнодорожный вокзал и, в волнении, празднично шаталась по нему, выучивая наизусть расписание поездов дальнего следования. Но в семнадцать лет больше всего хочется уехать откуда-то, а после тридцати — куда-нибудь приехать.

Из московских вокзалов я не жаловала только собственный, Казанский. Казалось недоразумением,

что моя родина находится в том же направлении, что и Средняя Азия. Я внутренне вздрагивала, видя безобидного узбека в полосатом халате, с невероятной кучей грязных тюков, сидящего прямо на каменном полу железнодорожных платформ: он напоминал, что Азия ближе, чем я привыкла считать. Годы, проведенные в Москве, не только не примирили меня с азиатами на Казанском, но как-то напротив. То, что с моего вокзала уходили также поезда в Сибирь и на Урал, не смягчало ситуации. Может быть, поэтому я предпочитала считать *своим* какой-нибудь другой вокзал, хотя бы на время.

Тот сентябрь, вообще-то, не располагал к поездкам.

Осенью раньше умер отец. Еще не прошло года, и я сильно скучала по нему. Я сняла на полмесяца номер в гостинице «Ленинградской», на Каланчевской площади, у трех вокзалов, — папа, бывая в Москве, останавливался в ней. Номер был на самом верху, в башне (где чувствуешь себя, как в небольшом домике, — если живешь больше трех дней, знаешь обитателей этажа в лицо). Все в ту осень складывалось хорошо, даже за дорогую гостиницу платила не я сама. Только отца не было. Я жила в «Ленинградской» со смешанным чувством боли и узнавания — папа много рассказывал о ней.

Если уж на то пошло, обитая у трех вокзалов, имело смысл уехать куда-нибудь с Ярославского, Ленинградского, на худой конец — с Казанского. Но в то утро, закончив дела, я случайно попала на Курский: перепутала переходы, переходя на Курской станции метро с Арбатско-Покровской линии на Кольцевую. Оказавшись на улице, я вдруг подумала, что впереди — выходные и что в театр меня не тянет, рынки я не люблю, а просто бродить по городу не хочется. Хотя отец давно уже не бывал в Москве, она казалась опустошенной. Как, впрочем, почти все города в то время: многое ощущалось тогда пустыней.

Теперь, пытаясь восстановить дорогу до станции, вдруг понимаю, что реальность той осени доходит до

АВТОР Татьяна Гоголевич — врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Живет в Тольятти. Имеет несколько десятков публикаций стихов и прозы в периодике и литературных сборниках Тольятти, Самары, Москвы. В 2004 году выпустила книгу стихов «Алые яблоки».

меня кусками. Сами куски перемешиваются между собой: например, знаю, что в одну сторону ехала электричкой (даже, кажется, пересеживалась с одного электропоезда на другой), а в другую, — поездом дальнего следования. Но что следовало вначале, а что потом — не помню. Все, что удалось вспомнить, — вокзал Курский.

Дальше получилось просто. В свободном окошечке я для чего-то спросила свободные билеты на ближайший рейс.

— На Тулу, — сказала девушка, осмыслив услышанное. Я тоже напрягла мозги: в них проскользнуло что-то неопределенное про самовары и Левшу. Я попросила билет до Тулы.

— Как в кино билет берете, — сказала девушка.

До Тулы я не доехала. Дорогу помню смутно, общим впечатлением естественности и простоты. Время от времени поезд летел сквозь жиденький дождь, и капли, лопаясь, налетали на вагонные стекла. Мелькали смазанные пятна — станции и леса, — неяркий, золотисто-бежевый цвет, — внезапно тающие в матовом, мягком, белом солнце, проступавшем из-за облачного дождя. И светло-голубое, и немного желтого. Сентябрь кончался. Иногда на стекла налипла тоненькая, блекло-ржавая листва, похожая на опаленную бумагу. Что-то еще было, неназойливое и располагающее.

Поезд увез меня довольно далеко от Москвы, но я только и успела подумать, как не похожа кроткая осень на другие, яркие, оранжево-бордовые. И ощутить, что напоминает это все своего рода заповедник осени, мягкую бесконечность, которую не объяснить словами.

Почему я вышла на одной из станций, — тоже не помню, просто вышла и не вернулась в вагон. Поезд еще какое-то время дышал за моей спиной железным зверем, и я даже не могу сказать, сознательно ли не стала в него возвращаться или так получилось. Когда он, грохоча, скрылся, я вдруг, отсроченно, почувствовала его чем-то вроде туннеля — того самого, в конце которого свет, только свет мне открылся сбоку.

Бывают места — как гавань, откуда уходят корабли, где хорошо отдыхать, но в их самом глубоком покое всегда чувствуется близость моря. Это место не напоминало гавань. Оно больше походило на выход в иной мир, собственно, это уже и был иной мир, потому что двери входа закрылись и поезд ушел.

За маленькой станцией расположился уютный городок — русский, небольшой: меньше иной деревни. От него веяло спокойствием и легкостью.

Я словно попала в некое особое состояние, которое приблизительно соответствовало России 30–50-х годов. Ощущение рождалось не только архитектурой, но общей наивной искренностью мира, открывшегося взгляду. Это необъяснимо, но определенно чувствовалось, как своего рода духовный запах.

В действительности же реальность пахла просто: березовой листвой, рябинами, горячими булочками, осенью. И дымом сосновых шишек: должно быть, топили самовар. Слышался ветер, шумящий садами. И

ничего особенного не происходило, но будто бы душа моя стала реальностью и отразилась в маленьком городке, как в зеркале. И я увидела ее со стороны.

Конечно, дело было не в архитектуре — хотя и в ней тоже. Смягченный и украшенный осенью, узнаваемый, основательный стиль неоклассицизма! Классика сталинского ампира — акцентирование фасадов, толстые белые колонны, барельефы с советской символикой, на крышах — портики. Сквер с фонтаном, белые гипсовые скульптуры. Мне всегда казалось, что в этом насыщенном античной экзотикой, оптимистичном романтизме продолжало (даже спустя годы) жить нечто настоящее: неподдельная страсть, и сила, и волнующая скорбь, как в песнях Георгия Виноградова.

Определенно, в городке когда-то замедлилось время. Прошлое сюда заходило, осознавалось, как стары дома бревенчатые и дома деревянные, но все, что следовало за пятидесятыми, благополучно не дошло до этого заповедного места, осев, должно быть, в городах типа того, в котором я родилась и выросла.

Мне понятно, не приходилось жить ни в тридцатых, ни в пятидесятых. Но они, как дым уже невидимого костра, веяли в доме, где я росла — рассказами родителей, фотоснимками, пластинками. Остатками запахов и звуков, еще встречающимися на улицах одеждами и архитектурой пятидесятые плавно входили в уже мои шестидесятые. Город моего детства тоже начинался расточительными колоннами, фонтанами и скульптурами в скверах.

Потом все это быстро стало исчезать. «Наш российский Детройт», «экономически развитая провинция со стремительным темпом жизни». Но даже голуби куда-то делись из российского Детройта — должно быть, перешли от тоски.

А тут царил покой. Он тихим, бледно-желтым цветом сыпался с деревьев, шелестел ветром, легонько звенел в чистом воздухе. Мне и в голову не пришло, что это тоже провинция, и притом, вероятно (в отличие от экономически благополучной провинции, из которой я приехала в Москву), провинция экономически менее благополучная. Собственно, тут во всем сквозило другое, в этом, в другом, она была более чем благополучна: она была благословенна. Еще не видя всего городка, я почувствовала, что в нем есть все, что нужно — почта, телеграф, гостиница, маленькая церковка или часовенка. В городке ничто еще не говорило о бомжах (которыми в те годы Москва буквально кишела). Никто не собирал объедки. На толстом афишном столбе (в детском моем городе тоже стоял такой) не маячили объявления о девицах, желающих провести с вами ночь или даже день. Как в старые времена, на толстой тумбе спокойно разместились афиши.

И водосточные трубы существовали в этом городке. Высокие, туманные от недавнего дождя и дымчатого солнца деревья нависали над крышами, листья текли по трубам тонкими струйками. У одного из домов с неровным, живописно обкатанным временем фундаментом, под трубой скопился маленький

ворох листвы. Водосточные трубы необъяснимо ассоциировались с музыкальными инструментами. И по всему — легко и мирно сглаживая резкие углы — рассыпалась осень. Будто бы я читала какую-то хорошую, светлую книгу.

Я пошла на маленькую станцию, чтобы узнать расписание. На неширокой асфальтовой дорожке, шурша, шевелились листья. Из-под листового сугроба (который для чего-то поддела носком ботинка), кашляя, вылезла небольшая собака с ясными глазами.

До поезда на Москву оказалось примерно часа полтора: хорошее время, не много, не мало. Не торопясь, я пошла в городок. Недалеко от станции, в скверике, в посеребренной каменной чаше, журчал фонтан. Над чашей нависали березы, вода почти скрывалась под плывучими лодочками березового сора. Девочка лет пяти, в голубом демисезонном пальтишке, из которого она выросла, что-то шепча, собирала яркие листья, сажая их в ведро с песком: вначале — желтые, потом — красные, потом — зеленые.

Я оглянулась по сторонам, но не увидела ярких листьев: ни красных, ни каких-либо других, одно сплошное высветленное облако листвы: дубы, липы, березы — по бокам, в небе, на земле. Между тем девочка выхватила из этого облака еще один листик, проявившийся в ее руках дрожащим алым цветом.

Прошла худая и строгая, высокая женщина в длинном кремовом плаще и потрескавшихся ботинках. Она сердито посмотрела в глубину уходящей по аллейке дорожки и вдруг повернулась ко мне:

— Вы тоже не видели Николая Петровича?

Николая Петровича я не видела.

— Вот негодяй! — с неожиданным сочувствием произнесла женщина, глядя мне в лицо. Ее собственное лицо покрывали морщины, но смотрела она чистым, молодым взглядом. Собственно, мне нечего было сказать. Женщина покачала головой и пошла дальше, по ходу что-то сказав девочке, игравшей с листьями у фонтана.

Я догнала ее, идущую в глубь уходившей в аллею дорожки, чтобы спросить, где гостиница. Она выглядела уже не сердитой, а, скорее, печальной.

— А что, — оживилась она, — разве вечер перенесли на сегодня?

— Я ничего не знаю о вечере, — сказала я, — гостиница нужна мне для другого.

Она объяснила. Это было рядом. Впрочем, тут, наверное, все было рядом. Падали листья, и один, зацепившись в волосах, влажно царапнул меня по щеке. Женщина не спешила, она вопросительно смотрела на меня, как бы ожидая, что мне может понадобиться что-то еще. Я поблагодарила ее и пошла к гостинице, а она шла рядом — дорожка была одна. Некоторое время мы молчали, а потом, из какого-то тихого озорства, я спросила ее:

— А где он, Николай Петрович?

— А где всегда, — охотно отозвалась женщина.

Тогда я спросила ее конкретно:

— А кто он, вообще?

— Вообще или теперь? — уточнила женщина.

Разговор принял странный оборот.

— Теперь, — осторожно сказала я.

Женщина задумалась и думала долго.

— Боюсь, что теперь он и сам этого не знает.

Мы расстались у поворота к гостинице. Машинально нащупывая во внутреннем кармане плаща плотные купюры, я снова ощутила, что впереди выходящие, а в Москве меня никто не ждет.

Вдруг оказалось, что вокруг, всюду, голуби. Так много лилось неяркого света, что они, вместе со своим оживленным воркованьем, размазывались в нем, не сразу попадая в фокус взгляда. Я подумала, что оставшаяся в московской гостинице видеокамера все равно бы этого не передала. Городок не запечатлелся бы с ходу, — ни словом, ни камерой. Хотелось дышать им, молчать, отключить сознание, заполненное столпившимися мыслями, желаниями, лишней памятью, остановиться, ощутить себя частью этого маленького пространства.

Неизвестно почему вспомнилось, что видела на станции какой-то особенный блокнот, захотелось его купить. Блокнот пришелся бы кстати. Я решила вернуться за ним.

В пустом сквере у станции, в тишине уже по вечернему меняющегося освещения, расположился духовой оркестр. Они распаковывали свои инстру-

менты, устанавливая их прямо на листе, покрывающей землю. На этой же листе стояли их маленькие табуретки.

Четверо музыкантов, причем трое из них составляли духовой оркестр, а четвертый был скрипачом. Большая труба, маленькая труба и что-то еще, — кажется, барабан с медной тарелочкой. Музыканты вели себя так, как если бы они никого и не ждали. Трубоч с большой трубой был толст и в очках, а другой трубоч — худ, а третий, с барабаном, — просто плотен и смешлив на вид. Скрипач тоже был худ — скорее, впрочем, строен, а также сед и молод.

Вдруг они заиграли, сразу, энергично и ясно.

Были ли музыканты профессионалами — судить не человеку, который и чисто внешне из духовых инструментов может идентифицировать только басовую трубу, саксофон и флейту (опустим здесь же голоса инструментов). Но музыка грянула над сквером и отразилась осенью, и красота ее осязалась физически. Она схватила меня, идущую, закружила и встряхнула — и полетела дальше, полилась, истончаясь, звонким дымом уходя в небо. Она возвращалась множеством отражений — от деревьев, от лиственной земли, самое небо отражало ее, отбрасывая на землю.

Чувственная прелесть, душа, дух? Не знаю. Мягко отсвечивала медь. Осень нарастала в скверике, как прибор, захлестывала его, стекала под ноги. Звуки, сродни молчанию, напоминали о тишине и прозрачности, и все текло, и все — было постоянно. Может быть, от обилия осени музыке передавалось первоначальное безмолвие, с которым создатель прислушивался к звукам внутри себя, прежде чем записать их на бумагу, делая звуками для других.

Когда трубы и ударник замолкали, начинал играть скрипач. Затаив дыхание, я смотрела, как стоит он, пока гудят трубы, безучастный, с опущенными руками, в одной — смычок, в другой — скрипка, и будто бы себя не помнит; и думает о чем-то, сильным и легким движением вскидывая скрипку на плечо, и рождается звук, и набирает силу и сочность, прежде чем оторваться и полететь. Скрипка пела в его руках. Он начинал рисовать звук, прикладывая усилия, — так живописец создает картину, — но дальше музыка словно бы не зависела от него и ему не принадлежала.

Так они и играли, мечтательно и просто. И классику, и мелодии тех самых 30–50-х, будто бы в дополнение к фонтану-чаше на пьедестале и белым колоннам. И гипсовым скульптурам, в которых рабоче-крестьянский тип удивительно переплетался с артистическим, — утонченным, чуть манерным, исполненным величия и драматизма начала 20-го века. Вспомнился Заболоцкий: «Толстозадые русалки улетают прямо в небо...»

Вот и репертуар оркестра сочетал музыку, одним вздохом обнимающую небо, с простенькими мелодиями. Довоенные танго, вальсы, фокстроты. «Вам возвращая Ваш портрет...», «Студенточка...», «Сядь со мною рядом». И 50-е, «Гитана», «Бесаме мучо», и, конечно, «В городском саду играет...»

Тридцатый год — папе двадцать лет, а еще через двадцать, в пятидесятом, — время маминой юности.

Как ветер, как запах моря и можжевельника, засквозил южный, давний город с такими же колоннами и чашами и духовым оркестром на эстраде у танцплощадки, — только большим, чуть ли не символическим.

Оранжево-розовая раковина в руке, мне всего шесть, темно-синий, теплый вечер, светлая папина рубашка, белое мамино платье из жесткого шелка в черных розах, выписанных тушью, и кожа цвета меда, и черные волосы, вальс. Машины подколотые короной косы разлетелись по воздуху, но она не поправила их, невозможно, а только рассмеялась. Они начинали первыми, на еще пустом пространстве танцплощадки. И отдыхающие, замерев, смотрели на них, а кто-то, улыбаясь, нависал надо мной в зыбкой синеве: девочка, а мама у тебя цыганка или еврейка? А папа у тебя — из Прибалтики?

Несколько месяцев назад я беспомощно искала своего ушедшего отца в южном городке, где они танцевали когда-то. Но ничего не обрела там. Необъяснимо, почему это вдруг вернулось ко мне в центральной, настоящей русской России.

Оркестр играл, и было странно. Я уже почти целый год никого не любила, совсем никого, я разучилась это делать и теперь чувствовала, что люблю, — но не могла понять, кого. Я любила по очереди всех музыкантов, а особенно — скрипача и басовую трубу, но не только. Я любила осень, и маленький городок, и всех тех, кто писал хорошую музыку, и, собственно, не только их. Была любовь, и нежность была, но самой меня не было, я словно исчезла, вместе с длинным своим плащом, и джинсами, и ботиночками, и при-

ческой до плеч, и горем, которое вдруг показалось не горше звучащей осени, растворилась. В чем? В осени? В музыке? В чем-то ином?

И чем дальше, тем больше все окружающее становилось лишь декорацией для музыки, летевшей над бедным, счастливым, недолгим миром, не знающим своего будущего.

А в сквере по-прежнему никого не было. Только — мы пятеро, неяркие звезды листвы, медленные птицы в небе среди ветвей. Русская осень, полузакрыв глаза, сидела, обхватив колени ладонями, в окружении сизых голубей. Листва сыпалась на ее плечи, и светлая улыбка, сошедши с ее лица, бродила сама по себе, солнечным лучом.

И никто из музыкантов ни разу не посмотрел в мою сторону. Для единственного ли слушателя играли они, или для самих себя, или для осени, просто чтобы листья летели под музыку, и мысль природы, ее разум, звучала посреди нее, — не так уж важно.

...И вот я высматриваю ту станцию в поисковых системах Интернета. Кажется, что найти ее — элементарно (как казалось сначала, что навсегда запомнила ее название).

Действительно, куда как проще. Городок. Провинция. Линия Москва—Тула. Расписание. Перечень станций: Царицыно, Подольск, Чехов, Шарапова Охота, Ока, Серпухов, Тарусская... Имя станции было простое и известное, вроде Ясной Поляны.

Набираю через «поиск» фотографии всех станций по очереди, но и снимки не поясняют дела. С фотографиями особенная путаница. На них станцию с духовым оркестром мне напоминают многие станции, даже те, которые шли в начале пути и не могли быть ею, — например, Чехов. По проведенному в пути времени я могла бы предположить Тарусу и несколько станций за ней, зато их снимки ни о чем не говорят. Станция исчезла, растворилась во времени, в безымянной сдержанности осени — вместе с именем.

Но как же все закончилось тогда? Да как-то очень просто. Играл оркестр, и чем дальше, тем выразительнее и ярче я понимала, что мне незачем куда-то уезжать оттуда. Собственно, я и так решила провести там выходные. Но, если можно так выразиться, дальше я еще сильнее решила провести их там.

Потом на станцию пришел поезд, и я — уехала.

Я вернулась в Москву, не понимая, зачем сделала это, еще не зная, чем буду заниматься в выходные. В городе стоял все тот же теплый, серовато-бежевый сентябрь. (Определенно, та осень была бежевой.) В теплые дни у вокзалов скапливался смог, но мой высокий этаж парил выше туманного, пахнущего поездами и бензином облака.

Ночью пошел дождь. Я подошла к окну, не зажигая света. Беззвучный коричнево-серый город таял в размытых огнях и проблесках-иглолках дождя. Звуки приглушались огромным окном с толстыми двойными стеклами. Распахнуть окно было невозможно: на верхних этажах окна завинчивались наглухо, как иллюминаторы подводной лодки. Но открывалась форточка.

И я открыла ее, чтобы слышать всю ночь, как уходят с Ленинградского вокзала поезда в Петербург, Таллин и Хельсинки, а с Ярославского — во Владивосток, Монголию и Китай.

БЕЛОПАШЕНЦЕВА-ПИНЬЖАКОВА Елизавета Устиновна (1888 —), авт. воспоминаний.

Участница рев. движения. Работала в подпольной большевистской типографии в Челябинске, затем в Уфе, Перми, Екатеринбургe. В 20-х гг., окончив библиотечные курсы, была библиотекарем. Ее воспоминания «Подпольная типография» напеч. в кн. «Женщины Урала в революции и труде». Св., 1963. С. 109-112 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. №. 3152.

БЕЛОРОСОВА О., авт. воспоминаний.

«Из воспоминаний участницы рев. движения О. Белоросовой об аграрном движении в Десятско-Пятницкой волости Боровичского уезда летом 1905 г.» \\ Революционное движение в Новгородской губ., 1905-1907 годы: Сб. документов и материалов. Л., 1980. С. 122-123.

ИДРДВ. Т.5. Ч. 2. № 1065.

БЕЛОУСОВА Августа Ивановна (1889 —), авт. воспоминаний.

Медик (?). Отрывки из неопубл. писем. в ст.: «Образ Д.К.Заболотного по воспоминаниям лиц, его знавших, и учеников». — В кн.: Гиммельфарб Я.К., Гродский К.М. «Д.К.Заболотный» М., 1958.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5693.

БЕЛОУСОВА Елена Ивановна, авт. воспоминаний.

Медицин. сестра. «Воспоминания о В.В.Маяковском: Пересказ» \\ «Огонек». 1983. № 29, с.24.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1409.

БЕЛОЦВЕТОВА Мария Э. (урожд. Жемочкина; 1892 —), автор дневника.

Жена писателя Н.Н.Белоцветова. «Дневник» (1919 нояб. 26 — 1920 мая 1). — РГБ ОР, Ф.24, 5.1.

ВД. Указ. рук. (указ. имен).

БЕЛОЦВЕТОВА Т.Ф.

Пер. ст. фр. писателя-книголюбца Альберика Кайюе «Является ли женщина библиофилом?». Перевод был предназн. для «Альманаха библиофила» (Л., 1929), но не вошел в сб. Однако нек. экз. оттиска статьи были потом вплетены владельцами в текст сборника (См. Ласунский О.Г. Среди книг о книгах и книжниках. — «Книга. Иссл. и мат» Сб. 68. М., 1994. С.361-362).

БЕЛЫШОВА, (подпис. Б.), поэтесса.

Воспитанница Екатерининского ин-та. «К фантазии», стихотв. в «Сыне отечества». 1814. (?) Ч. 12. № 9 — рец. И.П.Быстрова в «Сев. пчеле». 1814. (?) № 13б; «На смерть подруги А.Н.Кр-й»; «Совет юной подруге» \\ «Сын отечества». 1817. Ч. 39. Державин посв. Б. восьмистишие «Сочинительнице стихотворений: К фантазии и На смерть подруги» в «Сыне отечества» 1814. Ч. 12. № 10.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Александр ШОРИН,
Юрий ЕРОХИН,
фото Валерия ТЮЛЬКИНА, кандидата г.- мин. наук, зам. директора геологического музея УГГУ

Камень цвета зари

Розовый топаз считают самым дорогим из всего цветового многообразия этого камня. И не только из-за редкости находок, но и благодаря его окраске, которая символизирует надежду, чистоту и новизну.

Напрашивается аналогия с утренней зарей, когда происходит обновление природы, связанное с приходом нашего светила.

Светло-розовые топазы олицетворяют собой начало дня, а темно-розовые и фиолетовые являют закат, будто они впитали в себя все тяготы и проблемы, накопившиеся за день.

Окрашенные в розовые тона, камни как бы держат и хранят частичку тепла, что не удивительно, ведь топаз иногда именуют «огненным камнем»: его название на санскрите означает «огонь» или «тепло». Однако это утверждение оспаривал еще Плиний Старший, когда говорил, что назван этот камень по имени острова Топазос (ныне о.Забаргад) в Красном море. Остров тот был часто скрыт туманом, и его довольно трудно было отыскивать мореплавателям, а слово «топазин» на языке «троглодитов» (так римляне называли чужеземцев) означает «искать»...

Последнее определение напрямую связано с уральским розовым топазом. У нас такие топазы встречались только при разработке Кочкарской системы золотоносных россыпей в долинах рек Каменки и Санарки еще в XIX веке. Их первая находка была сделана в 1853 году, и уже тогда они поразили всех своей чистотой и окраской. Попутно из этих же россыпей добывали другие редкие драгоценные камни — рубины, эвклазы, фенакиты и хризобериллы.

Когда золотые россыпи истощились, находки розового топаза тоже прекратились. Долгое время первичным источником этих драгоценных камней в россыпях считались гранитные (миароловые) пегматиты Кочкарской интрузии. Однако обнаружить розовый топаз и другие минералы в друзовых полостях пегматитов Борисовского, Михайловского и Светлинского пегматитовых полей так и не удалось. Только в конце 60-х годов прошлого века они были найдены А.С.Таланцевым и А.Ю.Кисиним в коренном залегании среди мраморов и мраморизованных известняков. Ученые проследили

эту площадь с розовым топазом и другими драгоценными камнями вдоль всего восточного края Кочкарской гранитной интрузии на протяжении 60 км. Оказалось, что породы обнажились непосредственно в берегах рек Каменки и Санарки, но на них никто не обращал внимания. И до сих пор добыча уникального розового топаза, а попутно и других драгоценных камней, у нас не производится. Кроме Кочкарских россыпей отмечались единичные кристаллы розовато-фиолетового топаза в коях Липовского никелевого месторождения в окрестностях г.Режа.

Розовая и розово-фиолетовая окраска уральских топазов связана с наличием в структуре минерала трехвалентного хрома. Под действием солнечного света розовый топаз не меняет своего цвета, но с применением технических средств его окраска становится неустойчивой. Установлено, что розовая окраска топазов сохраняется даже при нагревании до 800°. Однако заметили, что этот самый редкий розовый цвет можно получать искусственно: стоит нагреть коричнево-желтый кристалл, как он после остывания становится розовым. Один коллекционер даже любил этим развлекать своих гостей. У них на глазах он помещал в камин тигель с несгораемым порошком, в котором находился кристалл топаза, и после какого-то времени торжественно извлекал великолепно окрашенный розовый камень. Удивительно то, что возникший цвет потом не исчезает, как это часто бывает со многими розовыми минералами: топаз словно бы впитывает в себя огонь и, приобретая его окраску, уже с ней не растает. Такие же опыты проводил знаменитый академик А.Е.Ферсман.

Современные технологии позволяют добывать почти любого цвета: искусственную розовую окраску получают не только путем нагревания, но и с помощью облучения рентгеновскими лучами. И она становится вполне тождественной природной розовой, что подтверждается спектральными исследованиями.

Ювелирная особенность этого камня — неподражаемая внутренняя игра света и сильный блеск. Наиболее известным ювелирным украшением из розового топаза является один из рыцарских орденов Золотого руна, учрежденного в 1430

году герцогом Бургундским Филиппом Добрым. С 1577 года главными магистрами ордена были испанские короли, а членство в ордене и право носить его знак отличия принадлежало только высшей аристократии. Именно этот орден с пятью крупными ограненными овальными розовато-лиловыми бразильскими топазами хранится в Алмазном фонде России. К сожалению, уральские розовые топазы встречаются настолько редко, что изготовление ювелирных изделий из них не практикуется, и их кристаллы в основном сосредоточены в геологических музеях и частных коллекциях.

ЧИТАЙТЕ В АВГУСТЕ:

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

«В вечерних сумерках на кромке широко раскинувшегося болота, словно призрак из ниоткуда, появился таёжный великан – сохатый. Без единого звука, – не хрустнет веточка, не шелохнётся и травиночка, – чутко втягивая прозрачный воздух, он не шёл, а словно плыл в сгущающихся сумерках...»

Взволнованно-тревожный рассказ Владимира Юкчубаева читайте в следующем номере!

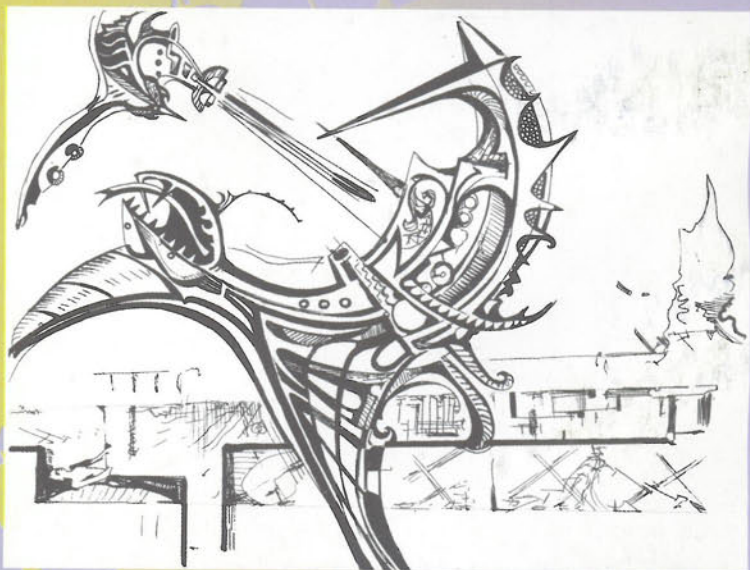
РЕКА ВРЕМЕНИ

В Свердловском госархиве есть «Ландкард Дачам госпож наследниц Расторгуева». На этой карте земли, купленные Расторгуевым у Демидова в 1809 году, составляют неделимую площадь в восемь тысяч квадратных верст. Расторгуев покупал их в надежде добыть здесь золото. О земельных спорах заводчиков и о золотой жиле Расторгуева читайте в очерке Павла Федотова.

АЭЛИТА

Расположившись на балконе высотного этажа и прихлебывая из бутылочек прохладное пиво, Джеки наслаждался зрелищем сражения. В миле над землей два гигантских сверкающих корабля, грузно маневрируя, стегали друг дружку огненными радугами. Ее Величество Смерть сотрясала небеса грохотом, разгоня горожан по подвалам и переполненным убежищам.

Читайте в августовском номере журнала приключенческую новеллу Андрея Щупова «Никто не устоит перед кино».

Хочешь двигаться – ищи попутчика.